

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ГІСТОРЫЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

HISTORY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит один раз в квартал

2

2026

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	КОХАНОВСКИЙ А. Г. – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Заместитель главного редактора	МЕНЬКОВСКИЙ В. И. – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Ответственный секретарь	МАСКЕВИЧ А. И. – кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: maskevich@bsu.by
Бон Т.	Гисенский университет им. Юстуса Либиха, Гисен, Германия.
Бородкин Л. И.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Волянски Ф.	Институт истории Вроцлавского университета, Вроцлав, Польша.
Жанбосинова А. С.	Научно-исследовательский центр Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Жеребцов И. Л.	Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.
Линднер Р.	Констанцкий университет, Констанц, Германия.
Минасян Э. Г.	Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Упадуэй А.	Центр российских и центральноазиатских исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Нью-Дели, Индия.
Фишер Д.	Техасский университет в Браунсвилле, Браунсвилл, США.
Фэн Ш.	Институт международных отношений и регионального развития, Центр изучения России Восточно-Китайского педагогического университета, Шанхай, Китай.
Шмигель М.	Университет Матея Бела, Банска-Бистрица, Словакия.
Яновский О. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л. С.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Бабищев А. Н.	Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Брест, Беларусь.
Виддер Э.	Институт средневековой истории Тюбингенского университета им. Эберхарда Карла, Тюбинген, Германия.
Дук Д. В.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Карпов С. П.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Карпюк С. Г.	Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия.
Коваленя А. А.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Космач В. А.	Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Кошелев В. С.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лавринович Д. С.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Ларин М. В.	Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия.
Лозовиук П.	Западно-Чешский университет, Пльзень, Чехия.
Локотко А. И.	Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Марзалиук И. А.	Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мезга Н. Н.	Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Беларусь.
Микнис Р.	Институт истории Литвы, Вильнюс, Литва.
Нечухрин А. Н.	Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Новгородский Т. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Туманс Х.	Латвийский университет, Рига, Латвия.
Ураков Д. Ж.	Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан.
Ходин С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

Галоўны рэдактар	КАХАНОЎСКІ А. Г. – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Намеснік галоўнага рэдактара	МЕНЬКОЎСКІ В. І. – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: menkovski@bsu.by
Адказны сакратар	МАСКЕВІЧ Г. І. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; загадчык кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь. E-mail: maskevich@bsu.by

Бародкін Л. І.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Бон Т.	Гісенскі ўніверсітэт імя Юстуса Лібіха, Гісен, Германія.
Валанскі Ф.	Інстытут гісторыі Вроцлаўскага ўніверсітэта, Вроцлаў, Польшча.
Жанбасінава А. С.	Навукова-даследчы цэнтр Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л. М. Гумілёва, Астана, Казахстан.
Жарабцоў І. Л.	Інстытут мовы, літаратуры і гісторыі Комі навуковага цэнтра Уральскага аддзялення Расійскай акадэміі навук, Сыктыв'кар, Расія.
Лінднер Р.	Констанцкі ўніверсітэт, Констанц, Германія.
Мінасян Э. Г.	Ерэванскі дзяржаўны ўніверсітэт, Ерэван, Арменія.
Упадуэй А.	Цэнтр расійскіх і цэнтральнаазіяцкіх даследаванняў Універсітэта імя Джавахарлала Неру, Нью-Дэлі, Індыя.
Фішэр Д.	Тэхаскі ўніверсітэт у Браўнсвіле, Браўнсвіл, ЗША.
Фэн Ш.	Інстытут міжнародных адносін і рэгіянальнага развіцця, Цэнтр вывучэння Расіі Усходне-Кітайскага педагогічнага ўніверсітэта, Шанхай, Кітай.
Шмігель М.	Універсітэт Мацея Бела, Банска-Бістрыца, Славакія.
Яноўскі А. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

МІЖНАРОДНЫ РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ

Белавусаў Л. С.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Вабішчэвіч А. М.	Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь.
Відэр Э.	Інстытут сярэднявечнай гісторыі Цюбінгенскага ўніверсітэта імя Эберхарда Карла, Цюбінген, Германія.
Дук Д. У.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Каваленя А. А.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Карпаў С. П.	Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, Масква, Расія.
Карпюк С. Г.	Інстытут усеагульнай гісторыі Расійскай акадэміі навук, Масква, Расія.
Космач В. А.	Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь.
Кошалеў У. С.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Лазавюк П.	Заходне-Чэшскі ўніверсітэт, Пльзень, Чэхія.
Лакотка А. І.	Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
Ларын М. В.	Гісторыка-архіўны інстытут Расійскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта, Масква, Расія.
Лаўрыновіч Д. С.	Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, Магілёў, Беларусь.
Марзалюк І. А.	Палата прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь.
Мікніс Р.	Інстытут гісторыі Літвы, Вільнюс, Літва.
Мязга М. М.	Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель, Беларусь.
Навагродскі Т. А.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
Нячухрын А. М.	Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, Гродна, Беларусь.
Туманс Х.	Латвійскі ўніверсітэт, Рыга, Латвія.
Уракаў Д. Ж.	Нацыянальны ўніверсітэт Узбекістана імя Мірзо Улугбека, Ташкент, Узбекістан.
Ходзін С. М.	Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	KAKHANOUSKI A. G. , doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: kohanovsky@bsu.by
Deputy editor-in-chief	MENKOUSKI V. I. , doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: menkovski@bsu.by
Executive secretary	MASKEVICH H. I. , PhD (history), docent; head of the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: maskevich@bsu.by

Bohn T.	Justus Liebig University of Giessen, Giessen, Germany.
Borodkin L. I.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Feng Sh.	School of Advanced International and Area Studies, Centre for Russian Studies, East China Normal University, Shanghai, China.
Fisher D.	University of Texas Rio Grande Valley, Brownsville, USA.
Lindner R.	University of Konstanz, Konstanz, Germany.
Minasyan E. G.	Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Šmigel' M.	Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.
Upadhyay A.	Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, New Delhi, India.
Wolański F.	Institute of History, University of Wrocław, Wrocław, Poland.
Yanouski A. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhanbossinova A. S.	Research Centre of L. N. Gumilyov, Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Zherebtsov I. L.	Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Belousov L. S.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Duk D. V.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Karpov S. P.	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Karpyuk S. G.	Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Khodzin S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Koshelev V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kosmach V. A.	Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
Kovalenya A. A.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Larin M. V.	Institute for History and Archives, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia.
Lavrinovich D. S.	Mogilev State A. Kuleshov University, Magiliow, Belarus.
Lokotko A. I.	National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Lozoviuk P.	University of West Bohemia, Plzeň, Czechia.
Marzaluk I. A.	House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Miazga M. M.	Francisk Skorina Gomel State University, Gomiel, Belarus.
Miknys R.	Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania.
Nechukhrin A. N.	Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Novogrodsky T. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Tumans H.	University of Latvia, Riga, Latvia.
Vabishchevich A. N.	Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus.
Widder E.	Medieval History Institute, Eberhard Karls University of Tübingen, Tübingen, Germany.
Urakov D. Z.	National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan.

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN HISTORY

УДК 94(476.5-21):347.471(091)

«ВЫСОЧАЙШИЙ ПЛАЦ» ИЛИ «ГОРОДСКОЙ БУЛЬВАР»? СТАТИСТИКА, ПАМЯТЬ И ЛИЧНЫЕ СЧЕТЫ В КОНФЛИКТЕ ВОКРУГ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛОЦКА (1830-е гг. – 1908 г.)

А. М. ЛУКАШЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе применения микроисторического подхода и анализа архивных материалов исследуется многолетняя борьба (1830-е гг. – 1908 г.) между Полоцким кадетским корпусом и городским обществом за контроль над центральной площадью. Показывается, как в этом частном казусе преломились ключевые противоречия имперской России рубежа XIX–XX вв. Реконструируются 5 фаз противостояния – от локальных столкновений до рассмотрения в высших органах власти (Сенат, Государственный совет), что отражает эволюцию управленческих механизмов от монаршего диктата до бюрократического арбитража. Особое внимание уделяется двум аспектам, определившим остроту конфликта: 1) его глубокой персонализации через фигуры директора корпуса генерала А. П. Тыртова и городского головы Н. В. Литвинова, чьи личные мотивы и карьерные траектории стали катализатором эскалации конфликта; 2) дискурсивной борьбе (конструируемые корпусом угрозы нравственного разложения, санитарной опасности, осквернения символа воинской славы, демографического захвата и образ осажденной крепости противопоставлялись правовым

Образец цитирования:

Лукашевич АМ. «Высочайший плац» или «городской бульвар»? Статистика, память и личные счёты в конфликте вокруг публичного пространства Полоцка (1830-е гг. – 1908 г.). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026;2:5–21.
EDN: CABXNO

For citation:

Lukashevich AM. «The highest parade ground» or «city boulevard»? Statistics, memory, and personal vendettas in the conflict over public space of Polotsk (1830th – 1908). *Journal of the Belarusian State University. History*. 2026;2:5–21. Russian.
EDN: CABXNO

Автор:

Андрей Михайлович Лукашевич – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrei M. Lukashevich, doctor of science (history), full professor; professor at the department of modern and contemporary history of Belarus, faculty of history.
lukashevand@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5868-8114>

и хозяйственным аргументам городского самоуправления). Делается вывод о том, что спор о плаце был не просто имущественным конфликтом, а столкновением принципиально разных моделей публичного пространства – закрытого военно-дисциплинарного и открытого общегородского.

Ключевые слова: Полоцкий кадетский корпус; городское самоуправление; публичное пространство; локальный конфликт; Н. В. Литвинов; А. П. Тыртов; дискурс; историческая память; Российская империя; Витебская губерния.

«НАЙВЫШЭЙШЫ ПЛЯЦ» ЦІ «ГАРАДСКІ БУЛЬВАР»? СТАТЫСТЫКА, ПАМЯЦЬ І АСАБІСТЫЯ РАХУНКІ Ў КАНФЛІКЦЕ ВАКОЛ ПУБЛІЧНАЙ ПРАСТОРЫ ПОЛАЦКА (1830-я гг. – 1908 г.)

А. М. ЛУКАШЭВІЧ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. На аснове прымянення мікрагістарычнага падыходу і аналізу архіўных матэрыялаў даследуецца шмат-гадовая барацьба (1830-я гг. – 1908 г.) паміж Полацкім кадэцкім корпусам і гарадскім грамадствам за кантроль над цэнтральнай плошчай. Паказваецца, як у гэтым прыватным казусе пераламіліся ключавыя супярэчнасці імперскай Расіі мяжы XIX–XX стст. Рэканструююцца 5 фаз супрацьстаяння – ад лакальных сутыкненняў да разгляду ў вышэйшых органах улады (Сенат, Дзяржаўная рада), што адлюстроўвае эвалюцыю кіраўніцкіх механізмаў ад манаршага дыктату да бюракратычнага арбітражу. Адмысловая ўвага надаецца двум аспектам, якія вызначылі вастрэньню канфлікту: 1) яго глыбокай персаналізацыі праз постаці дырэктара корпуса генерала А. П. Тыртова і гарадскога галавы М. В. Літвінава, чые асабістыя матывы і кар’ерныя траекторыі сталі каталізатарам эскалацыі канфлікту; 2) дыскурсіўнай барацьбе (пагрозы маральнага разлажэння, санітарнай небяспекі, апаганьвання сімвала воінскай славы, дэмаграфічнага захопу і вобраз абложанай крэпасці, якія канструяваліся корпусам, супрацьпастаўляліся прававым і гаспадарчым аргументам гарадскога самакіравання). Робіцца выснова аб тым, што спрэчка пра пляц была не проста маёмасным канфліктам, а сутыкненнем прынцыпова розных мадэляў публічнай прасторы – закрытай ваенна-дысцыплінарнай і адкрытай агульнагарадской.

Ключавыя словы: Полацкі кадэцкі корпус; гарадское самакіраванне; публічная прастора; лакальны канфлікт; М. В. Літвінаў; А. П. Тыртаў; дыскурс; гістарычная памяць; Расійская імперыя; Віцебская губерня.

«THE HIGHEST PARADE GROUND» OR «CITY BOULEVARD»? STATISTICS, MEMORY, AND PERSONAL VENDETTAS IN THE CONFLICT OVER PUBLIC SPACE OF POLOTSK (1830th – 1908)

A. M. LUKASHEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Using a microhistorical approach and an analysis of archival materials, this article examines the long-term struggle (1830th – 1908) between the Polotsk Cadet Corps and the city community for control of the central square. It shows how this particular incident reflected the key contradictions of imperial Russia at the turn of the 20th centuries. Five phases of the confrontation are reconstructed – from local clashes to consideration by the highest authorities (the Senate, the State Council), reflecting the evolution of governance mechanisms from monarchical dictate to bureaucratic arbitration. Particular attention is paid to two aspects that determined the severity of the conflict: 1) its deep personalisation through the figures of the corps director, General A. P. Tyrto, and the mayor N. V. Litvinov, whose personal motives and career trajectories became the catalyst for the escalation of the conflict; 2) the discursive struggle (the threats of moral decay, sanitary danger, desecration of the symbol of military glory, demographic takeover, and the image of a besieged fortress, constructed by the corps, were contrasted with the legal and economic arguments of city self-government). It is concluded that the dispute over the parade ground was not simply a property conflict, but a clash of fundamentally different models of public space – a closed military-disciplinary one and an open city-wide one.

Keywords: Polotsk Cadet Corps; city self-government; public space; local conflict; N. V. Litvinov; A. P. Tyrto; discourse; historical memory; Russian Empire; Vitebsk province.

Введение

Локальные имущественные и территориальные конфликты в городах Российской империи долгое время оставались на периферии исторического интереса, рассматриваясь как малозначительные «бытовые» споры. Однако именно такие казусы, как многолетнее противостояние вокруг плаца Полоцкого кадетского корпуса, служат идеальным объектом для применения методологии микроистории. Данная методология позволяет через «увеличительное стекло» конкретного случая выявить общие механизмы функционирования государственной системы Российской империи. На этом материале можно проследить взаимодействие центра и местных сообществ, а также увидеть, как макропроцессы – реформы, рост общественной активности – преломлялись в повседневной жизни и находили выражение в языке конфликта.

История Полоцкого кадетского корпуса привлекала внимание исследователей, однако изучалась она преимущественно в институциональном и персонализированном ключе. Так, работы В. И. Шайкова, А. М. Лукашевича, А. Л. Самовича и С. И. Полякова были посвящены подготовке офицерских кадров и судьбам воспитанников учебного заведения [1–3]. История самого здания – бывшего иезуитского комплекса – рассматривалась в исследованиях В. С. Филипенко, Е. В. Глазырина, А. А. Соловьёва [4]. В новейших публикациях А. М. Лукашевича детально анализируются кадровый состав корпуса, его преобразование в военную гимназию, а также судьба заведения в период войн [5–8].

Несмотря на эти публикации, локальный конфликт между Полоцким кадетским корпусом и городским обществом вокруг плаца не становился предметом специального научного исследования и в существующих работах лишь изредка упоминался. До настоящего времени остаются нераскрытыми его внутренняя динамика, мотивация сторон, дискурсивные аспекты¹ и место в системе отношений центр – периферия. В связи с этим в данной статье предлагается целостная реконструкция данного конфликта как многопланового процесса с помощью

методов институциональной истории, исторической антропологии и истории повседневности.

Целью настоящей работы является многоуровневая реконструкция конфликта за плац между Полоцким кадетским корпусом и городским обществом в 1830-х гг. – 1908 г., включая его эволюцию, мотивационную структуру и механизмы разрешения. Для достижения этой цели необходимо решить несколько взаимосвязанных задач:

1) реконструировать на основе впервые привлекаемых архивных материалов полную административно-правовую хронологию конфликта, выявив все инстанции, задействованные в нем, и этапы противостояния – от бытовых стычек и рассмотрения в мировом суде до разбирательств в высших органах империи (Сенат, Государственный совет);

2) проанализировать аргументацию и тактики сторон (особенно в 1870–80-х гг.) и на основе архивной переписки раскрыть повседневную фактуру противостояния, выявив его социальные, санитарные и культурные аспекты;

3) исследовать персональное измерение конфликта через анализ биографий и ролей двух его центральных фигур – директора корпуса генерала А. П. Тыртова и городского головы Н. В. Литвинова, чтобы показать, как их личный опыт, карьерные траектории и мировоззрение определяли линию поведения и эскалацию противостояния;

4) осуществить критический дискурс-анализ ключевого документа – рапорта директора А. П. Тыртова, привлекая для верификации официальную статистику, чтобы выявить манипулятивные риторические приемы, использовавшиеся для конструирования образа враждебного «другого» и легитимации силовых решений;

5) определить место и значение этого локального конфликта в более широких контекстах: в контекстах правительственной политики в белорусском крае, эволюции городского самоуправления и трансформации публичной сферы в Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

Материалы и методы исследования

В работе применяется комплекс методов, соответствующий многоуровневому характеру изучаемого конфликта. Источниковедческий анализ направлен на критическую оценку всего корпуса документов, установление их генезиса, достоверности, тенденциозности и взаимодополняемости. В рамках этого анализа особое внимание уделяется официальным рапортам, язык которых рассматри-

вается как источник для изучения истории повседневности и социальных представлений.

На этой источниковой базе строится методологическая основа исследования, которая представляет собой синтез подходов исторической антропологии (реконструкция мотиваций, повседневных действий и систем ценностей участников), микроистории (глубокий анализ единичного случая как «увеличительного

¹Под «дискурсивной борьбой» в настоящей статье понимается противостояние риторических практик сторон – военного ведомства и городского самоуправления, каждая из которых стремилась представить свою позицию как легитимную и соответствующую государственным интересам.

стекла» для больших процессов) и институциональной истории (анализ структур и логики действия государственных органов).

В рамках данной комплексной методологической основы применяются два ключевых аналитических инструмента:

1) биографический метод, который используется для глубокого погружения в мотивацию главных действующих лиц и понимания связи между личным опытом и публичными действиями;

2) дискурс-анализ, который применяется для исследования текстов официальных рапортов, жалоб и труда В. П. Викентьева. Этот метод, разработанный в рамках критического изучения языка [9], позволяет выявить, как в дискурсе конструируется особая картина реальности. В частности, в настоящей статье анализируются ключевые понятия и метафоры («пиявки», «табор», «господствующий класс») в целях изучения риторических приемов, которые используются для убеждения аудитории, а также процесса конструирования противопоставления между своими (корпус, государство, «русское общество») и чужими (городское население, особенно еврейское). Такой анализ показывает, что язык в этом конфликте был не просто средством описания фактов, а инструментом социальной изоляции и обоснования силовых решений, направленных на утверждение доминирования одной группы над другой.

Наконец, сравнительно-исторический метод позволяет проследить трансформацию конфликта во времени, соотнести его с общими процессами (реформы 1860–70-х гг. и их влияние на расширение городского самоуправления, революция 1905–1907 гг.), а также сопоставить стратегии и модели поведения вовлеченных сторон (военного ведомства, городского самоуправления, центральных и высших органов власти).

Исследование опирается на несколько взаимодействующих комплексов источников. Первую группу составляет ведомственный нарратив – юбилейный труд офицера-воспитателя В. П. Викентьева (1910)². Его исторический очерк является официальной историей корпуса, в которой последовательно отстаивается ведомственная позиция. Это обстоятельство

делает данную работу ценным, но крайне тенденциозным источником, требующим критического прочтения.

Вторую, ключевую группу образуют архивные материалы из фонда Полоцкого кадетского корпуса (фонд 2613) Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). Центральное место занимает дело 35, которое содержит уникальную подборку документов, созданных в ходе полемики между дирекцией корпуса и Полоцкой городской управой³ (1872–1887). Оно включает пространный рапорт генерала А. П. Тыртова от 6 марта 1886 г., где все претензии корпуса к городскому обществу сведены в единую систему⁴. Здесь же хранятся отношение Полоцкой городской управы от 18 февраля 1886 г., в котором излагаются правовые аргументы городского самоуправления⁵, обязательное постановление полоцкого полицмейстера А. П. Радзеевского (1884)⁶ и постановление городской думы (20 ноября 1886 г.)⁷. Завершают дело материалы судебного разбирательства 1886 г., фиксирующие временную победу городского самоуправления⁸. Эти документы с исключительной яркостью раскрывают накал страстей, повседневную фактуру конфликта и его социальный контекст.

В качестве вспомогательных привлекались смежные материалы из НИАБ, в которых отражаются детали перестройки в 1830-х гг. комплекса зданий Полоцкого кадетского корпуса и обустройства городской площади под военный плац⁹, а также возведение монумента в память о событиях 1812 г.¹⁰

Третью, наиболее репрезентативную группу источников составили дела центральных и высших органов власти из Российского государственного исторического архива (РГИА), позволившие вывести исследование на общеимперский уровень. К ним относятся дело Синода (1838) о закреплении Николаевского собора за Полоцким кадетским корпусом¹¹; дело Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел (МВД) (1860–1867) о пересмотре статуса корпусной земли¹²; дело Первого департамента Сената (1887), возбужденное по жалобе директора корпуса¹³; материалы Министерства юстиции (1901)¹⁴ и Хозяйственного департамента МВД (1904)¹⁵ о признании прав собственности,

²Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус : ист. очерк 75-летия его существования. Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1910. 396, [XLIII] с.

³НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35.

⁴Там же. Л. 13–15 об.

⁵Там же. Л. 16.

⁶Там же.

⁷Там же. Л. 25.

⁸Там же. Л. 17–31.

⁹Там же. Д. 4 ; Там же. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 9131.

¹⁰Там же. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 16594.

¹¹РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 410.

¹²Там же. Ф. 1287. Оп. 32. Д. 345.

¹³Там же. Ф. 1341. Оп. 154. Д. 1047.

¹⁴Там же. Ф. 1405. Оп. 102. Д. 8650.

¹⁵Там же. Ф. 1287. Оп. 28. Д. 555.

а также дела Государственного совета¹⁶ и Синода¹⁷ (1908) о финансовом и церковном завершении конфликта. Совокупность этих материалов позволяет рассматривать частный конфликт не как исключение, а как показательный случай, раскрывающий общие механизмы государственного управления и судопроизводства.

Четвертую группу составляют вспомогательные источники: мемуары кадета, впоследствии генерала, Ф. А. Григорьева (1850–1926), проливающие свет на скандал, связанный с Н. В. Литвиновым [10]; документы об имущественном положении и служебной деятельности братьев Николая и Алексея Литвино-

вых из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), РГИА и НИАБ¹⁸; официальные статистические справочники, служащие для верификации данных из рапортов¹⁹. Их дополняют графические материалы – план городской площади и корпусного плаца 1830-х гг., составленный преподавателем учебного заведения А. К. Морелем в 1890 г. на основании исторических изысканий [11], и фотографии 1880–1914 гг., которые выступают визуальными свидетельствами внешнего вида и способа использования спорного пространства. В целом эти источники позволяют реконструировать конкретную городскую среду и локализовать в ней объекты спора.

Результаты и их обсуждение

Проектирование и закрепление «высочайшего плаца» (1830–40-е гг.). Полоцкий кадетский корпус (рис. 1), учрежденный в 1835 г. для белорусских и других губерний Российской империи (решение о его создании было принято в 1830 г.), с самого начала выполнял не только учебную, но и важную политическую функцию. Его размещение в стенах бывшего Полоцкого иезуитского коллегиума, ставшего позднее академией (1812–1820), было глубоко

символичным жестом, поскольку эти здания являлись одним из главных центров католического образования в регионе. В Санкт-Петербурге это воспринималось как возвращение исторически русских земель из-под чуждого влияния. Однако формирование комплекса зданий корпуса было не просто символической акцией: оно напрямую затрагивало имущественные, территориальные и конфессиональные интересы полоцкого городского общества.

Рис. 1. Полоцк. Вид на Николаевский собор и здание Полоцкого кадетского корпуса. Открытка. 1901–1910.
Источник: https://etoretro.ru/pic181465.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=41

Fig. 1. Polotsk. View of Saint Nicholas Cathedral and the building of the Polotsk Cadet Corps. Postcard. 1901–1910.
Source: https://etoretro.ru/pic181465.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=41

¹⁶РГИА. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 1495.

¹⁷Там же. Ф. 799. Оп. 15. Д. 933.

¹⁸РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5373 ; РГИА. Ф. 577. Оп. 4. Д. 977 ; НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 23.

¹⁹Памятная книжка Витебской губернии на 1863 год / сост. С. К. Садовский ; Витеб. губ. стат. ком. Витебск : Тип. губ. правления, [б. г.]. [1], 7, 642, 57 с. ; Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год / ред. А. М. Семеновский ; Витеб. губ. стат. ком. СПб. : Тип. К. Вульфа, 1865. 519 с. ; Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год / Витеб. губ. стат. ком. Витебск : Тип. губ. правления, 1887. [2], V, 174, [1], 107, 88, XII с. ; Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год / сост. А. М. Семеновский ; Витеб. губ. стат. ком. Витебск : Витеб. губ. тип., 1878. [5], 416 с.

Как отмечает В. П. Викентьев (рис. 2), история военного плаца началась с высочайшего повеления: 1 апреля 1834 г. император Николай I лично утвердил план площади для строевой подготовки кадетов, что, по мнению автора очерка, навсегда закрепило особый статус этой территории²⁰. Этот акт создал важный прецедент: ключевое городское пространство изымалось из ведения местных властей и передавалось военному ведомству на исключительных условиях. Процедура носила административно-закрытый характер, поскольку решение принималось в столице на основе доклада военного начальства в обход мнения городского общества.

Этот административный прецедент получил свое материальное воплощение в инженерных планах и финансовых документах. Так, еще 30 января 1833 г., за два года до открытия корпуса, помощник архитектора Я. Максимов составил подробную смету «на перестройку площади, расположенной в городе около 7 корпусных зданий, необходимой для обучения кадет военной экзерции»²¹. Общая стоимость работ оценивалась в 9133 руб. 97 коп. ассигнациями²². Подобная формулировка задавала тон всему проекту, поскольку речь шла не о строительстве площади с нуля, а о перестройке уже существующей городской территории (рис. 3). В то же время ее новая функция («для обучения кадет») была жестко привязана к конкретному месту («в городе около... корпусных зданий»). Так в документах была закреплена

двойственность статуса площади: территориально она оставалась городским пространством, но переходила под управление военного ведомства.

Рис. 2. Василий Павлович Викентьев (1860 г. – после 1914 г.). Фотография. 1904.

Источник: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

Fig. 2. Vasily Pavlovich Vikentiev (1860 – after 1914). Photo. 1904.

Source: https://www.ria1914.info/index.php/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2_%D0%92%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B9_%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

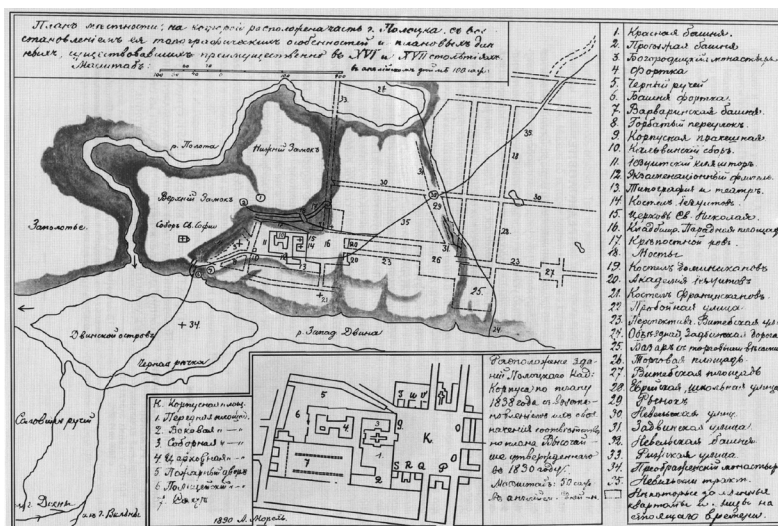

Рис. 3. План местности, на которой расположена часть г. Полоцка, с восстановлением ее топографических особенностей и плановых данных, существовавших преимущественно в XVI и XVII вв. Масштаб 100 саженей в английском дюйме. Автор А. К. Морель. 1890.

Источник: Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. : в 2 ч. Ч. 1 / сост.: Л. Ф. Данько, А. И. Судник. Полоцк : А. И. Судник, 2005. С. 8

Fig. 3. Plan of the area on which part of the city of Polotsk is located, with the restoration of its topographical features and planimetric data that existed mainly in the 16th and 17th centuries. Scale 100 sazhen per English inch. Author A. K. Morel. 1890.

Source: Jesuits in Polotsk, 1580–1820 : in 2 p. P. 1 / comp.: L. F. Danko, A. I. Sudnik. Polotsk : A. I. Sudnik, 2005. P. 8

²⁰Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 285.

²¹НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–4.

²²Там же.

Финансовое и юридическое закрепление анклава продолжилось в 1834–1835 гг. Уже в конце 1834 г. император Николай I санкционировал передачу корпуса из городского ведения двухэтажного каменного дома на той же площади для размещения чиновников, а в 1835 г. на его ремонт было выделено 30 000 руб.²³

В том же 1835 г. военный министр разрешил выделить 2146 руб. 17 коп. на мощение и четкое оформление границ плаца – «перестилку булыжника в кругу корпусных зданий»²⁴. Эти работы превращали площадь в замкнутую функциональную зону.

Таким образом, к осени 1835 г. – моменту открытия учебного заведения – в центре Полоцка на государственные средства был создан специализированный военный объект: плац для строевой подготовки, окруженный корпусными зданиями и служебным домом. В его основу был заложен двойной статус, зафиксированный в смете 1833 г. («площадь в городе... для кадет»). В этой двойственности и содержалось зерно будущего конфликта: для военных это была закрытая зона исключительного контроля, для горожан – жизненно важное публичное пространство.

Сформировавшаяся таким образом конфликтная модель отношений, основанная на прецеденте волевого изъятия публичного пространства, нашла свое продолжение и в религиозной сфере. Еще в мае 1834 г., до открытия корпуса, строительной комиссии было поручено переустроить здание бывшего иезуитского костела Святого Стефана в православный Николаевский собор (рис. 4). По проекту архитектора А. Порто на это из казны выделялось 153 528 руб. ассигнациями, а на устройство в соборе двух приделов – 26 063 руб. 82 коп. дополнительно²⁵. В 1838 г. по предложению обер-прокурора Синода графа Н. А. Протасова этот вновь созданный православный храм был передан в ведение Полоцкого кадетского корпуса²⁶. Эта передача имела огромное символическое значение, поскольку укрепляла положение военно-учебного заведения как одного из ключевых оплотов православия в городе (что проявлялось в регулярном участии кадетов в крестных ходах и в том, что корпусное духовенство фактически выполняло функции городского). Однако профессиональный ландшафт города был иным.

Рис. 4. Полоцк. Николаевский собор (бывший иезуитский костел Святого Стефана) и фасад Полоцкого кадетского корпуса (бывший иезуитский коллегиум и академия).

Источник: *Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. : в 2 ч. Ч. 1 / сост.: Л. Ф. Данько, А. И. Судник. Полоцк : А. И. Судник, 2005. С. 16*

Fig. 4. Polotsk. Saint Nicholas Cathedral (the former Jesuit Church of Saint Stephen) and the facade of the Polotsk Cadet Corps (the former Jesuit Collegium and Academy).

Source: *Jesuits in Polotsk, 1580–1820 : in 2 p. P. 1 / comp.: L. F. Danko, A. I. Sudnik. Polotsk : A. I. Sudnik, 2005. P. 16*

²³НИАБ. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 9131. Л. 4, 5, 25, 35–35 об., 110–110 об.

²⁴Там же. Л. 35–35 об., 110–110 об.

²⁵Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 49.

²⁶РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 410. Л. 1–2 ; Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 116, 124.

В 1844 г. та же логика предредила исход первой документально зафиксированной коллизии – на этот раз вокруг смежного участка земли (1203 квадратные сажени) на территории Верхнего замка. Речь шла

о бывшем иезуитском ботаническом саде (рис. 5), который по высочайшему повелению с 1 января 1845 г. был передан корпусу в бессрочное содержание за чисто символическую плату в 12 руб. 3 коп. в год²⁷.

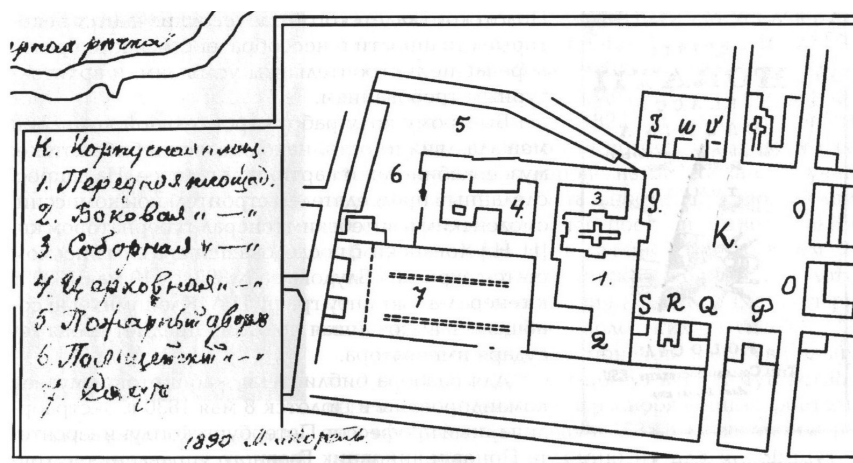

Рис. 5. Расположение зданий Полоцкого кадетского корпуса по плану 1838 г. с восстановлением их обозначения соответственно высочайше утвержденному в 1830 г. плану. Масштаб 50 сажень в английском дюйме. Автор А. К. Морель. 1890. Источник: Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. : в 2 ч. Ч. 1 / сост.: Л. Ф. Данько, А. И. Судник. Полоцк : А. И. Судник, 2005. С. 22

Fig. 5. The location of the buildings of the Polotsk Cadet Corps according to the 1838 plan with their designations restored to the plan approved by the Emperor in 1830. Scale 50 sazhen per English inch. Author A. K. Morel. 1890. Source: Jesuits in Polotsk, 1580–1820 : in 2 p. P. 1 / comp.: L. F. Danko, A. I. Sudnik. Polotsk : A. I. Sudnik, 2005. P. 22

В целом к середине 1840-х гг. в центре Полоцка сложился не просто «высочайший плац», а многофункциональный государственно-церковный анклав. Верховная власть санкционировала права Полоцкого кадетского корпуса на ключевые городские ресурсы – территорию (площадь, здания, смежные участки) и главный православный храм, сделав это в обход мнения городского общества. Завершающим аккордом данного процесса стало возведение на плацу в 1850 г. монумента в память о событиях 1812 г.²⁸, превратившего эту территорию в сакральное пространство имперской памяти. Существование этого анклава и стало источником перманентного конфликта. Он был запрограммирован в чертежах и сметах еще до того, как на плац ступила нога первого кадета.

Эрозия военного контроля и рождение «городского бульвара» (1860–70-е гг.). Период Великих реформ не обошел стороной и военно-учебные заведения. Так, после преобразования в 1865 г. Полоцкого кадетского корпуса в военную гимназию (1865–1882) внутренний режим в учебном заведении стал менее строгим [5; 6]. Это ослабление дисциплины привело к сокращению строевых занятий

и, как следствие, к утрате жесткого контроля за плацом, что способствовало либерализации режима доступа к нему. С точки зрения В. П. Викентьева, именно это ослабление порядка и привело ко всем дальнейшим затруднениям²⁹.

Однако архивные материалы открывают иную перспективу. То, что автор трактовал как упадок дисциплины, на деле было следствием общих изменений в государственной политике и правовой практике. Ключевым проявлением этих изменений стала официальная проверка законности бесплатного пользования корпусом городской землей, которую инициировали уже не местные, а центральные органы власти.

В 1860–1867 гг. Хозяйственный департамент МВД вел дело «О земле города Полоцка... находящейся в безвозмездном пользовании Полоцкого кадетского корпуса»³⁰. Сам факт такой проверки говорил о многом. Пореформенные государственные институты, в отличие от николаевской администрации, уже не считали прежние решения о передаче земли безусловными и бессрочными. Эта затянувшаяся на 7 лет проверка создавала на местах ощущение неопределенности и де-факто ставила под сомнение

²⁷ Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 166.

²⁸ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 16594. Л. 1–7.

²⁹ Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 285.

³⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 32. Д. 345. Л. 1–27.

исключительные права корпуса. В этой ситуации правового вакуума стало возможным стихийное освоение плаца горожанами, почувствовавшими «слабину» прежних запретов.

Ослабление военного контроля над территорией сопровождалось и утратой учебным заведением его духовной доминанты. Постановлением Военного совета от 22 августа 1873 г. корпусной храм – Николаевский собор – был передан под управление епархиального ведомства³¹.

Эти процессы совпали по времени с началом реализации в белорусских губерниях городской реформы 1870 г. Несмотря на проведение реформы с почти пятилетним опозданием, она создала принципиально новую институциональную среду. В соответствии с городской реформой старые сословные органы управления (магистраты и думы) были заменены новыми учреждениями – бессословными городскими думами (распорядительный орган) и городскими управами (исполнительный орган), которые обладали значительной самостоятельностью в вопросах местного благоустройства, управления хозяйством и финансами. Это обстоятельство создало у новых городских институтов законные основания для борьбы, оспаривания старых порядков и отстаивания своих интересов даже в конфликтах

с государственными ведомствами. В новых условиях стихийное освоение плаца горожанами получило шанс перерасти в организованную правовую и административную борьбу.

Этому процессу способствовала и сама городская среда Полоцка. Он был плотно застроенным, многонациональным городом, где, по данным на 1885 г., 87 % населения составляли мещане³². Свободных общественных пространств здесь практически не было. В такой ситуации огороженный, но плохо охраняемый плац стал для горожан естественным центром притяжения. Здесь гуляли семьи, играли дети, велась мелкая торговля. Кульминацией этого процесса стало официальное разрешение в 1872 г. установить на плацу киоск по продаже минеральных вод – шаг, который В. П. Викентьев впоследствии воспримет как симптом недопустимой «вольницы»³³.

Таким образом, на протяжении более чем десятилетия плац де-факто превратился в неофициальный «городской бульвар» – пространство общей, хотя и неупорядоченной социальной жизни (рис. 6). В сознании горожан и городских властей эта устойчивая практика сформировала новый правовой обычай совместного пользования, который впоследствии, при изменении политического климата, будет яростно оспорен военной администрацией.

Рис. 6. Полоцк. Вид на город с Николаевского собора. Открытка. 1915.

Источник: https://etoretro.ru/pic181243.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=48

Fig. 6. Polotsk. View of the city Saint Nicholas Cathedral. Postcard. 1915.

Source: https://etoretro.ru/pic181243.htm?sort_field=image_date&sort=DESC&position=48

Личная война. Суд и дискурс (1884–1886).

В 1880-х гг. конфликт вокруг плаца вступил в острую фазу, приняв форму личного противостояния. Его накал и бескомпромиссность были предопределены столкновением двух непримиримых фигур. В 1878 г. директором Полоцкой военной гимназии был на-

значен генерал-майор артиллерии А. П. Тыртов (1878–1888) (рис. 7), опытный офицер и администратор. Как уроженец Тверской губернии, А. П. Тыртов мало что знал о специфике белорусского края. К тому же последнее десятилетие перед назначением он провел вдали от Полоцка: Александр Петрович

³¹Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 250.

³²Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год... Отд. III. С. 152.

³³Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 285.

служил инспектором классов в Сибирском кадетском корпусе (1862–1869), затем директором учительской семинарии военного ведомства в Москве (1869–1870) и Воронежской военной гимназии (1870–1878)³⁴.

Рис. 7. Александр Петрович Тыртов (1834–1893). Фотография. 1880-е гг.
Источник: Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус : ист. очерк 75-летия его существования. Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1910. С. 264

Fig. 7. Alexander Petrovich Tyrtov (1834–1893). Photo. 1880s.

Source: Vikentiev V. P. Polotsk Cadet Corps : a hist. sketch of its 75 years of existence. Polotsk : Typ. of Kh. V. Klyachko, 1910. P. 264

Генерал А. П. Тыртов был приверженцем старых, николаевских военных порядков. В связи с этим реорганизацию 1882 г., в ходе которой военные гимназии были снова преобразованы в кадетские корпуса, он встретил с одобрением. В Полоцке Александр Петрович энергично взялся за восстановление дисциплины: вернул военную организацию, погоны, строевые занятия и оружие. Первые годы его руководства прошли относительно спокойно. Привыкший действовать в рамках официальных предписаний, А. П. Тыртов поначалу не предпринимал резких шагов. Перелом наступил, когда в ходе новой реорганизации остро встал вопрос о военном плаце. За 17 лет мирного сосуществования военной гимназии с городским обществом роль плаца и его фактический статус кардинально изменились. Для директора учреждения возрождение кадетского корпуса было неполным без возвращения контроля над плацем. Однако теперь на пути стоял не пассивный «город», а организованное городское

самоуправление во главе с принципиальным лидером.

Его противником был конкретный человек, почти на 20 лет старше и с драматическим прошлым, – Н. В. Литвинов (1814 г. – 1890-е гг.), уроженец и землевладелец Витебской губернии. Биография этого отставного подполковника и является ключом к пониманию остроты конфликта. До своего избрания городским головой (1879–1890) Н. В. Литвинов был военным педагогом. Вместе с братом Алексеем Васильевичем он почти всю свою карьеру провел в стенах Полоцкого кадетского корпуса³⁵. С 1859 г. он занимал должность командира 1-й роты, являясь одним из ключевых офицеров-воспитателей³⁶. Его педагогическая деятельность, отмеченная орденами и знаком отличия за 25 лет беспорочной службы, сулила успешное продолжение карьеры³⁷. Однако в 1865 г. служба братьев Литвиновых в корпусе внезапно оборвалась: оба покинули заведение после окончания учебного года.

Непосредственной причиной стал громкий скандал, детально описанный в воспоминаниях Ф. А. Григорьева. Будучи командиром роты, Н. В. Литвинов получил поручение исполнить решение педагогического комитета о наказании воспитанника розгами. Во время экзекуции офицер в азарте многократно превысил положенное число ударов. Когда кадеты подшефной роты потребовали расследования, офицер проявил малодушие и солгал директору о том, что точно выполнил приказ. Эта ложь привела к открытому бунту воспитанников 1-й роты. В знак протеста они отказались отдать честь начальству, а затем забаррикадировались и забросали офицера горбушками хлеба [10, с. 172–174]. Карьера Н. В. Литвинова как военного педагога была безнадежно разрушена. Его уход стал не добровольной отставкой, а вынужденным изгнанием, нанесшим глубокую личную обиду.

Несмотря на крах карьеры, братья Литвиновы не покинули Полоцкий уезд, где находилось их нераздельное имение в д. Яковцово (4280 десятин земли)³⁸. Спустя полтора десятилетия, в мае 1879 г., Н. В. Литвинов триумфально вернулся в центр полоцкой общественной жизни в новом качестве – городского головы. Его энергия нашла применение в гражданской сфере. Он стал инициатором и первым председателем правления (1880–1886) Полоцкого частного банка «Общество взаимного кредита». Банк был создан для поддержки мелкого и среднего бизнеса, в чем была особенно заинтересована городская

³⁴Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 264 ; Список генералам по старшинству: испр. по 1-е янв. [1885 г.]. СПб. : Воен. тип., 1885. С. 387.

³⁵РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5373. Л. 79–82, 91–96.

³⁶НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 23. Л. 2 об.

³⁷РГВИА. Ф. 725. Оп. 56. Д. 5373. Л. 91–96.

³⁸Алфавитный поуездный список землевладельцам Витебской губернии кроме крестьян, с показанием их вероисповедания, наименования и пространства принадлежащих им имений // Памят. книжка Витеб. губ. на 1878 г. ... Отд. справочный. С. 344 ; РГИА. Ф. 577. Оп. 4. Д. 977. Л. 1–19.

торговая знать, в том числе еврейская. Таким образом, Н. В. Литвинов радикально сменил социальные связи и идентичность: из офицера-воспитателя, призванного ограждать кадет от «вредного влияния» городской среды, он превратился в гражданско-администратора и финансиста, тесно связанного с интересами этого самого сообщества.

В рапортах А. П. Тыртова фигура Н. В. Литвинова предстает в качестве своеобразного нарушителя корпоративной солидарности, перешедшего на сторону городской думы в ущерб интересам корпуса. Для городского общества отставной подполковник, знавший психологию оппонента изнутри, стал лидером, чья личная обида внесла в конфликт бескомпромиссную принципиальность. Именно это столкновение двух миров в лице их лидеров и придало судебной дискуссии о войне беспрецедентную остроту.

Непосредственным поводом для эскалации конфликта стала попытка директора кадетского корпуса ввести регламент доступа к плацу. С этой просьбой А. П. Тыртов обратился к городскому полицмейстеру, статскому советнику А. П. Радзеевскому, который 22 октября 1884 г. такое распоряжение издал³⁹. В своем обращении генерал изложил мотивы, которые вскоре легли в основу его главных обвинений в адрес городского общества. А. П. Тыртов писал, что необходимо «охранить воспитанников от эксцессов»⁴⁰. По его словам, едва кадеты выходили на плац, еврейские торговки стекались туда «со всех сторон» как «пиявки», предлагая товар «главным образом в долг»⁴¹.

Однако изданное полицмейстером распоряжение было проигнорировано и быстро исчезло с улиц. Впоследствии А. П. Тыртов с горечью констатировал: «Объявление полоцкого полицмейстера... не привело ни к чему: расклеенное по городу... оно... продержалось не более недели... еврейские мальчишки и даже взрослые безнаказанно не только не исполняли распоряжения... но срывали самое объявление... и в настоящее время от распоряжения этого не осталось и воспоминаний»⁴². Этот случай показал полную неэффективность полицейских мер.

Потерпев неудачу, А. П. Тыртов обратился в городскую управу, отвечавшую за благоустройство. Но и здесь его ждал отказ. Городская управа во главе с Н. В. Литвиновым отказалась признать регламент. Этот двойной провал – полицейский и администра-

тивный – перевел конфликт в перманентную фазу и сделал его переход в судебную плоскость неизбежным. Тем не менее публичная и болезненная эскалация противостояния произошла позже.

Переломным моментом, превратившим административную «тяжбу» в личную войну, стал 50-летний юбилей Полоцкого кадетского корпуса, широко отмечавшийся летом 1885 г. Торжества, на которые съехались многочисленные высокопоставленные гости⁴³, вскрыли контраст между высоким официальным статусом учебного заведения и его реальным положением. Вид плаца, используемого в качестве общедоступного рынка и места стихийных гуляний, мог восприниматься как прямое унижение корпоративной чести.

Именно этот публичный позор и подтолкнул А. П. Тыртова к решительному наступлению с целью любой ценой вернуть исключительный контроль над площадью. Его новая попытка – просьба к городской управе об устройстве решетчатой ограды – не увенчалась успехом. В своем отзыве от 18 февраля 1886 г. Полоцкая городская управа отказала генералу, предложив взамен восстановить невысокий барьер, существовавший до 1881 г.⁴⁴

Исчерпав все административные средства на местном уровне, А. П. Тыртов предпринял следующий шаг: 6 марта 1886 г. он направил в Главное управление военно-учебных заведений развернутый рапорт. Этот документ представлял собой продуманную систему аргументов, выходящую за рамки обычной жалобы и призванную оправдать исключительные меры⁴⁵.

В рапорте А. П. Тыртов прежде всего отверг компромиссный вариант, предложенный городской управой. Он считал эту меру не просто недостаточной, но и абсурдной. По его словам, «таковой барьер не охраняет плац не только от людей, но и от животных: коров, свиней и др., свободно с весны расхаживающих по улицам города»⁴⁶ (рис. 8). Тем самым генерал не просто отказывался, а дискредитировал логику городского самоуправления, переводя спор из плоскости благоустройства в плоскость общественной безопасности.

Его собственный вывод был однозначен: «...а потому плац безусловно должен быть огражден довольно высоким решетчатым забором, дабы... никто посторонний на плац не допускался»⁴⁷. Отвергнув

³⁹ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 6–6 об.

⁴⁰ Использованный А. П. Тыртовым архаичный медицинский термин «эксцесс» (греч. *exō* – снаружи и *logos* – учение) означал наружное, знахарское лечение. В данном контексте он служил для стигматизации мелкой торговли как источника физической и нравственной заразы, персонифицированной в образе торговки-еврейки.

⁴¹ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 9.

⁴² Там же. Л. 15.

⁴³ Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 274–283.

⁴⁴ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 13–13 об.

⁴⁵ Там же. Л. 13–15 об.

⁴⁶ Там же. Л. 14.

⁴⁷ Там же.

городской «барьер», он настаивал на военном «заборе», который в восприятии горожан стал зримым воплощением присутствия корпуса и его обособленности. Чтобы обосновать эту жесткую меру, генерал последовательно конструировал в рапорте 4 взаимосвязанных образа угрозы, каждый из которых подкреплял конкретными наблюдениями. Эти надуманные угрозы должны были показать, что плац находится в состоянии осады и требует тотальной изоляции.

Рис. 8. Николаевский собор
и памятник событиям войны 1812 г.
Вид со стороны Витебской улицы. Открытка. 1903.
Источник: коллекция автора
Fig. 8. Saint Nicholas Cathedral
and the monument to the events of the war of 1812.
View from Vitebskaya Street. Postcard. 1903.
Source: author's collection

Во-первых, он создавал образ нравственной опасности, представляя торговков-евреев как совратителей. Обобщая предыдущие жалобы, А. П. Тыртов прямо заявлял: «Ограждение плаца решетчатым забором есть мера единственная для ограждения воспитанников корпуса от развращающего влияния еврейских факторов, торговцев и торговок»⁴⁸. Использование слова «факторы» (деловые агенты, посредники) расширяло обвинение, рисуя картину

организованной системы совращения, а не просто стихийной торговли.

Во-вторых, А. П. Тыртов обосновывал санитарно-бытовую угрозу, доказывая, что у кадетов попросту нет иного места для занятий и прогулок. Он детально описывал непригодность других территорий: «...полицейский двор... на нем живет около 80 семейных служителей, имеется два служительских отхожих места... и две помойные ямы»; в корпусном саде «...очень сыро... рядом с ним... находится служительское отхожее место с помойной ямой... через весь сад... проходит деревянная подземная сточная труба с выгребом и колодцами»⁴⁹. Таким образом, для кадет остается только плац.

В-третьих, генерал формулировал идеологическую угрозу, увязывая отсутствие ограды с невозможностью исполнить высочайшее повеление от 13 января 1851 г. об обязанности блюсти сохранность памятника 1812 г. Тем самым бытовая антисанитария превращалась в акт осквернения символа воинской славы: «С наступлением теплого времени на плац... перекачывают целые таборы еврейских семейств... мне приходилось быть личным свидетелем, как еврейские дети отправляли естественные свои надобности на откосе памятника»⁵⁰.

В-четвертых, кульминацией его аргументации становилось конструирование угрозы демографического захвата города. А. П. Тыртов переводил спор в принципиально иную плоскость, используя статистику и риторику социального переворота. Ссылаясь на естественный прирост евреев в Полоцке (3,8 % против 1,6 % в среднем по губернии), он утверждал, что национальный баланс в городе стремительно меняется: «Еврейское [население]... за последние 10–15 лет сделалось неузнаваемо». Этот процесс, по его мнению, уже привел к радикальному изменению статуса евреев: «...став ныне в Полоцке из класса приниженного классом господствующим»⁵¹. Для наглядности генерал приводил конкретные цифры: из 12 200 жителей Полоцка якобы «более 9000 считается евреев»⁵² (здесь и далее цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала). Этим маневром локальный спор о порядке пользования площадью превращался в этнодемографический конфликт, который представлялся как утрата «русским обществом» своего доминирующего положения в городе.

Итоговое требование, вытекавшее из этой четырехуровневой конструкции, было радикальным и отвечало образу осажденной крепости: возведение высокой решетки и допуск горожан только по билетам⁵³, что означало полное прекращение свободного доступа.

⁴⁸ НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.

⁴⁹ Там же. Л. 14 об.

⁵⁰ Там же. Л. 14–14 об.

⁵¹ Там же. Л. 14 об.–15.

⁵² Там же. Л. 15.

⁵³ Там же.

Однако эта убедительная картина рушится при проверке фактов. Сопоставление цифр, приведенных А. П. Тыртовым, с официальным источником – изданием «Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год» – обнаруживает системные расхождения, позволяющие говорить о сознательной манипуляции генерала. Согласно официальным данным за 1885 г. общая численность населения Полоцка составляла 19 134 человека (не 12 200), а доля иудеев – 51,3 % (не 73,0–75,0 %) ⁵⁴. Общий естественный прирост населения города был минимальным (56 человек), что опровергало миф о «демографическом взрыве» ⁵⁵. Утверждение о евреях как господствующем классе также не соответствовало реальности, поскольку 87,0 % населения Полоцка составляли мещане, а власть (администрация, полиция, городское самоуправление) принадлежала дворянству и чиновничеству (7,3 % населения) ⁵⁶.

Таким образом, рапорт А. П. Тыртова является риторическим конструктом, а его данные – инструментом манипуляции. Их цель состояла в создании мифа об осажденной крепости, чтобы представить жесткие меры (полное ограждение плаца и систему пропусков) как необходимую оборонительную реакцию на внешнюю угрозу. В целом тезис о еврейском господстве, транслировавшийся в рапортах директора корпуса, отражал скорее субъективное восприятие городской среды, чем реальное соотношение сил. Для военного ведомства количественное преобладание еврейского населения усложняло контроль над территорией, прилегающей к корпусу.

Пока рапорт А. П. Тыртова рассматривался в Санкт-Петербурге, городское самоуправление во главе с Н. В. Литвиновым сделало свой решающий ход: оно перевело спор в правовое поле. Уже в феврале 1886 г. Полоцкая городская управа официально оспорила права корпуса на площадь. 20 июня 1886 г. мировой суд, рассмотрев дело, вынес решение в пользу городского самоуправления, временно ограничив доступ кадет к плацу ⁵⁷. Эта победа стала значимым прецедентом, демонстрирующим потенциал местного самоуправления в пореформенной правовой системе. Для ее закрепления Полоцкая городская дума 20 ноября 1886 г. приняла собственное обязательное постановление, в котором регламентировала порядок пользования «городской площадью и бульваром». Тем самым она официально утвердила свою терминологию и трактовку статуса спорной территории ⁵⁸.

Тактической победой города завершилась фаза 1884–1886 гг. Городская управа во главе с Н. В. Литвиновым, чья личная мотивация подпитывалась памятью о прошлом унижении, не только выиграла суд, но и дискурсивно обесценила основные аргументы оппонента. Однако это была победа на местном уровне. Окончательная судьба площади теперь решалась в столичных инстанциях, куда администрация корпуса подала апелляцию, а рапорт А. П. Тыртова лег на стол высшему начальству. В нем, обобщая «безустанную борьбу», генерал прямо ставил перед Главным управлением военно-учебных заведений ключевой вопрос о том, «кому принадлежит корпусная площадь: корпусу или городу?» ⁵⁹. Этим он не просто жаловался, а инициировал официальную проверку правовых основ всего конфликта, переводя его на уровень высшей бюрократической экспертизы.

Таким образом, к концу 1886 г. конфликт застыл в парадоксальном состоянии. С одной стороны, городское самоуправление одержало победу в местном суде. С другой стороны, военное ведомство, опираясь на рапорт А. П. Тыртова, запустило в Санкт-Петербурге механизм пересмотра самих основ спора.

Бюрократическая пауза и высочайшая воля (1887–1904). С 1887 г. противостояние окончательно переместилось в канцелярии Санкт-Петербурга. Начиналась новая, затяжная фаза – ведомственная «тяжба». Решающими факторами теперь были уже не местные суды и эмоции публичной борьбы, а административный ресурс, лоббистские связи и воля имперской бюрократии.

Используя ведомственные связи, администрация корпуса инициировала апелляцию в высшей судебной инстанции – Первом департаменте Сената. Однако рассмотрение в нем дела в 1887 г. ⁶⁰ не принесло военному ведомству желаемого быстрого решения. Дело погрузилось в длительную стадию межведомственной переписки и лоббистской работы.

Впрочем, начало этой фазы ознаменовал драматический личный финал одного из главных антагонистов. Поражение в суде и общая напряженность борьбы, по всей видимости, серьезно подорвали здоровье директора корпуса А. П. Тыртова. Находясь в глубоко подавленном состоянии, 30 июля 1888 г. он составил свой прощальный приказ. Объявляя об отставке по болезни, генерал с горечью отмечал: «Скажу по совести, я прибыл к вам здоровым, крепким и бодрым – ухожу теперь от вас больным и расстроенным физически; но, быть может, тем и дорог

⁵⁴Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год... Отд. III. С. 158.

⁵⁵Там же. С. 173.

⁵⁶Там же. С. 152–173.

⁵⁷НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 35. Л. 16, 17–31.

⁵⁸Там же. Л. 22.

⁵⁹Там же. Л. 15 об.

⁶⁰РГИА. Ф. 1341. Оп. 154. Д. 1047. Л. 1–15.

мне корпус, что положил я в него и душу свою, и здоровье свое»⁶¹. Хотя конфликт прямо не упоминался, современники связывали это заявление с изматывающей борьбой за плац. Отставка А. П. Тыртова, ставшая следствием этой борьбы, символически завершила период открытой лично окрашенной конфронтации.

На протяжении 1890-х – начала 1900-х гг. вопрос о полоцком плаце периодически поднимался в Министерстве юстиции (1901)⁶² и Хозяйственном департаменте МВД (1904)⁶³. Эта многолетняя бюрократическая пауза свидетельствовала о сложности вопроса: формальные права кадетского корпуса, основанные на старых высочайших повелениях, сталкивались со сложившейся городской практикой и прецедентом судебного решения 1886 г. Конфликт потерял свою локальную остроту, превратившись в один из многих «нерешаемых» земельных споров в правовой системе Российской империи.

Чтобы окончательно разрешить конфликт, потребовалось выйти за рамки судебной системы и обратиться непосредственно к верховной власти. После многолетнего лоббирования последовал именной указ императора Николая II от 22 ноября 1904 г., поставивший точку в споре. Указ констатировал: «Для надобностей Полоцкого кадетского корпуса оказалось необходимым занять... прилегающие к корпусу плац и бульвар мерою около 2165,34 квадратных сажень»⁶⁴ – и предписывал их отчуждение с выплатой компенсации городскому самоуправлению и немедленное занятие участков после составления описей.

Этим актом за военным ведомством окончательно закреплялось право собственности на плац. Если для В. П. Викентьева указ был закономерным восстановлением порядка, то в действительности он стал демонстрацией верховной власти, отменившей решение, выработанное на местном уровне. Император, действуя в рамках своих законных полномочий, поддержал позицию военного ведомства в ущерб интересам городского самоуправления. Однако, будучи сугубо административным и навязанным сверху, это решение игнорировало реальные социальные процессы и потому оказалось крайне хрупким.

Политизация и итоговое урегулирование (1905–1908). С началом революции 1905–1907 гг. конфликт, лишь на бумаге урегулированный указом 1904 г., вспыхнул с новой силой, перейдя в плоскость открытого политического противостояния.

В течение 1905 г. плац неоднократно стихийно занимали участники митингов (в основном еврей-

ская молодежь), которых В. П. Викентьев характеризовал как «манифестантов-евреев». В итоге площадь превратилась в импровизированную трибуну для политических выступлений, что полностью парализовало ее специальную функцию для Полоцкого кадетского корпуса. Наибольший накал страстей наблюдался после издания Манифеста 17 октября 1905 г. В ответ на массовую демонстрацию горожан с красными флагами «русское население» Полоцка, по свидетельству В. П. Викентьева, организовало контрманифестацию. По просьбе участников контрманифестации директор корпуса генерал-майор А. Н. Ваулин (1905–1908) распорядился вывести кадет на плац. Эта акция была тщательно срежиссирована как символ верности престолу. Толпа приветствовала воспитанников криками «ура!». Под звуки оркестра и перед портретом императора кадеты прошли по плацу церемониальным маршем. Однако директор не позволил им выйти за пределы площади. Он справедливо опасался столкновений и применения оружия против революционной демонстрации. Его опасения подтвердились: после расстрела демонстрантов в городе наступило относительное затишье⁶⁵.

Таким образом, в 1905 г. плац окончательно утратил прежнее, сугубо практическое служебное значение. Из объекта административно-хозяйственного спора он превратился в главный символ революционного противостояния и политическую арену города. Фактический контроль над этим пространством и возможность проводить на его территории свои ритуалы (митинг или монархический марш) стали прямым индикатором расстановки сил в Полоцке.

После стабилизации политической обстановки к 1907 г. плац, казалось, вернулся к своей изначальной, служебной функции: он использовался для строевых занятий и маневров⁶⁶. Однако теперь это возвращение было закреплено новой, уже неоспоримой реальностью – высокой оградой. Именно в таком, отгороженном и полностью подконтрольном, виде его в апреле 1907 г. наблюдал во время визита в Полоцк главный начальник военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович (рис. 9). Его дневниковая запись красноречиво фиксирует точку зрения руководства военного ведомства на исход конфликта: «Перед выступлением корпус выстроился на плацу (теперь возвращенном корпусу и обнесенном железной решеткой), с музыкой на правом фланге...» [3, с. 60].

⁶¹Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 287.

⁶²РГИА. Ф. 1405. Оп. 102. Д. 8650. Л. 1–22.

⁶³Там же. Ф. 1287. Оп. 28. Д. 555. Л. 1–2.

⁶⁴Викентьев В. П. Полоцкий кадетский корпус... С. 286.

⁶⁵Там же. С. 351–352.

⁶⁶Там же. С. 356.

Рис. 9. Константин Константинович (Романов) (1858–1915). Портрет работы О. Э. Браза. Масло. 1912. Государственный музей-заповедник «Павловск». Источник: [https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_\(1912,_Pavlovsk\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_(1912,_Pavlovsk).jpg)

Fig. 9. Konstantin Konstantinovich (Romanov) (1858–1915). Portrait by O. E. Braz. Oil. 1912. State museum «Pavlovsk».

Source: [https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_\(1912,_Pavlovsk\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/Grand_Duke_Konstantin_Konstantinovich_of_Russia#/media/File:Konstantin_Konstantinovich_by_O.Braz_(1912,_Pavlovsk).jpg)

Для великого князя, как и для всего ведомства, многолетний спор был уже разрешен: плац был «возвращен», физически отгорожен решеткой (рис. 10) и функционировал как неотъемлемая часть корпусной инфраструктуры. Таким образом, благодаря личному свидетельству главного начальника можно констатировать, что к 1907 г. фактический контроль над пространством окончательно перешел к корпусу, что и открыло путь для его скорого правового оформления.

Согласно документам РГИА в 1908 г. конфликт получил свое окончательное юридическое и административное завершение, которое носило комплексный характер. Во-первых, Особое присутствие при Государственном совете установило размер финансовой компенсации городу Полоцку за землю, отчуждаемую в пользу военного ведомства, подведя тем самым окончательную черту под многолетним спором⁶⁷. Во-вторых, глубокое символическое значение имело и другое действие: Хозяйственное управление при Синоде завершило процедуру возвращения Николаевского собора в ведение Полоцкого кадетского корпуса (после 1873 г.)⁶⁸. Этот акт восстановления духовного контроля над храмом наряду с уже решенным земельным вопросом знаменовал полное воссоздание корпусного анклава в его изначальном, николаевском виде.

Рис. 10. Полоцк. Памятник войны 1812 г. на площади около Николаевского собора. Фотография С. М. Прокудина-Горского. 1912.

Источник: <https://www.loc.gov/pictures/collection/prok/item/2018680044/>

Fig. 10. Polotsk. War of 1812 memorial on the square near Saint Nicholas Cathedral. Photo by S. M. Prokudin-Gorsky. 1912.

Source: <https://www.loc.gov/pictures/collection/prok/item/2018680044/>

⁶⁷РГИА. Ф. 1248. Оп. 2. Д. 1495. Л. 1–12.

⁶⁸Там же. Ф. 799. Оп. 15. Д. 933. Л. 1–2.

Таким образом, к 1908 г. верховная власть подвела окончательную черту под конфликтом, восстановив статус-кво 1830-х гг. в его ключевых составляющих – территориальной, финансовой и конфессиональной. Однако эта тотальная победа военного ведомства над интересами городского общества стала возможна исключительно благодаря

административному ресурсу и принципу единоначалия, унаследованным от предшествующего периода царствования. В силу этого она не разрешила фундаментального противоречия между двумя моделями использования пространства, а лишь загнала его вглубь административным решением.

Заключение

Проведенное исследование позволяет рассматривать конфликт вокруг полоцкого плаца в качестве показательного примера сложного взаимодействия между военно-учебным заведением и местным обществом, развернувшегося на всех уровнях власти. На его материале можно сделать ряд выводов, углубляющих понимание механизмов управления, природы социальных конфликтов и трансформации публичного пространства в Российской империи.

Во-первых, конфликт имел четкую стадийность и многоуровневую динамику, что отражало эволюцию самой имперской системы. Это противостояние было не изолированным эпизодом, а длительным, многофазным процессом, вовлекшим разные инстанции – от местного суда до центральных (МВД, Министерство юстиции) и высших (Сенат, Синод, Государственный совет) органов власти. Хронология конфликта служит точным индикатором изменений в государственном управлении: от монаршего диктата и принятия личностных решений при Николае I через фазу правовых экспериментов и локальных успехов самоуправления (1860–80-е гг.) к бюрократической волоките и силовому верховному арбитражу на рубеже XIX–XX вв. Победа городского самоуправления в 1886 г. стала апогеем правовой фазы, но последующий пересмотр дела в столичных инстанциях и указ 1904 г. обозначили ее пределы. Политический кризис 1905 г. втянул локальный спор в общероссийскую революцию, превратив плац в ключевой символ борьбы за контроль над городским пространством.

Во-вторых, институциональное противостояние было глубоко персонализировано, что и придало конфликту особую остроту. Личности ключевых участников стали катализатором эскалации противостояния. Генерал А. П. Тыртов, представитель военно-бюрократической элиты, видел свою миссию в восстановлении «порядка» и престижа корпуса, что в его понимании было тождественно укреплению «русского начала». Борьба А. П. Тыртова, завершившаяся неудачей и отставкой, подчеркивает глубину этой вовлеченности. Отставной подполковник Н. В. Литвинов со своей стороны представлял иную траекторию: болезненный переход из военной корпорации в сферу местного самоуправления. Личная обида и новая гражданская идентичность сделали

его принципиальным осведомленным противником. Противостояние этих фигур было не только служебным, но и глубоко психологическим.

В-третьих, конфликт имел ярко выраженное дискурсивное измерение, где каждая сторона искала моральное и правовое обоснование для своих действий. Рапорт А. П. Тыртова 1886 г. служит классическим примером риторики тревоги, конструирующей образ враждебного «другого» через моральную панику, санитарные и демографические угрозы, подкрепленные манипулятивной статистикой. Этот созданный образ осажденной крепости оправдывал исключительные меры изоляции. В ответ городская управа во главе с Н. В. Литвиновым апеллировала к правовым и хозяйственным аргументам. Однако в условиях самодержавной системы рациональный дискурс местных властей в конечном счете уступал административной воле центра.

В-четвертых, в основе спора лежало фундаментальное противоречие в понимании публичного пространства. Этот конфликт был столкновением двух несовместимых моделей: для корпуса плац являлся закрытой военной зоной, местом дисциплины и субординации, для большинства горожан – жизненно важным публичным пространством для отдыха, общения и торговли. Таким образом, борьба шла не только за право собственности, но и за саму возможность определять смысл и режим использования центра города.

В-пятых, история полоцкого плаца представляет собой концентрированную модель ключевых противоречий имперской России. В этом локальном казусе, как в фокусе, отразились фундаментальные проблемы государства рубежа XIX–XX вв.: сложная интеграция национальных окраин, конфликт центра и местного самоуправления, столкновение административного порядка с повседневной жизнью города. Исследование подобных малых историй наглядно показывает, как общеимперские противоречия – противоречия между традиционными устоями и модернизацией, между ведомственным и общественным началами – преломлялись на уровне конкретного города. Тем самым микроисторический подход открывает возможность для более глубокого понимания природы кризисных явлений, нараставших в империи в начале XX в.

Библиографические ссылки

1. Шайкоў В, Лукашэвіч А. Полацкі кадэцкі корпус і яго выхаванцы. *Беларускі гістарычны часопіс*. 1999;4:45–51.
2. Самович АЛ. *Кадетские корпуса России (конец 19 – первая четверть 20 вв.)*. Москва: [б. и.]; 1998. 83 с.
3. Поляков СИ. *Полоцкий кадетский корпус: история в лицах*. Полоцк: Полоцкое книжное издательство; 2010. 71 с. (Наследие Полоцкой земли; выпуск 12). Совместно с издательством «Спасо-Евфросиниевский монастырь в г. Полоцке».
4. Филипенко ВС, Глазырин ЕВ, Соловьёв АА. *Коллегиум, академия, университет: вехи истории и традиции Полоцкой alma mater*. Дук ДВ, редактор. Витебск: Витебский областной центр маркетинга; 2013. 80 с.
5. Лукашевич АМ. Полоцкий кадетский корпус в контексте военных реформ 1860–1870-х гг. «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории. 2023;7(часть 1):201–212. EDN: EUDVCX.
6. Лукашевич АМ. Эволюция кадрового состава служащих Полоцкой военной гимназии в 1865–1882 гг. (по материалам Национального исторического архива Беларуси). В: Голубеў ВФ, рэдактар. *Архіварыус. Выпуск 21*. Мінск: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі; 2023. с. 108–123.
7. Лукашевич АМ. Полоцкий кадетский корпус в годы Первой мировой войны (1914–1918). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;2:17–32. EDN: NANBHY.
8. Лукашевич АМ. Полоцкий кадетский корпус во время Гражданской войны (1917–1920 гг.). *Труды БГТУ. Серия 6, История, философия*. 2024;2:27–34. EDN: BCNEYO.
9. Fairclough N. *Critical discourse analysis: the critical study of language*. London: Routledge; 2010. 608 p. DOI: 10.4324/9781315834368.
10. Григорьев ФА. Дед – внукам. *Военно-исторический архив*. 2005;10:169–178.
11. Морель АК. История города Полоцка и возникновение здания Полоцкого кадетского корпуса. В: Данько ЛФ, Судник АИ, составители. *Иезуиты в Полоцке, 1580–1820 гг. Часть 1*. Полоцк: А. И. Судник; 2005. с. 7–28 (Наследие Полоцкой земли; выпуск 2).

Получена 26.01.2026 / исправлена 28.02.2026 / принята 23.03.2026.
Received 26.01.2026 / revised 28.02.2026 / accepted 23.03.2026.

ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛАРУСИ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: К ВОПРОСУ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Т. В. ЛИСОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Систематизированы существующие подходы к номинации евангельско-баптистского движения в исторических исследованиях, и обоснован выбор термина, наиболее релевантно отражающего генезис, эволюцию и конфессиональную идентичность движения в контексте религиозной истории Беларуси. Выявлено, что особенностью номинации протестантских течений является множественность подходов. Установлено, что в научном и общественно-политическом дискурсе к евангельско-баптистскому движению применяются термины «секта», «поздний протестантизм», «неопротестантизм» и «новые религиозные движения». Сделан вывод о том, что для исторических исследований, в рамках которых изучаются генезис, эволюция и институциональное оформление евангельско-баптистского движения в Беларуси в XIX–XXI вв., наиболее релевантным является термин «поздний протестантизм», который фиксирует место евангельско-баптистского движения в историческом развитии протестантизма, обозначает хронологические рамки его возникновения (XVII–XIX вв.), не имеет оценочной коннотации и позволяет разграничить евангельско-баптистское движение, неопротестантизм и новые религиозные движения конца XX в. Данный термин обеспечивает научную объективность и учитывает динамику институционального развития евангельско-баптистского движения от сектантской формы до деноминации.

Ключевые слова: Беларусь; поздний протестантизм; неопротестантизм; новые религиозные движения; евангельско-баптистское движение; секта.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского государственного университета (грант ректора Белорусского государственного университета на 2023–2026 гг.).

ЕВАНГЕЛЬСКА-БАПТЫСЦКІ РУХ У БЕЛАРУСІ Ў ГІСТАРЫЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯХ: ДА ПЫТАННЯ ТЭРМІНАЛАГІЧНАГА ДЫСКУРСУ

Т. В. ЛІСОВСКАЯ^{1*}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Сістэматызаваны існуючыя падыходы да намінацыі евангельска-баптысцкага руху ў гістарычных даследаваннях, і абгрунтаваны выбар тэрміна, які найбольш рэлевантна адлюстроўвае генезіс, эвалюцыю і канфесійную ідэнтычнасць руху ў кантэксце рэлігійнай гісторыі Беларусі. Выяўлена, што асаблівасцю намінацыі пратэстанцкіх плыней з'яўляецца множнасць падыходаў. Устаноўлена, што ў навуковым і грамадска-палітычным дыскурсе да евангельска-баптысцкага руху прымяняюцца тэрміны «секта», «позні пратэстантызм», «неапратэстантызм» і «новыя

Образец цитирования:

Лисовская ТВ. Евангельско-баптистское движение в Беларуси в исторических исследованиях: к вопросу терминологического дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;2:22–32.
EDN: IMONDC

For citation:

Lisouskaya TV. The Evangelical Baptist movement in Belarus in historical research: towards the question of terminological discourse. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;2:22–32. Russian.
EDN: IMONDC

Автор:

Татьяна Витальевна Лисовская – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени, заместитель декана по науке и международному сотрудничеству исторического факультета.

Author:

Tatyana V. Lisouskaya, PhD (history), docent; associate professor at the department of modern and contemporary history of Belarus and deputy dean for science and international cooperation, faculty of history.
lisouskaya@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5562-8466>

рэлігійных руху». Зроблена выснова аб тым, што для гістарычных даследаванняў, у рамках якіх вывучаюцца генезіс, эвалюцыя і інстытуцыйнае афармленне евангельска-баптыскага руху ў Беларусі ў XIX–XXI стст., найбольш рэлевантным з’яўляецца тэрмін «позні пратэстантызм», які фіксуе месца евангельска-баптыскага руху ў гістарычным развіцці пратэстантызму, азначае храналагічныя рамкі яго ўзнікнення (XVII–XIX стст.), не мае ацэначнай канатацыі і дазваляе размежаваць евангельска-баптысцкі рух, неапратэстантызм і новыя рэлігійныя рухі канца XX ст. Дадзены тэрмін забяспечвае навуковую аб’ектыўнасць і ўлічвае дынаміку інстытуцыйнага развіцця евангельска-баптыскага руху ад сектанцкай формы да дэнамінацыі.

Ключавыя словы: Беларусь; позні пратэстантызм; неапратэстантызм; новыя рэлігійныя рухі; евангельска-баптысцкі рух; секта.

Падзяка. Даследаванне выканана пры фінансавай падтрымцы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (грант рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на 2023–2026 гг.).

THE EVANGELICAL BAPTIST MOVEMENT IN BELARUS IN HISTORICAL RESEARCH: TOWARDS THE QUESTION OF TERMINOLOGICAL DISCOURSE

T. V. LISOUSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article systematises existing approaches to the nomination of the Evangelical Baptist in historical research and substantiates the choice of a term that most appropriately reflects the genesis, evolution, and confessional identity of the movement within the context of the religious history of Belarus. It is revealed that a distinctive feature of the nomination of Protestant movements is the multiplicity of approaches. It is established that in academic and socio-political discourse, the terms «sect», «late Protestantism», «neo-Protestantism», and «new religious movements» are used to describe the Evangelical Baptist. It is concluded that for historical research examining the genesis, evolution, and institutional formation of the Evangelical Baptist in Belarus in the 19th–21st centuries, the most relevant term is «late Protestantism». It captures the place of Evangelical Baptist in the historical development of Protestantism, designates the chronological framework of their emergence (17th–19th centuries), has no evaluative connotations, and allows for a distinction to be made between the Evangelical Baptist, neo-Protestantism, and new religious movements of the late 20th century. This term ensures scientific objectivity and takes into account the dynamics of the institutional development of the Evangelical Baptist from a sectarian form to a denomination.

Keywords: Belarus; late Protestantism; neo-Protestantism; new religious movements; Evangelical Baptists; sect.

Acknowledgements. The study was carried out with financial support of the Belarusian State University (grant of the rector of Belarusian State University for 2023–2026).

Введение

Современная конфессиональная структура Беларуси характеризуется деноминационным разнообразием при доминировании православия как в организационном, так и в идентификационном аспекте. Согласно данным Института социологии НАН Беларуси в 2021 г. православными считали себя более 75 % жителей страны [1, с. 273]. На 1 января 2024 г. в республике зарегистрированы 25 конфессий и религиозных направлений, к которым относятся 13 протестантских направлений¹, представленных 1038 религиозными общинами. В число конфессий и религиозных направлений, распространенных на территории Беларуси, также входят евангельско-лютеранская, реформатская и пресвитерианская церкви, евангельские христиане и бап-

тисты, христиане веры евангельской, адвентисты седьмого дня, христиане веры апостольской, появившиеся в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Кроме того, с начала 1990-х гг. в Беларуси действуют протестантские организации, возникшие на волне религиозной трансформации постмодерна, – христиане полного Евангелия, новоапостольская церковь и др.

Научное изучение процесса появления и развития в Беларуси евангельско-баптистского движения, доминирующего в структуре белорусского протестантизма и имеющего 150-летнюю историю (первые сведения о наличии евангельских христиан и баптистов относятся к 1875 г.)², требует систематизации научной терминологии. Особенностью

¹Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь // Уполномоченный по делам религий и национальностей : сайт. URL: <https://belarus21.by/Articles/1439296790> (дата обращения: 22.02.2026).

²Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 796. Оп. 164. Д. 1415. Л. 34 ; Там же. Ф. 797. Оп. 94. Д. 62. Л. 5.

номинации протестантских течений является множественность подходов: номинация на основе анализа исторического развития протестантизма как конфессии (в рамках религиоведческих и исторических исследований), номинация на основе степени развития и взаимодействия протестантских течений с обществом (в сектоведении), номинация на основе их общественно-культурной оценки (в общественно-политическом дискурсе). На данный момент в научном дискурсе практически отсутствует универсальная методология классификации протестантских движений; в рамках исторических, религиоведческих, сектоведческих и правовых исследований вопроса номинации евангельских христиан и баптистов применяется дифференцированный подход: евангельско-баптистское движение рассматривают как секту [2, с. 62], протестантское (позднее протестантское) движение³ [3–7], неопротестантизм, новое религиозное движение⁴ [2]. В существующих классификациях, как правило, фиксируются теоретические типологии (классический протестантизм – поздний протестантизм, церковь – деноминация – секта, новые религиозные движения (НРД) и др.), но при этом не анализируется вопрос о том, какой термин является наиболее релевантным для исторических исследований евангельско-баптистского движения на разных этапах его развития. Таким образом, недостаточно проработанным остается вопрос соотношения религиоведческих типологий (прежде всего концепций секты, НРД и позднего протестантизма) с практикой исторического описания евангельско-баптистского движения в Беларуси XIX–XXI вв. Уточнение понятийного аппарата и его применение в исторических исследованиях оказывают влияние на интерпретацию истории взаимоотношений государства, традиционных церквей и позднепротестантских общин в Беларуси. В связи с этим целью настоящей статьи являются систематизация терми-

нологии, используемой в отношении белорусских общин евангельских христиан и баптистов, и определение релевантного для исторических исследований термина. В целях достижения данной цели рассмотрены классификации протестантских движений на основе генетического и конфессионального подходов; реконструирована эволюция употребления термина «секта»; оценена возможность применения в исторических исследованиях социологической и сектоведческой терминологии.

Методологическая основа изучения номинации евангельско-баптистского движения в исторических исследованиях включает следующие компоненты: 1) принцип историзма, который позволил рассмотреть это движение в конкретно-историческом контексте (в период со второй половины XIX по XXI в.) с учетом изменений его институциональных форм, правового положения и общественного восприятия; 2) принцип историко-генетической периодизации, на основе которого проанализирован процесс исторического развития протестантизма, определены его этапы развития и типологические черты (на основе генетического и конфессионального подходов). Эволюция евангельско-баптистского движения со второй половины XIX по XXI в. обусловила необходимость применения принципа динамической (процессуальной) классификации, который позволил рассмотреть возможность применения терминов в ходе исторического развития данного движения. Для анализа терминологии социологии религии и сектоведения использован метод сравнительного анализа социологических и религиоведческих концепций. Таким образом, применение системного и междисциплинарного подходов позволило выявить, какая терминология в отношении евангельско-баптистского движения является наиболее релевантной для исторических исследований.

Евангельско-баптистское движение в структуре протестантизма: классификационный аспект в религиоведческих и исторических исследованиях

Протестантизм (лат. *protestans* – публично доказывать) как религиозное течение сформировался под влиянием европейской религиозной практики начала XVI в. в рамках католической церкви и требований реформирования христианского миропонимания. Основой протестантского вероучения стали взгляды М. Лютера на веру как на основу спасения, каноничность Священного Писания

как завершеного Божьего Откровения, внимание к духовной практике личного богопознания, признание в качестве таинств крещения и евхаристии, уход от формализованной культовой практики и др. Под влиянием М. Лютера и Реформации в Европе на протяжении XVI в. был сформирован ряд протестантских направлений (лютеранство, кальвинизм, цвинглианство, англиканство), которые

³Балтрушэвіч Н. Г. Пратэстанцкія арганізацыі БССР у 1944–1985 гг. : структура, формы дзейнасці, узаемаадносіны з дзяржавай : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2010. 27 с. ; Безносова О. В. Пізні пратэстанцкае сектанцтва Півдня України (1850–1905 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. Дніпропетровськ, 1997. 27 с. ; Опры І. А. Становішча та діяльність пізньопротестантських громад Правобережної України в 1900–1917 рр. : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. Київ, 2006. 21 с. ; Любащенко В. І. Історія протестантизму : курс лекцій. Львів : Просвіта, 1995. 350 с. ; Круглов А. А. История религий : пособие. Минск : БГУ, 2015. 407 с.

⁴Сушко В. В. Эволюция взаимоотношений государства и неопротестантских организаций в условиях реформирования религиозного законодательства Беларуси (1985–2010 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Минск, 2015. 25 с.

дали толчок развитию анабаптизма, меннонитства, антитринитаризма, социнианства. Дальнейшая революция протестантизма привела к зарождению в рамках существующих протестантских церквей отдельных течений: баптизма (радикальное крыло пуританизма, возникшее в Англии в XVII в.), методизма (течение Англиканской церкви, отделившееся в конце XVIII в.), дарбизма (фундаменталистское направление Англиканской церкви в Англии и Ирландии, которое выделилось в первой половине XIX в.). Диверсифицированная структура протестантизма формировалась также за счет появления в протестантской среде новых течений: адвентизма (эсхатологическое течение в США, руководители которого отделились от баптизма в конце XIX в.), штундизма (пиетистское направление в среде немецких лютеранских и реформатских общин России, зародившееся во второй половине XIX в.), пятидесятничества (течение в среде методистских и баптистских общин США, возникшее в начале XX в.) и др. Таким образом, учитывая то, что протестантизм зародился в рамках христианства как движение за реформирование католической церкви, и то, что он имеет сформированные вероучительные основы и сложную структуру, под протестантизмом следует понимать разновидности христианской традиции, которые появляются и развиваются за границами католицизма и православия, а также имеют общие генетические и вероучительные связи.

В Беларуси развитие протестантизма шло в тесной связи с общеевропейскими процессами. В связи с этим исторический путь протестантизма в Беларуси характеризуется наличием двух этапов. На первом этапе (XVI–XVII вв.) произошли распространение общеевропейских движений лютеранства, кальвинизма, антитринитаризма, социнианства и становление в Беларуси евангельско-лютеранской и евангельско-реформатской церквей. На втором этапе (вторая половина XIX – начало XX в.) в религиозной структуре Беларуси появились штундобаптизм (1870-е гг.), евангелизм (конец XIX в.), адвентизм (начало XX в.), методизм, дарбизм и пятидесятничество (1920-е гг.) [8, с. 9–19].

Следует отметить, что онтологическое родство штундобаптизма с традиционным протестантизмом было установлено православными ведомствами при экспертизе вероучительных основ новых общин уже в конце XIX в. Так, в 1896 г. Витебский окружной суд при рассмотрении дела крестьян Якова Пуреня, Петра Зегера, Юрия Воргуля, обвиненных в принадлежности к баптизму и совращении православных жителей Люцинского уезда, пришел к выводу о том,

что баптизм по своему происхождению и вероучительным основам представляет собой учение, возникшее в XVII в. на почве протестантизма, и является формой его дальнейшего развития. В экспертизе отца Лепина указано, что баптизм представляет собой крайнюю форму протестантизма, возникшего в XVII в. В кассационном протесте помощника прокурора Витебского окружного суда, поданном в Уголовный кассационный департамент Правительствующего сената, уточнялось, что баптизм относится к сектам рационалистического характера протестантского толка⁵. Согласно решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената от 27 сентября и 11 октября 1897 г. баптизм был признан сектой, относящейся к «терпимому инородному исповеданию на почве христианского»⁶.

В современном научном дискурсе разнообразие и продолжающийся процесс деноминационного развития протестантизма выводят вопрос о классификации его течений на первый план. Проблема корректного определения круга классифицируемых движений, множественность выбора оснований классификации и определения сущностных признаков этих движений ведут к формированию разных подходов⁷ [5; 7]. Наиболее распространенными в историческом и религиоведческом дискурсах для анализа структуры протестантизма являются конфессиологический (анализ догматических, канонических и литургических признаков) и генетический (онтологическое отождествление и установление общности происхождения) подходы. Так, в рамках генетического подхода протестантизм рассматривается как совокупность родственных движений, наделенных своеобразными доктринальными, нормативными и культовыми характеристиками, возникших и развившихся в ходе Реформации и после нее вследствие расхождения с церковной традицией католицизма. С точки зрения конфессионального подхода институциональное разнообразие протестантизма и отсутствие у него единого организационного центра компенсируются наличием общей вероучительной основы.

В большей части исторических и религиоведческих работ отечественных исследователей и исследователей постсоветских стран при определении структуры протестантизма используется ретроспективно-компонентный подход как разновидность генетического подхода. Применение данного подхода позволило создать классификацию протестантских движений на основе хронологического и генетического признаков, выделить в структуре протестантизма классические (ранние) и поздние течения.

⁵РГИА. Ф. 1363. Оп. 6. Д. 2260. Л. 2–4.

⁶НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37028. Л. 22.

⁷Любашенко В. И. История протестантизму... 350 с.; Круглов А. А. История религий... 407 с.; Радугин А. А. Введение в религиоведение: теория, история и современные религии: курс лекций. М.: Центр, 2000. 240 с.; Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси: пособие. Могилёв: Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2012. 191 с.

В рамках данного подхода наиболее дискуссионным вопросом является определение времени возникновения течений. К ранним течениям протестантизма отнесены сформированные в XVI в. общеевропейские движения (кальвинизм, лютеранство, англиканство, антитринитаризм, социнианство), к поздним течениям протестантизма – зародившиеся в постреформационный период (XVII–XVIII вв.) на основе классических движений и пиетизма меннонитство, баптизм, методизм, штундизм, а также возникшие в период с XIX по начало XX в. евангельское христианство, адвентизм, пятидесятничество и др.⁸ [5].

Появление в 1970–80-х гг. новых протестантских течений и организаций связано с развитием в рамках протестантской теологии направлений, представители которых (теологи Рейнгольд и Ричард Нибуры, П. Тиллих и др. (1930-е гг., США), К. Барт, Э. Бруннер (период после Первой мировой войны, Европа)) выступали с критикой либерального христианства и предлагали модернистские идеи⁹. На основе модернистских теологических идей был образован ряд организаций протестантского направления, отнесенных в философском и теологическом дискурсах к неопротестантизму [9]. По мнению А. К. Погасия, характерными чертами неопротестантизма как направления протестантской теологии и деномина-

ционной структуры являются его внутренняя разнородность, наличие только частично разработанной догматики вероучения, высокая степень влияния харизматичных лидеров [10, с. 113]. Следует отметить, что протестантские течения данного толка появились в Беларуси только в начале 1990-х гг. Однако в большинстве религиозных работ и в отдельных исторических исследованиях термин «неопротестантизм» используется без концептуальной разработки терминологического аппарата. В связи с этим часто происходит смешение понятий «неопротестантизм», «новый протестантизм» и «новые религиозные движения». Кроме того, в ряде исследований наблюдается экстраполяция термина на поздние протестантские движения на основании того, что большинство неопротестантских организаций образовались на их базе (например, неопятидесятничество возникло на основе пятидесятнических организаций). В результате к неопротестантским движениям часто относят как течения, возникшие в 1970–80-х гг. на основе модернистской теологии, так и евангельско-баптистские движения, вероучительные особенности которых были сформированы задолго до второй половины XX в.¹⁰ Применение этого термина в отношении баптизма XIX – первой половины XX в. приводит к хронологической и содержательной ошибке.

Эволюция использования термина «секта» в отношении позднего протестантизма в общественно-политическом дискурсе и научных исследованиях

Практика квалификации штундобаптистских общин как сектантских относится к периоду их появления на территории Российской империи, в том числе белорусских губерний, во второй половине XIX – начале XX в. [11, с. 11]. Термин «сектанты» стал использоваться с конца XVIII в. для именованья ересей (духоборов, молокан и т. д.), а также появившихся позднее толстовцев, меннонитов, баптистов, пашковцев и адвентистов [12]. В то же время понятие «сектантство» во второй половине XIX – начале XX в. не имело современного социологического содержания и не служило классификации религиозных групп по сущностному и институциональному параметрам. Определяющим для сектантства являлось отделение от православия как от духовной и национально-религиозной основы, которое привело к наложению термина «сектантство» на термины «ересь», «раскол» и обусловило восприятие новых религиозных учений в религиозном и общественно-политическом дискурсах как оппонирующих уче-

нию православной церкви и предлагающих альтернативный путь к спасению. Наполнение понятия «секта» значениями нравственного и богословского расхождения с православной церковью, религиозной и политической вредности было закреплено в российском законодательстве, которое было призвано защищать главенствующую православную церковь путем преследования «заблуждений» в виде раскола и ересей [13, с. 105]. В декабре 1842 г. указом Священного синода в соответствии с догматическими и экклесиологическими критериями, характеризующими степень отступления от учения и канонов православной церкви и христианства в целом, а также по политическим и нравственным причинам секты были разделены на три категории: 1) вреднейшие секты; 2) вредные секты; 3) менее вредные секты [14, с. 152]. Отделение «О ересь и расколах» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных предусматривало ответственность за соращение в ереси, расколы и создание новых, повреждающих

⁸Любащенко В. И. История протестантизма... 350 с. ; Круглов А. А. История религий... 407 с. ; Радугин А. А. Введение в религиоведение... 240 с. ; Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси... 191 с.

⁹Философский словарь / А. И. Абрамов [и др.] ; под ред. И. Т. Фролова. М. : Республика, 2001. С. 294–295.

¹⁰Сушко В. В. Эволюция взаимоотношений государства и неопротестантских организаций в условиях реформирования религиозного законодательства Беларуси (1985–2010 гг.)... 25 с.

веру сект в связи с тем, что субъектом воздействия являлись православные граждане (например, ст. 189 определяла наказание за проповедь учения еретической секты или раскольнического толка, ст. 196 определяла наказание за хулу против православной церкви и соблазнение православных христиан в штундистскую ересь). Стоит отметить, что в законодательстве термины «ересь», «раскол» и «секта» использовались тождественно. В комментариях к отделению «О ересях и расколах» было изложено мнение Правительствующего сената, согласно которому критерием различия ересей и расколов в законодательстве является степень их вреда. В результате секты разделялись на следующие категории: 1) секты, повреждающие веру, но менее вредные в гражданском отношении (ст. 196); 2) секты, особенно вредные как в отношении к охранению веры, так и в гражданском отношении (ст. 197); 3) секты, соединенные со свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь или же с противонравственными гнусными действиями (ст. 203)¹¹.

Попытка выйти за рамки негативного содержания термина «сектантство» была предпринята в рамках религиозных реформ 1905–1906 гг. В именном высочайшем указе «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» от 17 октября 1906 г. разделены раскольнические учения и сектантские общины, а сектанты определены как группы, отделившиеся от православной церкви¹². В то же время термин «отпавшие от православия» имел значение вычленения из аутентичного религиозного поля страны чуждых религиозных элементов – НРД, к которым и были отнесены позднепротестантские движения. В Проекте отлучения и осуждения учения сектантов, разработанном VI отделом Предсоборного присутствия для Поместного собора в 1906 г., в качестве определяющих сектантство признаков были указаны догматические и экклесиологические расхождения с учением православной церкви [12]. В издании «Справочник по ересям, сектам и расколам» (1913) С. В. Булгакова также прослеживается условное разделение термина «секта» (организованное общество людей, взгляды которых согласуются между собой и противостоят господствующей церкви) и термина «ересь» (понятие, характеризующее сущностное содержание учения) [15]. Данные подходы были сохранены и при разработке методологических аспектов изучения сектантства в рамках новой богословской дисциплины «сектоведение» [16; 17].

Так, в работах дореволюционных сектоведов (А. Дородницын, Д. Грацианский, К. Плотников) секта характеризовалась замкнутостью, высокой степенью консолидации и отделенностью от господствующей церкви, что имплицитно вело к восприятию сектантства через парадигму «свой – чужой» и закрепляло за термином негативную коннотацию [18–20].

В советском законодательстве не использовалась негативная терминология как в отношении религии в целом, так и в отношении религиозных акторов, применялись термины «религиозные общества» и «религиозные объединения» в отношении всех исповеданий. Однако в общественно-политическом дискурсе евангельско-баптистские, адвентистские, пятидесятнические и иные религиозные течения сохранили номинацию «сектантство» с отрицательным содержанием. Так, в ноябре 1922 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) определила две категории сектантов: 1) лояльные к советской власти молокане, духоборы, штундисты; 2) контрреволюционные, склонные к буржуазной реставрации или анархо-мещанству толстовцы, баптисты, евангелисты и т. д.¹³ Советские социологи вели научное изучение сектантства как феномена религиозной жизни, разработку его методологического и понятийного аппарата через призму идеологии коммунистической партии и марксистско-ленинского подхода. Формирование к концу 1920-х гг. политического отношения к баптистам, евангельским христианам, пятидесятникам и представителям других религиозных течений как к классовому врагу определило закрепление негативного содержания термина «сектантство», транслируемого в советской социологии [21–24]. Наиболее четко характерные черты сектантских групп, порожденных борьбой с религиозными институтами господствующего класса, сформулировал А. И. Клибанов. К таким чертам он отнес исключительность, нетерпимость друг к другу, соперничество, страстную полемичность, самоутверждение путем отрицания всего, находящегося вне принятого круга мысли и деятельности [25, с. 5].

Таким образом, несмотря на нейтральность термина «сектантство» в 1906–1917 гг. и в советский период, отношение к евангельско-баптистскому движению как к сектантскому в период существования Российской империи и советский период в церковном и общественно-политическом дискурсах имело крайне негативный характер. Отрицательное отношение до 1917 г. выражалось в позиции Русской православной церкви, воспринимавшей сектантство в целом как угрозу русской государственности и посягательство на интересы православной церкви.

¹¹Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / сост. Н. С. Таганцев. СПб. : Гос. тип., 1908. 959 с.

¹²Именной высочайший указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов» // Полн. собр. законов Рос. империи. Собр. 3. СПб. : Гос. тип., 1909. Т. 26 : 1906. Отд-ние 1. С. 905–914.

¹³Рос. гос. арх. соц.-полит. ист. (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 161.

Советские власти, в свою очередь, с конца 1920-х гг. определяли позднепротестантские (сектантские) общины как аппарат агитации и пропаганды капиталистических элементов и классово чуждых врагов¹⁴. Таким образом, понятие «секта» было наполнено негативным содержанием в церковном и общественно-политическом дискурсах как в догматическом плане (период до 1917 г.), так и в идеологическом плане (советский период). Сегодня длительная история негативного значения термина делает сложным его восприятие в качестве нейтрального в рамках объективного исторического анализа.

Современное содержание термина «секта», используемого в религиоведческих и сектоведческих исследованиях, основано на разработанной М. Вебером и Э. Трёльчем концепции религиозной стратификации секта – церковь [26, с. 273; 27]. Секта, по мнению М. Вебера, характеризуется рядом институциональных и социологических параметров: небольшим размером, высоким уровнем сплоченности и нравственной дисциплины, наличием испытательного срока для членства, равноправием, ощущением избранности и своеобразным кастовым высокомерием адептов [28, с. 267]. Однако в самой парадигме «секта – церковь» заложена возможность организационной и вероучительной эволюции секты под влиянием успешности деятельности, длительности существования и роста количества членов¹⁵. Введенное Р. Х. Нибуrom, Г. Беккером, Д. Мартином понятие «деноминация», которое означает переходную форму в системе культ – секта – деноминация – церковь, определяет возможность, способности и формы продвижения религиозных акторов в стратификационной системе. В качестве характеристик трансформационных процессов выступают показатели эволюции от локальных закрытых групп до разветвленной организационной структуры, способы интеграции этих групп и социума, методы взаимодействия с ним [29–31]. Таким образом, термин «секта» прежде всего характеризует этап развития и тип религиозной организации; он используется в классификациях религиозных групп по признакам организационной структуры и позиции в обществе [31, р. 624–642].

При использовании термина «секта» в отношении евангельско-баптистского движения в истори-

ческих исследованиях следует принимать во внимание несколько аспектов. Во-первых, со второй половины XIX в. данный термин имеет негативную коннотацию, опирающуюся на противопоставление сектантства господствующей церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.), атеистической идеологии государства (1917 г. – конец 1980-х гг.), традиционной религиозности (1990-е гг. – современный этап). Соответственно, в целях обеспечения научной объективности при изучении процесса развития религиозных движений следует избавляться от оценочной терминологии: в исторических исследованиях важен контекст их возникновения и развития.

Во-вторых, в связи с разным содержательным наполнением термина «секта» во второй половине XIX – начале XX в. и на современном этапе его использование в историческом контексте Беларуси второй половины XIX – начала XX в. уместно при анализе политико-правового и общественного положения евангельско-баптистского движения (его сущностного содержания в данный период с точки зрения догматического и экклесиологического расхождения с учением православной церкви, оппонирования ему).

В-третьих, несмотря на наличие у евангельских христиан и баптистов во второй половине XIX – начале XX в. характерных черт сектантства [2, с. 47; 32, с. 73], исследователи фиксируют постепенный переход данных движений из категории «секта» в категорию «деноминация» (современный этап)¹⁶. Со второй половины XIX в. изменились организационная структура движения, характер его взаимодействия с социальными институтами, общностями и другие параметры. Соответственно, при использовании социологического термина «секта» в отношении этого движения не учитываются трансформационные процессы и не отражается его развитие в рамках парадигмы «церковь – деноминация – секта». В связи с этим применение данного термина в исторических исследованиях оправдано при изучении того этапа развития евангельско-баптистского движения, в рамках которого ему был свойствен определенный уровень институционального развития. В таком случае применение социологической терминологии будет релевантно поставленной цели.

Евангельско-баптистское движение в контексте понятий «нетрадиционная религиозность» и «новые религиозные движения»

В современном религиоведении распространена практика разделения религий на традиционные и нетрадиционные¹⁷. К традиционным религиям относят религиозные системы, укоренившиеся в куль-

туре определенной территориально-национально-этнической общности и, как следствие, определившие национальный менталитет, традиции духовной культуры, а также сыгравшие значимую роль

¹⁴РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 26.

¹⁵Любащенко В. И. История протестантизму... 350 с.

¹⁶Шкурова Е. В. Развитие межконфессиональных отношений в Республике Беларусь: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01. Минск, 2008. 20 с.

¹⁷Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси: пособие для рук. учреждений образования, педагогов, воспитателей / ред. и сост. А. И. Осипов. Минск: Беларусь, 2000. 255 с.

в процессе государственного строительства. Соответственно, религиозные течения, не имеющие длительной истории присутствия в конкретной стране и не обладающие культурообразующим статусом, относят к нетрадиционным. Советский и российский религиовед Е. Г. Балагушкин определяет их как нетрадиционное типологическое явление иной религиозности, радикально отличающейся от традиционной для данного общества в конкретный исторический период [33, с. 17]. В рамках существующих подходов к определению традиционности предлагаются разные квалификационные критерии: хронологический критерий (по времени присутствия на территории), количественный критерий (по масштабу), цивилизационный критерий (по степени влияния на культуру и духовность) и др. По мнению В. А. Мартиновича, в рамках узкосоциологического подхода характеристики нетрадиционной религиозности раскрываются в концептах культа, секты и деноминации [2, с. 41].

В целях разграничения традиционных и нетрадиционных религиозных объединений и избегания негативного восприятия терминологии нетрадиционности и сектантства в 1960-х гг. было предложено использовать термин «новые религиозные движения» как нейтральный синоним понятия «секта»¹⁸ [34, с. 154]. Данный термин изначально применялся к религиозным организациям, появившимся после Второй мировой войны¹⁹ [35, с. 14; 36, с. 133]. Определяющая характеристика данного термина («новые») затрагивает как хронологический (время их возникновения), так и качественный (сущностные отличия от традиционных религий) аспект НРД. Рассмотрение первого аспекта предполагает изучение вопроса временных рамок и наличия длительного исторического бэкграунда движения в иных регионах при непродолжительном его присутствии в определенном государстве. Одни исследователи в качестве критерия новизны движений рассматривают временную границу середины XX в., другие исследователи – 200-летнее присутствие в религиозном поле государства [37, с. 6–14]. В то же время не принимаются во внимание теологические и институциональные аспекты, а также остается открытым вопрос о целесообразности отнесения к НРД групп, возникших в XIX в. и ранее.

Индуктивный подход к определению сущностной новизны религиозных движений основан на их противопоставлении доминирующей религиозной традиции (вероучению, религиозной практике и др.). Однако в рамках данного подхода существует проб-

лема нахождения универсального параметра, присущего всем НРД. Предложенный Л. И. Григорьевой принцип отнесения к НРД движений, предлагающих новые, инновационные вероучительные идеи и практики, не свойственные религиозным традициям конкретного общества, довольно релевантно отражает сущностную характеристику новой религиозности в ее противопоставлении традиционной [38, с. 60].

Комплексная характеристика НРД предложена О. В. Дьяченко, который определяет НРД как многообразное, отличающееся исключительной динамичностью развития, религиозно-догматической эластичностью и эклектизмом духовное явление XIX–XX вв., отмечая, что религиозные движения данного типа появились в Беларуси только в 1970-х гг., а наибольшее распространение получили с 1990-х гг.²⁰ Данное мнение придерживается и часть российских социологов, которые указывают, что в России НРД появились только в начале 1990-х гг. [39, с. 95].

В конце 1990-х гг. ученые Института философии НАН Беларуси ввели в научный оборот термин «неокульты», синонимичный понятию «новые религиозные движения». Сущностный подход к определению нетрадиционных религий и культов, предложенный белорусскими религиоведами Е. С. Прокошиной, Т. П. Короткой и И. Ф. Рекуцем, позволил исследователям выделить их характерные черты: адогматичность, эклектичность, отсутствие жесткой связи между системой вероучительных принципов, системой культовых предписаний и обрядов, а также морально-этическими принципами, отсутствие эклисиологического догмата и, соответственно, наличие специфической структуры управления²¹ [40, с. 31]. В целом позиции Е. С. Прокошиной, Т. П. Короткой, И. Ф. Рекуца согласуются в понимании множества НРД: к категории НРД и неоекультов исследователи относят религиозные движения неохристианского происхождения (псевдохристианские движения), неоориенталистского направления, оккультно-мистические движения. Разработкой классификации НРД в белорусском религиоведении и социологии религии занимались также В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, А. В. Гурко, Н. А. Кутузова²² [41; 42]. Следует отметить, что в большинстве белорусских религиоведческих исследований евангельско-баптистское движение не попадает в категорию НРД по классификационным признакам. В частности, В. В. Старостенко и О. В. Дьяченко разделяют понятия «нетрадиционная религиозность» и «новые

¹⁸Мартинович В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения : пособие для студентов Ин-та теологии БГУ. Минск : БГУ, 2008. С. 18 ; Дьяченко О. В. Новые религиозные движения в Беларуси : пособие. Могилёв : Могилёв. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2011. С. 6.

¹⁹Яблоков И. Н. Религиоведение : учеб. для вузов / под ред. И. Н. Яблокова. М. : Юрайт, 2025. С. 364.

²⁰Дьяченко О. В. Новые религиозные движения в Беларуси... С. 10.

²¹Короткая Т. П. Религиоведение: религии в Беларуси : учеб. пособие. Минск : Белорус. гос. экон. ун-т, 2004. С. 47.

²²Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси... 191 с.

религиозные объединения» (неокульти), выделяя 2 типа нетрадиционной религиозности – НРД и поздние протестантские движения²³.

Отсутствие единой общепризнанной системы определения ключевых понятий нетрадиционной религиозности и НРД отмечает В. А. Мартинович. В качестве проблемы разработки понятийного аппарата он выделяет высокий уровень изменчивости НРД и постоянное появление новых конфигураций религиозных движений, что подвергает испытанию проверенные и обоснованные методы концептуализации феномена [43, с. 97]. Указывая на недостатки методологического аппарата, В. А. Мартинович предлагает относить к НРД такие формы религиозной нетрадиционности, как секты (отколовшиеся от традиционных религий мира религиозные организации) и культы (образовавшиеся в результате радикальной трансформации религиозные организации)²⁴. В связи с этим в категорию НРД включены течения, имеющие инновационный характер учения и практики (неоориенталистские культы, псевдохристианские секты), христианские деноминации и группы (баптизм, пятидесятничество, отдельные римско-католические течения), а также религиозные организации и организации некоммерческого характера (например, организация «Гербалайф»)²⁵ [2, с. 90–122; 36].

Дискуссионный характер соответствия термина «новые религиозные движения» обозначаемым им явлениям религиозной жизни, отсутствие универсальных критериев идентификации НРД, тождественность этого термина понятию «нетрадиционная религиозность», вызванная отсутствием четкого определения качественных характеристик явления, приводят к тому, что в целях разрешения проблемы новизны религиозных новаций некоторые исследователи предлагают руководствоваться узким и ши-

роким подходами к определению НРД. Так, в рамках узкого подхода к НРД относят религиозные группы с синкретическим учением, активизировавшиеся в 1960–70-х гг. в США и Европе (в начале 1990-х гг. в Беларуси и России), а в рамках широкого подхода – религиозные группы, которые возникли задолго до середины XX в. и тяготеют в своих доктринах к уже существующей религиозной традиции [36, с. 134]. Таким образом, баптизм, ведущий свою историю в Европе с конца XVII в., но появившийся на белорусских землях только во второй половине XIX в., в рамках широкого подхода несомненно можно отнести к НРД.

В контексте современного состояния научных религиоведческих исследований наиболее валидным для классификации белорусского евангельско-баптистского движения второй половины XIX – XXI в. является подход белорусских религиоведов В. В. Старостенко, О. А. Дьяченко, Е. С. Прокошиной, Т. П. Короткой, И. Ф. Рекуця, основанный на традиционности, нетождественности роли евангельских христиан и баптистов в формировании традиционной культуры, участии в становлении отечественной социокультурной истории. В рамках данного подхода евангельско-баптистское движение определяется как нетрадиционное для Беларуси, но при этом поздние протестантские движения отделяются от НРД (неокульти, синкретических групп, возникших преимущественно после 1960–70-х гг.). Такая типологизация позволяет выйти за рамки методологического дискурса сущностной и хронологической новизны религиозных движений и задает направление историческим исследованиям (изучение степени влияния евангельско-баптистского движения на культуру и духовность белорусского народа).

Заключение

Таким образом, при номинации евангельско-баптистского движения в Беларуси в контексте его исторического развития со второй половины XIX по XXI в. следует учитывать, что термины «секта», «новые религиозные движения» – это понятия социологии религии, представители которой рассматривают предмет исследования (религиозное сообщество) с точки зрения формы его существования в социуме. Исторические исследования же направлены на изучение религиозных движений в их развитии в конкретно-историческом контексте.

На наш взгляд, для исторических исследований, в рамках которых изучаются генезис, эволюция и институциональное оформление евангельско-баптистского движения в Беларуси со второй половины XIX по XXI в., наиболее релевантными являются

термины «поздний протестантизм» и «позднепротестантские движения», так как они четко фиксируют место евангельско-баптистского движения в исторической периодизации, раннереформационных церквей (лютеранство, кальвинизм), неопротестантских движений и не обладают чертами постмодернистского синкретизма. Данные термины также свободны от оценочности, они позволяют исследователю избежать идеологической ангажированности и сосредоточиться на объективном анализе вероучения, социальной структуры и динамики общин. В то же время эти термины дают возможность рассматривать евангельско-баптистское движение в процессе его трансформации из локальных религиозных групп в виде сект в деноминацию.

²³Старостенко В. В., Дьяченко О. В. Религии в современной Беларуси... С. 16–17.

²⁴Мартинович В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения... С. 32.

²⁵Там же. С. 25.

Библиографические ссылки

1. Балич НЛ. Религиозная идентичность жителей Беларуси в зависимости от типа населенного пункта и конфессиональной принадлежности. *Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2022;67(3):270–280. DOI: 10.29235/2524-2369-2022-67-3-270-280.
2. Мартинович ВА. *Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Том 1*. Минск: Минская духовная академия; 2015. 62 с. (Монографии Минской духовной академии).
3. Лисовская ТВ. Работа с молодежью в белорусских позднепротестантских общинах (1917–1991). *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2024;4:35–46. EDN: ALMPTQ.
4. Лисовская ТВ. *Поздний протестантизм в Беларуси (конец XIX в. – 1991 г.)*. Минск: Издательский центр БГУ; 2025. 400 с.
5. Сидоренко НС, Буланов СЛ. Протестантизм: опыт классификации. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017;3(часть 3):170–174. EDN: YFMCKV.
6. Яроцкий П. Стан пізнёпротестантських конфесій. *Українське релігієзнавство*. 2008;46:302–331. DOI: 10.32420/2008.46.1931.
7. Гусев ИЕ. *История религий мира*. Минск: Харвест; 2018. 264 с.
8. Лисовская ТВ. Зарождение позднепротестантского движения в Беларуси в конце XIX – начале XX в. *Вестник Омского государственного университета. Серия: Исторические науки*. 2022;9(1):7–18. DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).7-18.
9. Лункин Р. Российский протестантизм: евангельские христиане как новый социальный феномен. *Современная Европа*. 2014;3:133–143. DOI: 10.15211/soveurope32014133143.
10. Погасий АК. Религиозные разделения и межконфессиональное понимание. *Религиоведение*. 2009;2:110–114. EDN: KYRWVK.
11. Данилов АВ, Мартинович ВА. Особенности конфессиональной структуры Республики Беларусь. В: Данилов АВ, редактор. *Посткоммунистическая Беларусь в процессе религиозных трансформаций*. Минск: Адукацыя і выхаванне; 2002. с. 6–13.
12. Конь РМ. *Введение в сектоведение*. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария; 2008. 495 с.
13. Терюкова ЕА. Понятие сектантства в российском вероисповедном законодательстве начала XX в. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17, Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение*. 2013;4:102–108. EDN: RMWRLP.
14. Бендин АЮ. Старообрядцы и российская веротерпимость в XIX – начале XX в. В: Осипов ВИ, Зиновкина НВ, Соколова ЕИ, Осипова АВ, редакторы-составители. *Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы XI Международной конференции; 11–13 ноября 2014 г.; Москва, Россия. Том 1*. Москва: Музей истории и культуры старообрядчества; 2014. с. 147–160. EDN: MPXDEJ.
15. Булгаков СВ. *Настольная книга для священноцерковнослужителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства*. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской лавры; 1913. Краткие сведения о существовавших и существующих расколах, ересь, сектах, новейших рационалистических учениях и проч. [Справочник по ересь, сектам и расколам]; с. 1592–1745.
16. Варсонофий (Лузин АВ). *Проблема сектоведения как науки*. Казань: Центральная типография; 1914. 18 с.
17. Фетисов НН. *Опыт уяснения основных вопросов науки сектоведения*. Киев: Петр Барский в Киеве; 1914. 26, [2] с.
18. Дородницын А. Основные формы сектантских заблуждений. *Миссионерское обозрение*. 1902;2:225–236.
19. Грацианский Д. Что такое секта вообще и «рационалистическая» и «мистическая» в частности? *Миссионерское обозрение*. 1904;8:971–980.
20. Плотников К. *История и обличение русского сектантства. Выпуск 1*. Санкт-Петербург: Типография И. В. Леонтьева; 1910. 132, IV с.
21. Сокалаў ВГ. *Сектанцтва і яго рэакцыйная сутнасць*. Мінск: Акадэмія навук БССР; 1952. 34, [1] с.
22. Вольфсон СЯ. Сучасныя рэлігійныя настроі на Беларусі. *Полымя*. 1929;10:130–143.
23. Алпеева ТМ. *Сущность и характерные черты идеологии и деятельности религиозного сектантства в Белоруссии*. Минск: Знание; 1985. 21 с.
24. Ленсу МЯ, Прокошина ЕС, редакторы. *Баптизм и баптисты*. Минск: Наука и техника; 1969. 319 с.
25. Клибанов АИ. *Религиозное сектантство в прошлом и настоящем*. Москва: Наука; 1973. 256 с. (Научно-атеистическая литература).
26. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, редактор. Москва: Прогресс; 1990. Протестантские секты и дух капитализма; с. 273–305 (Социологическая мысль Запада).
27. Трельх Э. Социальные учения христианских церквей. В: Гараджа ВИ, Руткевич ЕД, составители. *Религия и общество*. Москва: Аспект Пресс; 1996. с. 226–237.
28. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, редактор. Москва: Прогресс; 1990. Протестантская этика и дух капитализма; с. 61–272.
29. Niebuhr RH. *The social sources of denominationalism*. New York: Meridian Book; 1975. 304 p.
30. Martin DA. The denomination. *British Journal of Sociology*. 1962;13(2):1–14.
31. Becker H. *Systematic Sociology on the basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese*. New York: Wiley & Sons; 1932. 772 p.
32. Новикова ЛГ. *Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект)*. Минск: БТН-информ; 2001. 132 с. (Библиотека социологии).
33. Балагушкин ЕГ. *Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Часть 1*. Москва: Институт философии РАН; 1999. 244 с.
34. Васильева ЕН. «Новые религиозные движения»: понятие и специфика. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2016;1:153–163.
35. Баркер А. *Новые религиозные движения: практическое введение*. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института; 1997. 282 с.

36. Яковлева ЮА. Социологический анализ нетрадиционных религиозных сообществ: теоретико-методологический аспект. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2011;29(2):133–149. EDN: PFCMNH.
37. Данилов АВ, редактор. *Посткоммунистическая Беларусь в процессе религиозных трансформаций*. Минск: Адукацыя і выхаванне; 2002. 130 с.
38. Григорьева ЛИ. *Религии «нового века» и современное государство*. Красноярск: Сибирский государственный технологический университет; 2002. 399 с.
39. Балагушкин ЕГ. Новые религии как социокультурный и идеологический феномен. *Общественные науки и современность*. 1996;5:90–100.
40. Прокошина ЕС, Короткая ТП, Рекуць ИФ, Титовец АА, Кутузова НА, Дьяченко ОВ и др. *Неокульты: «новые религии» века?* Майхрович АС, редактор. Минск: Четыре четверти; 2000. 240 с. EDN: XXSFAP.
41. Гурко АВ. Новыя рэлігіі. У: Пашкоў ГП, рэдактар. *Рэлігія і царква на Беларусі*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 2001. с. 230–231.
42. Кутузова НА. Новые религиозные организации в Беларуси: классификация и причины распространения в молодежной среде. В: Цвилик МВ, составитель; Новицкий ВИ, редактор. *Вопросы свободы совести и религиозных организаций в Республике Беларусь*. Минск: Четыре четверти; 2005. с. 299–306.
43. Мартинович ВА. Методологические проблемы изучения религиозного многообразия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;3:92–102. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-92-102.

Получена 30.03.2026 / исправлена 07.04.2026 / принята 07.04.2026.
Received 30.03.2026 / revised 07.04.2026 / accepted 07.04.2026.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

WORLD HISTORY

УДК 94(47+57)(093)

СТАХАНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОВЕЩАНИЙ

И. В. ЗЫКИН¹⁾

¹⁾Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, 620062, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. Формулирование идеи стахановского движения в Советском Союзе, получившего в середине 1930-х гг. в короткие сроки всемерную поддержку партийно-государственных органов, было невозможно без системы мероприятий (совещаний, слетов, конференций). Эта система охватила все уровни власти и экономики, отрасли промышленности, категории работников. В лесной промышленности, где в разные годы было занято от 1,5 до 2,0 млн работников, большое внимание уделялось развитию стахановского движения в сфере заготовки древесины, от результатов работы которой зависело снабжение предприятий сырьем. Проанализированы материалы региональных совещаний, показана трансформация взглядов разных категорий работников на стахановское движение во второй половине 1930-х гг. Выявлено, что в стенограммах мероприятий содержались острая критика проблем лесопромышленной деятельности, широкий перечень требований стахановцев, тогда как в газетах сообщалось преимущественно о достижениях и в сглаженном виде о проблемах. Общим для совещаний было противопоставление партийно-государственными деятелями и хозяйственниками коллективного «мы» индивидуализму стахановцев, сумевших за короткий срок понять выгоды новой формы социалистического соревнования. Отмечено, что участие в совещаниях, слетах, конференциях, где можно было рассказать об успехах и почерпнуть полезную информацию о методах работы, являлось мотивирующим фактором для стахановцев. Сделан вывод о том, что при усилении проблемно-мотивационных посылов в периоды

Образец цитирования:

Зыкин ИВ. Стахановское движение в лесной промышленности: практики региональных совещаний. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;2:33–41.
EDN: JPCDYN

For citation:

Zykin IV. The Stakhanov movement in the forestry industry: practices of regional meetings. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;2:33–41. Russian.
EDN: JPCDYN

Автор:

Иван Валерьевич Зыкин – доктор исторических наук; доцент кафедры истории России департамента «Исторический факультет» Уральского гуманитарного института.

Author:

Ivan V. Zykin, doctor of science (history); associate professor at the department of history of Russia, division «Faculty of history», Ural Institute of Humanities.
zivverh@mail.ru

работы партийных съездов и конференций или после издания правительственных постановлений о работе лесной промышленности происходило постепенное замещение мероприятий торжественной, мобилизационной направленности совещаниями для обсуждения производственных проблем.

Ключевые слова: индустриализация; пятилетки; лесная промышленность; социалистическое соревнование; стахановское движение; совещания; стахановцы; рабочие.

СТАХАНАЎСКИ РУХ У ЛЯСНОЙ ПРАМЫСЛОВАСЦІ: ПРАКТЫКІ РЭГІЯНАЛЬНЫХ НАРАД

I. В. ЗЫКІН^{1*}

^{1*} Уральскі федэральны ўніверсітэт імя першага Прэзідэнта Расіі Б. М. Ельцына,
вул. Міра, 19, 620062, г. Екацярынбург, Расія

Анацыя. Фармуляванне ідэі стаханаўскага руху ў Савецкім Саюзе, які атрымаў у сярэдзіне 1930-х гг. у кароткія тэрміны сусветную падтрымку партыйна-дзяржаўных органаў, было немагчыма без сістэмы мерапрыемстваў (нарад, злётаў, канферэнцый). Гэта сістэма ахапіла ўсе ўзроўні ўлады і эканомікі, галіны прамысловасці, катэгорыі работнікаў. У лясной прамысловасці, дзе ў розныя гады было занята ад 1,5 да 2,0 млн працаўнікоў, вялікая ўвага надавалася развіццю стаханаўскага руху ў сферы нарыхтоўкі драўніны, ад вынікаў працы якой залежала забеспячэнне прадпрыемстваў сыравінай. Прааналізаваны матэрыялы рэгіянальных нарад, паказана трансфармацыя поглядаў розных катэгорый работнікаў на стаханаўскі рух у другой палове 1930-х гг. Выяўлена, што ў стэнаграмах мерапрыемстваў змешчаны вострая крытыка праблем лесапрамысловай дзейнасці, шырокі пералік патрабаванняў стаханаўцаў, тады як у газетах паведамлялася пераважна аб дасягненнях і ў згладжаным выглядзе аб праблемах. Агульным для нарад было супрацьпастаўленне партыйна-дзяржаўнымі дзеячамі і гаспадарнікамі калектыўнага «мы» індывідуалізму стаханаўцаў, якія здолелі за кароткі тэрмін зразумець выгады новай формы сацыялістычнага спаборніцтва. Адзначана, што ўдзел у нарадах, злётах, канферэнцыях, дзе можна было расказаць аб поспехах і запазычыць карысную інфармацыю аб метадах працы, з'яўляўся матывавальным фактарам для стаханаўцаў. Зроблена выснова аб тым, што пры ўзмацненні праблемна-матывацыйных пасылаў у перыяды працы партыйных з'ездаў і канферэнцый або пасля выдання ўрадавых пастановаў аб працы лясной прамысловасці адбывалася паступовае замяшчэнне мерапрыемстваў урачыстай, мабілізацыйнай накіраванасці нарадамі для абмеркавання вытворчых праблем.

Ключавыя словы: індустрыялізацыя; пяцігодкі; лясная прамысловасць; сацыялістычнае спаборніцтва; стаханаўскі рух; нарады; стаханаўцы; рабочыя.

THE STAKHANOV MOVEMENT IN THE FORESTRY INDUSTRY: PRACTICES OF REGIONAL MEETINGS

I. V. ZYKIN^a

^aUral Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
19 Mira Street, Yekaterinburg 620062, Russia

Abstract. The formulation of the Stakhanov movement in the Soviet Union, which quickly received comprehensive support from party and government bodies in the mid-1930s, was impossible without a system of events (meetings, rallies, conferences). This system encompassed all levels of government and the economy, branches of industries, and categories of workers. In the forestry industry, which employed between 1.5 and 2.0 mln workers at various times, considerable attention was paid to the development of the Stakhanov movement in timber procurement, the supply of raw materials for enterprises depending on its results. The materials of regional meetings are analysed, demonstrating the transformation of the views of various categories of workers on the Stakhanov movement in the second half of the 1930s. It is revealed that the transcripts of events contain sharp criticism of the problems of the forestry industry and a broad list of Stakhanovite demands, whereas newspapers reported primarily on achievements and, in a more nuanced manner, on problems. A common theme among the meetings was the contrast between the collective «we» of party and government officials and business leaders with the individualism of the Stakhanovites, who quickly grasped the benefits of the new form of socialist competition. It was noted that participation in meetings, rallies, and conferences, where they could share successes and gain useful information about working methods, was a motivating factor for the Stakhanovites. It was concluded that with the strengthening of problem-motivational messages

during the work of party congresses and conferences or after the publication of government decrees on the work of the forestry industry, there was a gradual replacement of events of a ceremonial, mobilisation focus with meetings to discuss production problems.

Keywords: industrialisation; five-year plans; forestry industry; socialist competition; Stakhanov movement; meetings; Stakhanovites; workers.

Введение

Реализация первых пятилетних планов в Советском Союзе (1928–1941) привела к кардинальным общественно-политическим, экономическим и культурным изменениям. В лесной промышленности осуществлялись реконструкция и строительство предприятий, освоение новой техники и технологий, но при этом значительную долю кадрового потенциала составляли сезонные рабочие (прежде всего из числа колхозников), спецпереселенцы и заключенные. Создание постоянного кадрового состава рабочих хотя и провозглашалось важной задачей, но осуществлялось низкими темпами. Развитие системы профессионального образования и повышения квалификации, социалистического соревнования становилось важным стимулом для работников, стремившихся к обучению, повышению социального статуса, уровня и качества жизни. Стимулирующую функцию выполняли также изменения форм оплаты и организации труда, нормирование и укрепление трудовой дисциплины. С признанием властями и распространением стахановского движения появилась реальная, как тогда представлялось, возможность улучшения организации труда и повышения его производительности, ускорения процесса формирования постоянного кадрового состава, механизации производственных процессов.

Осмысление феномена стахановского движения началось в первые годы с момента его зарождения и официального признания [1; 2]. В послевоенной советской исторической науке вопросы социалистического соревнования (далее – соцсоревнование) занимали также важное место [3–5]. Стахановское движение, как и другие формы соцсоревнования, оценивалось положительно и считалось результатом политики партийно-государственных органов по индустриализации страны, формированию рабочего класса, повышению производитель-

ности и культуры труда рабочих. Предпринимались попытки научного анализа положительных и отрицательных сторон этой формы соцсоревнования специалистами из разных сфер, например экономистом О. А. Ерманским [6], историком С. Г. Цветковой [7].

С конца 1980-х по 1990-е гг. интерес к стахановскому движению был обусловлен в первую очередь исследованием проблем тоталитаризма и сталинизма. В работах Р. Майера [8; 9], С. П. Рябикина [10], Л. Сигельбаума [11] наметился поворот к рассмотрению стахановского движения как культурно-политического и социально-экономического феномена. Последнее десятилетие отмечено повышением внимания исследователей к этой форме соцсоревнования; оно обусловлено расширением методологического инструментария, введением в научный оборот новых источников. Историки анализируют отраслевые [12], социальные [13] аспекты стахановского движения, материальное благосостояние [14] и культурно-психологические черты [15; 16] стахановцев. К числу наиболее обстоятельных исследований последних лет можно отнести статьи А. А. Гужаловского [17], О. Л. Лейбовича [18], М. А. Фельдмана [19]. Диапазон оценок стахановского движения широкий, часто отмечается высокая степень мифологизации этой формы соцсоревнования.

Исследователи А. И. Андрияйнен [20], Е. В. Воейков [21], И. В. Зыкин [22] изучали стахановское движение в лесной промышленности, где в годы первых пятилеток трудилось от 1,5 до 2,0 млн рабочих, а тяжелый ручной труд сосуществовал с передовой техникой и технологиями. Историография свидетельствует об актуальности осмысления периода первых пятилеток, хотя, в частности, до завершения процесса изучения стахановского движения еще далеко.

Материалы и методы исследования

Анализ материалов совещаний стахановцев, газетных публикаций и книг, изданных от имени передовиков и посвященных им, имеет большое значение в углублении представлений о задачах, потенциале и перспективах соцсоревнования, о производственных проблемах, процессах освоения мощностей и повышения производительности труда, влияния на индустриальное, социальное и культурное развитие общества. В связи с этим важным представляется мнение американского историка С. Кот-

кина о роли умения «говорить по-большевистски» в формировании новой социальной идентичности, сутью которой была позитивная интеграция советского рабочего класса. Владение языком и техникой речи позволяло рабочим выражать в рамках дозволенных политическим режимом границ успех, удовлетворение [23, с. 295–296].

Обращение к архивным (Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)),

газетным (издания «Правда Севера», «Тихоокеанская звезда», «Красный Север», «Звезда») и журнальным (издания «Лесная индустрия», «Лесная промышленность») материалам позволит выявить различия в содержании совещаний, понять позиции хозяйственников, специалистов профсоюзов, торгово-снабжающих организаций и рядовых ра-

бочих касательно стахановского движения. В одном случае это были живые выступления участников, в другом случае – прошедшие сокращения и редактуру тексты. Важно также оценить результативность мероприятий в деле распространения новых методов труда, мобилизации рабочих на выполнение плановых заданий.

Результаты и их обсуждение

В конце 1935 – начале 1936 г. прошли разного уровня конференции, слеты, совещания, где большое внимание уделялось проблемам и перспективам стахановского движения. В отдельных административных единицах (в первую очередь в Северном крае, где лесная промышленность являлась профилирующей отраслью и зародилось стахановское движение в отрасли) мероприятия отличались помпезностью. Они включали обширную социально-культурную программу, призванную продемонстрировать заботу советской власти о передовиках. На выставках происходило ознакомление с новыми инструментами и механизмами заготовки и вывозки древесины¹. В других случаях на конференциях, слетах, совещаниях осуществлялась активная рефлексия участниками проблем отрасли в целях постановки задач, адекватных условиям организации труда и выполнения планов.

Тональность мероприятиям задавали также постановления партийно-государственных органов. После реформы лесного хозяйства и лесной промышленности на рубеже 1920–30-х гг. внимание Центра к отрасли существенно усилилось. Отражением оперативного управления стало ежегодное издание нормативных правовых актов, в которых определялись приоритеты, конкретизировались и дополнялись задачи пятилетних планов. Так, 1935 г., после издания 19 января постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе Наркомлеса в области лесозаготовок и лесосплава и о мерах к ее улучшению», прошел под знаком активизации механизации сферы заготовки древесины. Задачи по освоению новой техники и инструментов, улучшению организации и повышению производительности труда, закреплению колхозников в качестве постоянных кадров, выполнению сезонных программ органично вписались в содержание совещаний стахановцев.

Присутствие на мероприятиях региональных руководителей, представителей Народного комиссариата лесной промышленности СССР (далее – Наркомлес СССР), главных управлений, трестов являлось отражением системы взаимоотношений партийно-государственных и хозяйственных органов, в кото-

рой Центр налагал ответственность на региональные структуры за достижение целевых значений лесопромышленной деятельности. Решения, резолюции рисовали идеальную картину лесопромышленной деятельности в конце сезона.

В Свердловской области совещание работников лесной промышленности проходило 10 декабря 1935 г. и в отличие от череды торжеств с прославлением стахановцев сопровождалось мощной волной критики в адрес хозяйственников. Руководители Наркомлеса СССР и региона, проверив работу ряда лесных промышленных хозяйств (далее – леспромхоз) и производств, не скупились на резкие высказывания. Тем самым региональное совещание не укладывалось в цепь событий второй половины 1935 г.: установление, признание и начало пропаганды рекорда А. Г. Стаханова, рабочих других отраслей; проведение Всесоюзного совещания рабочих- и работниц-стахановцев; награждения стахановцев; декабрьский пленум ЦК ВКП(б), где потенциал стахановского движения был конкретизирован применительно к отдельным отраслям².

Из-за переменчивой осенней погоды, неудовлетворительной подготовки треста «Свердлес» и его предприятий лесозаготовительный сезон стартовал поздно, в конце ноября – начале декабря 1935 г. Заместитель председателя Свердловского областного исполнительного комитета Н. Д. Иконников обозначил весьма привлекательную для областного руководства цель – довести процент использования техники до 100 % за 2–5 дней. Для подтверждения выявленных проблем на совещание были привезены рядовые рабочие. Некоторых, как, например, моториста Пермского леспромхоза Заводеева, «выдернули» прямо со смены. Однако они лишь вторили представителю областной власти о ситуации в области заготовки и вывозки леса, отмечая такие проблемы, как простои и поломки транспорта, оплата труда без учета норм выработки³. Получалось, что в первые месяцы стахановское движение организовано не было. Об этом свидетельствовали следующие факты: сводки о работе передавались в областной центр редко; у рабочих не было расчетных книжек,

¹Архангельск встречает мастеров леса // Правда Севера. 1935. 20 окт. С. 3 ; Дневник слета // Там же. 1935. 24 окт. С. 1.

²В частности, народный комиссар лесной промышленности СССР С. С. Лобов сделал обширный доклад о достижениях, проблемах и перспективах отрасли (Вопросы лесной промышленности в связи со стахановским движением. Доклад товарища С. Лобова на заседании пленума ЦК ВКП(б) 22 декабря 1935 г. // Тихоокеан. звезда. 1936. 4 янв. С. 2–3).

³ТАСО. Ф. Р-2030. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–10.

оставались неизвестными и непонятными расценки, заработки; культурная работа характеризовалась низким уровнем; тракторы простаивали⁴.

Рефлексия первых результатов стахановского движения была присуща и руководителям главных управлений, трестов, отвечавших за функционирование компонентов лесной промышленности в пределах макрорегионов или административно-территориальных единиц. В январе 1936 г. Г. Г. Гербек, начальник Главного управления лесной промышленности районов Дальнего Востока, наиболее удаленного от Центра главного управления, выступил на V пленуме Дальневосточного краевого комитета ВКП(б). Он отмечал крайне малое число стахановцев в леспромпхозах (1917 человек, или 7,5 % от общего числа рабочих) и на лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях (143 человека, или 6 % от общего числа рабочих). Из 1179 стахановцев лесозаготовок, по которым имелась статистика, 203 человека выполняли норму на 100–150 %, 200 человек – на 150–200 %, 494 человека – на 200–300 %, 282 человека – на более чем 300 %. Внешне эти результаты не самые плохие (тем более что перевыполнение норм носило не разовый характер), однако речь шла только об около 5 % рабочих лесозаготовок, которые добивались повышения производительности труда посредством увеличения нагрузок и улучшения организации труда. В среднем же рабочие выполняли норму только на 70–80 %.

Также Г. Г. Гербек считал, что переломить ситуацию должно распространение сдельно-прогрессивной формы оплаты труда (до января 1936 г. она действовала только в Оборском леспромпхозе, где и отмечались наилучшие среди предприятий главного управления результаты стахановского движения). В то же время он признавал, что главное управление за последние месяцы уделяло мало внимания стахановскому движению, занимаясь вопросами снабжения рабочих и ликвидации задолженности по заработной плате. Решение этих вопросов, кстати, тоже способствовало повышению производительности труда. Другими проблемами были обеспечение оперативности управления лесоучастками (отсутствие телефонной связи), замеры норм выработки⁵.

Первым мероприятием и публикациям по вопросам стахановского движения в лесной промышленности был присущ мобилизационный характер (агитация рабочих на освоение новых методов труда, а руководителей и инженерно-технических работников на поддержку стахановцев). Можно выделить

два подэтапа развития движения: 1) подэтап рубежа 1935–1936 гг., когда требовалось обосновать преимущества новой формы соцсоревнования; 2) подэтап второго квартала 1936 г., наступивший после невыполнения лесной промышленностью плана первого квартала⁶ [24]. Высказывания Г. Г. Гербека были отчасти справедливыми, но слабо соотносились с количественными и качественными показателями механизации, с возможностью перехода к круглогодичной работе и с увеличением доли постоянных кадров. Выход виделся в том, чтобы увеличить нормы выработки, расширить стахановское движение.

На совещании стахановцев и руководителей предприятий лесозаготовительной отрасли при Челябинском областном исполнительном комитете и областном комитете партии в декабре 1938 г. (основными заготовителями в регионе были тресты «Уралтранлес» и «Челяблестяж») выступления участников «подпытывались» принятым месяцем ранее постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР». Высказывание директора Талицкого леспромпхоза треста «Челяблестяж» Когана точно отражало взаимосвязь между проблемами механизации вывозки древесины и соцсоревнованием: «Если не будет горячего, то будь самый лучший стахановец, мы ничего не выполним»⁷. Более того, партийных руководителей Талицкого района вызвали на конференцию в Свердловск, а хозяйственников и стахановцев – в Челябинск. Талицкий район в 1938 г. вошел в состав Свердловской области, а руководство трестов «Челяблестяж» и «Уралтранлес» находилось в Челябинске. Спрос со стороны огромного количества инстанций при их минимальной помощи негативно отражался на результатах работы предприятий.

В Ашинском леспромпхозе, который в 1938 г. выполнил производственную программу на 11 месяцев только наполовину, а программу на октябрь – ноябрь этого же года выполнил еще хуже, из-за чего ряд крупных предприятий недополучали древесину, из 1300 постоянных рабочих оказалось 360 стахановцев и 480 ударников⁸. Некоторые начальники и не отрицали «позорной работы». Не хватало то запчастей для оборудования, то инженеров-механизаторов, которые могли бы способствовать оптимизации использования техники. В ряде случаев у администрации не было телефонной связи с лесопунктами⁹. Любой сбой в производственном процессе (отсутствие древесины у трасс, запчастей, горючесмазочных материалов, дефицит рабочей силы)

⁴ГАСО. Ф. Р-2030. Оп. 1. Д. 14. Л. 24–26.

⁵Лесная промышленность ДВК и стахановское движение. Доклад начальника Главдальлеспрома тов. Гербека // Тихоокеан. звезда. 1936. 24 янв. С. 1.

⁶О стахановском движении в Северном крае // Правда. 1936. 12 апр. С. 3.

⁷ОГАСО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 43. Л. 31–32.

⁸Там же. Л. 33–34.

⁹Там же. Л. 39–40.

исключал возможность достижения целевых показателей. Особенно негативно на работе леспромхозов, лесотранспортных хозяйств, механизированных лесозаготовительных пунктов отражалась смена района для вербовки колхозников. По этой причине директора были вынуждены сосредоточивать свои усилия на налаживании отношений с председателями колхозов и районных организаций.

Лесорубы-стахановцы были неприятно удивлены тем, что трест «Челяблестяж» не выполнил плановые задания в 1937 и 1938 гг. Их возмущало бездействие руководителей предприятий по решению такого вопроса, как получение горючего, лошадей, сезонной рабочей силы, не устраивало качество питания, жилья, инструментов, культурного обслуживания. Вербовщики порой нанимали подростков или стариков, которые не только не могли осуществлять заготовку и трелевку древесины, но и не знали особенностей организации производственного процесса. Болезненно рабочие, особенно молодежь, реагировали на отсутствие радио, кинофильмов, обуви и бытовых принадлежностей¹⁰. Некоторые стахановцы, отправляясь на совещание, надеялись узнать больше о новых методах работы, но в итоге вникали в суть проблем и причин невыполнения плановых заданий. Этим обстоятельством и обусловлены их попытки в предоставленное для выступления время сказать как можно больше об организации труда на лесосеках.

Рабочие, бравшие на себя большие обязательства, например обязательство по заготовке за сезон 1,5 тыс. м³ древесины (для выполнения этой задачи необходимо ежедневно рубить по 10 м³ древесины и выходить на работу в лес 24 дня в месяц, что является колоссальной нагрузкой на человеческий организм), не успевали заниматься приготовлением пищи, посещать магазины и почту. Логика стахановцев здесь справедлива: если хозяйственники хотят, чтобы они перевыполняли норму, то пусть предоставят качественное продовольственное, культурное обслуживание, инструменты и жилье. Если случались задержки выплаты заработной платы, стахановцы отказывались выходить на работу.

Руководство треста «Челяблестяж» не осуществляло рефлексию всего, о чем говорилось на мероприятии, равно как и анализа проблем, формулирования способов их решения¹¹. Из выступлений директоров леспромхозов видно, что они предпочитали надеяться на поддержку руководства трестов, критиковали снабжающие и торгующие организации, районные партийные организации, не прилагая серьезных усилий для улучшения жилищных и культурно-бытовых условий рабочих. Причина такой

позиции заключается в преобладании на лесозаготовках сезонного труда, несмотря на постепенный рост числа кадровых рабочих. Выступления стахановцев свидетельствуют о тесной связи между качеством жилищных и культурно-бытовых условий, снабжения, оборудования и инструментов, работы инженерно-технических специалистов, представителей профсоюзов и выполнением предприятиями и трестами плановых заданий.

В Вологодской области совещание стахановцев лесозаготовок состоялось накануне зимнего сезона 1939/40 года, в октябре 1939 г. Мероприятие «подпитывалось» мощным политическим фоном (в связи с присоединением к Советскому Союзу западных районов Беларуси и Украины), решениями XVIII съезда ВКП(б) (10–21 марта 1939 г.) и сугубо отраслевыми факторами – увеличением масштабов заготовки и вывозки древесины в летний сезон, принятием новых мер по стимулированию труда колхозников. Приведенные секретарем Вологодского областного комитета ВКП(б) П. Т. Комаровым примеры демонстрируют в первую очередь то, как росли доходы рабочих благодаря перевыполнению плановых заданий. Акцент делался на способах повышения уровня жизни через трудовые успехи и общественное признание.

Если в середине 1930-х гг. партийно-государственные деятели, восхваляя успехи стахановцев, оперировали значениями заработка в пределах 500–1000 руб. (куда больший пропагандистский эффект имели ремонт и выделение квартир, мебели, техники, транспортных средств), то в конце десятилетия речь шла порой уже о многотысячных заработных платах. Так, в августе 1939 г. И. К. Лебедев, лесоруб Волонгского механизированного лесозаготовительного пункта треста «Вологдолес», заработал 2255 руб. за 80 норм. Д. А. Воробьев, лесоруб Монзенского леспромхоза, за зимний сезон 1938/39 года заготовил 2016 м³ древесины (400 норм) и получил 9836 руб., а за летний сезон 1939 г. заготовил 1228 м³ древесины (300 норм) и заработал 10 770 руб.¹² Высокие результаты достигались благодаря бригадному методу и проживанию в лесу. Иными словами, бригадир необходимо было иметь группу единомышленников. Нужно отметить, что во второй половине 1930-х гг. среднемесячная заработная плата рабочих Наркомлеса СССР, занятых на заготовке, вывозке и сплаве древесины, увеличилась с 90 до 340 руб., но отставала от заработка на предприятиях крупной промышленности примерно на 15 %. Реальная заработная плата рабочих лесной промышленности возросла незначительно из-за займовых изъятий, отчислений на социально-культурные нужды, роста

¹⁰ОГАЧО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 43. Л. 41–43, 56, 60, 67.

¹¹Там же. Л. 122–125.

¹²За новый подъем социалистического соревнования и стахановского движения на лесозаготовках. Доклад секретаря обкома ВКП(б) товарища П. Т. Комарова на совещании стахановцев лесной промышленности // Крас. Север. 1939. 10 окт. С. 2.

цен на продовольственные и промышленные товары [25, с. 215, 217, 352].

Для достижения высокой производительности на рубке в первую очередь требовалось наличие у рабочего знаний и навыков. Порой уходили годы на то, чтобы освоить инструменты, методы работы в деланке. Классические стахановские методы труда (освобождение основного работника от выполнения второстепенных функций) активно воспроизводились лесорубами в течение многих лет, поскольку в отрасли преобладал ручной труд. Несмотря на призыв трудиться звеньями, бригадами, многие лесорубы для получения высоких заработков привлекали подсобников (как правило, жен, детей-подростков или близких родственников, с которыми было легче «сработаться»). В их выступлениях чаще фигурировали фразы «Я заготовил...», «Я выполнил...», а не упоминания о коллективах.

Лесоруб Великолукского лесопункта К. П. Сарайков, награжденный в 1939 г. значком «Почетному работнику лесной промышленности» и получивший путевку на курорт, а также новую квартиру с кухней, прихожей, залом и спальней, считал практичным для одиночки (на самом деле у него были подсобники – жена и дочь) одновременную валку и раскряжевку древостоев. Такой подход повышал ответственность за конечный результат, хотя работу звеном знакомые лесорубы К. П. Сарайкова не поддерживали¹³. В одиночку (даже отказываясь от подсобников) трудились и девушки. Стахановка Шорохова заготовила за зимний сезон 1938/39 года 900 м³ древесины (колоссальная нагрузка для женского организма), заработав 3390 руб. О последствиях такого напряженного труда тогда вряд ли задумывались. Напротив, П. Т. Комаров призвал активнее организовывать дошкольные учреждения в лесных поселках, чтобы задействовать на лесозаготовках жен постоянных рабочих и колхозников, а также обучать их управлению транспортными средствами¹⁴.

Из-за малого количества откликов шоферов автомашин, тракторов, машинистов поездов труд лесорубов несколько обесценивался, поскольку о дальнейшем пути древесины (трелевка, вывозка) говорили мало. В силу недостаточного использования тех-

ники, дорожного строительства, дефицита специальных транспорт оставался наиболее проблемным местом сферы заготовки древесины¹⁵. Приведенные П. Т. Комаровым примеры подтверждают, что и в конце 1930-х гг. стахановское движение в сфере заготовки древесины еще не стало массовым. Как иначе можно объяснить тот факт, что ряд стахановцев ежедневно заготавливали по 20,0–25,0 м³ древесины и более, но средняя производительность труда рабочих оставалась невысокой – 3,5–4,0 м³ древесины. Выполнить производственную программу не удавалось.

Роль стахановского движения в развитии лесной промышленности невозможно оценить без анализа статистических данных. На фоне роста показателя вывозки древесины (за 1935–1940 гг. он вырос с 210,1 до 246,1 млн м³ древесины¹⁶) комплексная выработка на одного рабочего, по данным Наркомлеса СССР, увеличилась только с 143 м³ в 1932 г. до 165 м³ в 1937 г. и до 193 м³ в 1940 г. [26, с. 8, 13]. Здесь очевиден вклад рабочих, систематически перевыполнявших нормы, в том числе благодаря повышению квалификации, внедрению новых инструментов.

В начале 1940 г., в разгар лесозаготовительного сезона, удельный вес стахановцев в трех профсоюзах леса и сплава (профсоюзах центральных и южных, северных, восточных районов) достиг 17–18 % (около 96 тыс. человек, а вместе с ударниками около 170 тыс. человек из 526 тыс. учтенных рабочих¹⁷). На первый взгляд это существенная цифра, но после ужесточения трудового законодательства 17 января 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о введении платной трудовой и гужевой повинности на лесозаготовках Наркомлеса СССР в первом квартале 1941 г. Крупные задания по заготовке, вывозке и трелевке древесины были установлены колхозникам и единоличникам в большинстве регионов РСФСР и советских республик¹⁸. После 5 лет пропаганды стахановского движения, обучения и повышения квалификации работников партийно-государственные органы вновь прибегли к мобилизационным мероприятиям, тогда как пресса продолжала сообщать о трудовых достижениях передовиков.

Заключение

Стахановское движение в области заготовки, вывозки и сплава древесины имело крупный потенциал благодаря распространению бригадного метода ра-

боты и лесотехнических знаний, внедрению новых инструментов, стимулированию труда. Однако через несколько лет этот потенциал нивелировался

¹³Бессонов И. В деланке // Крас. Север. 1939. 10 окт. С. 3.

¹⁴За новый подъем социалистического соревнования и стахановского движения... С. 3.

¹⁵Осовский. Не допускать простоев мотовозов // Крас. Север. 1939. 10 окт. С. 3.

¹⁶Промышленность СССР : стат. сб. М. : Гос. стат. изд-во, 1957. С. 249.

¹⁷Индустриализация СССР, 1938–1941 гг. : док. и материалы / сост. : З. К. Звездин [и др.] ; отв. ред. А. В. Митрофанова. М. : Наука, 1972. С. 369–370.

¹⁸О введении платной трудовой и гужевой повинности на лесозаготовках Наркомлеса СССР в I квартале 1941 г. // Звезда. 1941. 22 янв. С. 1.

существенным повышением норм и плановых заданий, административным нажимом партийно-государственных и хозяйственных органов разных уровней ради достижения отдельных рекордов и показателей охвата работников соцсоревнованием.

Совещания стахановцев должны были служить пропаганде соцсоревнования, достижений страны, отдельных территорий, предприятий и работников, а также решению производственных проблем, активизации межведомственного взаимодействия. На практике представители хозяйственных органов чаще пытались добиться от начальников трестов, директоров предприятий принятия мер по выполнению плановых заданий. В стенограммах мероприятий содержались критические и едкие высказывания, тогда как в газетах сообщалось об успехах в лесопромышленной деятельности. Важно отметить, что региональные совещания объединяли представителей лесных трестов разных хозяйственных ведомств (народных комиссариатов лесной и тяжелой промышленности, путей сообщения и др.), увязать интересы которых с задачами стахановского движения в отрасли было сложно. Более результативно это получалось осуществлять там, где лесная промышленность являлась основной отраслью экономики (Северный край, Карельская АССР).

Региональные различия в стахановском движении обуславливались приоритетностью для Центра отдельных административно-территориальных единиц с крупными запасами лесных ресурсов, удовлетворявших потребности горнодобывающей, металлургической, машиностроительной промышленности, экспорта; уровнем механизации производственных процессов и снабжения новыми инструментами; наличием отраслевых образовательных и научно-исследовательских учреждений; качеством технического обучения рабочих; характеристиками лесных насаждений. В связи с этим в более выгодном положении находились Европейский Север, Волго-Вятский район, Урал.

Партийно-государственные деятели и хозяйственники пытались противопоставить коллективное «мы» (работа по-стахановски сменами, цехами) индиви-

дуализму стахановцев, сумевших понять за короткий срок выгоды новой формы соцсоревнования. Выступления рабочих были направлены в первую очередь на решение личных и производственных проблем, стахановцы не критиковали открыто политический режим, ограничиваясь организациями районного и регионального уровней. Основные требования стахановцев касались предоставления качественных инструментов, жилых помещений, бытового и культурного обслуживания, снабжения продовольствием, одеждой и обувью. В выступлениях участников звеньев и бригад делался упор на значимость коллективного труда, в рамках которого каждый участник может получать достойный заработок, для выполнения плановых заданий и обеспечения потребителей сырьем (это особенно проявлялось на Европейском Севере, где заготавливались большие объемы экспортной древесины). Лесорубы-одиночки стремились достигнуть высокой производительности труда за счет увеличения продолжительности рабочего дня, сокращения перерывов, улучшения техники заготовки древесины, не неся при этом ответственности за коллектив (звено или бригаду). Их явно прельщали возможности получать заработную плату в размере 1,5–2,0 тыс. руб. в месяц, премии, разные социальные блага и при этом быть в числе передовиков, давать советы, обучать других людей, критиковать хозяйственников.

Торжественная, мобилизационная ориентация мероприятий 1935–1936 гг. была вытеснена в конце 1930-х гг. сугубо производственной повесткой слетов, совещаний и конференций, проблемно-мотивационные послы которых усиливались в периоды проведения партийных съездов и конференций или издания постановлений о работе лесной промышленности. Текущие проблемы обсуждались, но их причины и перспективы преодоления глубоко не анализировались. Содержание стенограмм и опубликованных речей свидетельствует о том, что результативность диалога между рабочими, хозяйственниками, партийно-государственными деятелями была слабой.

Библиографические ссылки

1. Кузьминов ИИ. *Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования*. Москва: Соцэкгиз; 1940. 220 с.
2. Grenier F. *Le mouvement Stakhanoviste suivi de Doussia Vinogradova*. Paris: Bureau d'Éditions; 1936. 62 p.
3. Ворожейкин ИЕ. *Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР*. Москва: Политиздат; 1984. 336 с.
4. Ермалович ЛП, Мартынов МИ. Воспитательная роль трудовых традиций и социалистическое соревнование. *Вестнік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Навуковы камунізм. Эканоміка. Права*. 1988;3:55–58. EDN: MEJFVQ.
5. Рогачевская ЛС. *Социалистическое соревнование в СССР: исторические очерки 1917–1970 гг.* Москва: Наука; 1977. 352 с.
6. Ерманский ОА. *Стахановское движение и стахановские методы*. Москва: Соцэкгиз; 1940. 372 с.
7. Цветкова СГ. *Стахановское движение рабочих промышленности Среднего Поволжья, 1935 – июнь 1941 гг. (на материалах партийных организаций)* [диссертация]. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет; 1990. 191 с.

8. Майер Р. О чудесах и чудовищах. Стахановское движение и сталинизм. *Отечественная история*. 1993;3:56–66.
9. Maier R. *Die Stachanov-Bewegung 1935–1938: der Stachanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sowjetischen Gesellschaft*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1990. 441 p.
10. Рябикин СП. Экономическое и политическое содержание стахановского движения в 1935–1938 гг. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 1997;2:196–207. EDN: SFTWFZ.
11. Siegelbaum LH. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge: Cambridge University Press; 1988. 325 p.
12. Володин СФ. Стахановское движение и политика повышения эффективности труда во второй половине 1930-х годов (на примере тульских оружейников). *Историко-экономические исследования*. 2021;22(3):463–490. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(3).463-490.
13. Игнатова НМ. Феномен ударного и стахановского труда спецпереселенцев. *Вопросы истории*. 2017;3:129–138. EDN: YIRYDN.
14. Введенский ВВ. «Знатные люди»: благосостояние передовых работников промышленных предприятий Западной Сибири в середине 1930-х гг. *Гуманитарные науки в Сибири*. 2014;2:86–90. EDN: SXFQED.
15. Наволоцкая ДИ. Восприятие образа стахановки: фанатские письма Дусе Виноградовой (1935–1936 годы). *Вестник Пермского университета. История*. 2021;2:160–172. DOI: 10.17072/2219-3111-2021-2-160-172.
16. Чемоданов ПА. *Стахановское движение в экономической и социокультурной жизни советской провинции в 1935–1941 годах (на материалах Кировской области)*. Киров: Герценка; 2019. 224 с.
17. Гужаловский АА. Формирование культа Сталина в БССР в 1934–1939 гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2019;3:57–67. DOI: 10.33581/2520-6338-2019-3-57-67.
18. Лейбович ОЛ. «Мы беззаветные герои все...»: героический дискурс и культ знаменитостей в 1930-е годы. *Вестник Пермского университета. История*. 2022;3:173–180. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-3-173-180.
19. Фельдман МА. Первое Всесоюзное совещание рабочих- и работниц-стахановцев и дискуссии об индустриализации в середине 1930-х гг. *Российская история*. 2023;4:187–199. DOI: 10.31857/S2949124X23040144.
20. Андрияйнен АИ. Рост трудовой инициативы и активности рабочих Карелии в начале третьей пятилетки. В: Ба- лагуров АЯ, редактор. *Вопросы истории Карелии. Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Выпуск 22*. Петрозаводск: Государственное издательство Карельской АССР; 1959. с. 3–17.
21. Воейков ЕВ. Стахановцы лесозаготовок Пензенского края в 1930-е гг. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки*. 2019;2:55–63. EDN: DKMNFO.
22. Зыкин ИВ. Стахановское движение в лесопромышленном комплексе Советского Союза: осмысление феномена. *Новейшая история России*. 2021;11(4):965–977. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.408.
23. Коткин С. Говорить по-большевистски (из кн. «Магнитная гора: сталинизм как цивилизация»). В: Дэвид-Фокс М, составитель. *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Советский период*. Самара: Самарский университет; 2001. с. 250–328.
24. За круглогодичную стахановскую работу в лесу. *Лесная индустрия*. 1936;5:3–5.
25. Зыкин ИВ. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. Москва: Новый хронограф; 2022. 432 с.
26. Лесная промышленность за 30 лет. *Лесная промышленность*. 1947;10:8–13.

Получена 29.12.2025 / исправлена 26.03.2026 / принята 08.04.2026.
Received 29.12.2025 / revised 26.03.2026 / accepted 08.04.2026.

УДК 271.22(470 + 571)-9 + 271.21(560)-9

ВИЗИТ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ I В ФАНАР В 1960 г.: ПОЗИЦИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА

Н. О. ПАШКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Реконструировано восприятие первого в истории визита Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) в Фанар (23–26 декабря 1960 г.) Константинопольским патриархатом и турецкой общественностью. На основе сопоставления русско-, англо- и турецкоязычных публикаций, а также архивных материалов показано, какие ожидания и опасения были у Константинопольского патриархата в отношении Московского патриархата в конце 1950-х – начале 1960-х гг., какие темы поднимались на встрече Алексия I с Афинагором I (русская диаспора в США, канонические юрисдикции, диалог с инославными, монашество на г. Афон) и как в турецком медиадискурсе, формируемом в тени кипрского кризиса и внутривосточных перемен 1960 г., трактовался этот церковный контакт. Выявлена разница в интерпретациях данной встречи сторонами: для СССР визит стал успехом церковной дипломатии, для Константинопольского патриархата – осторожной попыткой вывести межправославный диалог из режима взаимных подозрений, не поступаясь своей координационной ролью.

Ключевые слова: Алексий I; Афинагор I; Константинопольский патриархат; Фанар; турецкая пресса; кипрский кризис; Афон; диаспора; церковная дипломатия.

ВІЗИТ ПАТРІАРХА МАСКОЎСКАГА І ЎСЯЕ РУСІ АЛЯКСІЯ I У ФАНАР У 1960 г.: ПАЗІЦЫЯ КАНСТАНЦІОПАЛЬСКАГА ПАТРІАРХАТУ

Н. А. ПАШКОЎ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Рэканструювана ўспрымання першага ў гісторыі візіту Патрыярха Маскоўскага і ўсяе Русі Аляксія I (Сіманскага) у Фанар (23–26 снежня 1960 г.) Канстанцінопальскім патрыярхатам і турэцкай грамадскасцю. На аснове супастаўлення руска-, англа- і турэцкамоўных публікацый, а таксама архіўных матэрыялаў паказана, якія чаканні і асцярогі меў Канстанцінопальскі патрыярхат у дачыненні да Маскоўскага патрыярхату ў канцы 1950-х – пачатку 1960-х гг., якія тэмы паднімаліся на сустрэчы Аляксія I з Афінагорам I (руская дыяспара ў ЗША, кананічныя юрысдыкцыі, дыялог з інашаслаўнымі, манаства на г. Афон) і як у турэцкім медыядыскурсе, які фарміраваўся ў цені кіпрскага крызісу і ўнутрыпалітычных змен 1960 г., тлумачыўся гэты царкоўны кантакт. Выяўлена розніца ў інтэрпрэтацыях гэтай сустрэчы бакамі: для СССР візіт стаў поспехам царкоўнай дыпламатыі, для Канстанцінопальскага патрыярхату – асцярожнай спробай вывесці міжправаслаўны дыялог з рэжыму ўзаемных падазрэнняў, не аддаючы сваёй каардынацыйнай ролі.

Ключавыя словы: Аляксій I; Афінагор I; Канстанцінопальскі патрыярхат; Фанар; турэцкая прэса; кіпрскі крызіс; Афон; дыяспара; царкоўная дыпламатыя.

Образец цитирования:

Пашков НО. Визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Фанар в 1960 г.: позиция Константинопольского патриархата. Журнал Белорусского государственного университета. История. 2026;2:42–50.
EDN: JTNZNT

For citation:

Pashkov NO. The visit of Patriarch Alexei I of Moscow and All Rus' to the Phanar in 1960: the position of the Patriarchate of Constantinople. Journal of the Belarusian State University. History. 2026;2:42–50. Russian.
EDN: JTNZNT

Автор:

Никодим Олегович Пашков – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений.

Author:

Nikodim O. Pashkov, PhD (history), docent; associate professor at the department of international relations, faculty of international relations.
nikodimkrysko@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4311-7917>

THE VISIT OF PATRIARCH ALEXEI I OF MOSCOW AND ALL RUS' TO THE PHANAR IN 1960: THE POSITION OF THE PATRIARCHATE OF CONSTANTINOPLE

N. O. PASHKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article reconstructs how the Ecumenical Patriarchate of Constantinople and the Turkish public perceived the first-ever visit of Patriarch Alexy I (Simansky) of Moscow and All Rus' to the Phanar (23–26 December 1960). Based on a comparison of Russian-, English-, and Turkish-language publications, as well as archival materials, it shows the expectations and concerns of the Patriarchate of Constantinople regarding the Moscow Patriarchate in the late 1950s and early 1960s, the topics raised during meeting of Alexy I with Athenagoras I (the Russian diaspora in the United States, canonical jurisdictions, dialogue with non-Orthodox, monasticism on Mount Athos), and how this ecclesiastical contact was interpreted in the Turkish media discourse, formed in the shadow of the Cyprus crisis and the domestic political changes of 1960. A difference in the parties' interpretations of this meeting was revealed: for the USSR, the visit was a success of church diplomacy, while for the Patriarchate of Constantinople, it was a cautious attempt to remove inter-Orthodox dialogue from a state of mutual suspicion, without compromising its coordinating role.

Keywords: Alexy I; Athenagoras I; Patriarchate of Constantinople; Phanar; Turkish press; Cyprus crisis; Athos; diaspora; church diplomacy.

Введение

В декабре 1960 г. состоялся первый в истории визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) в Фанар¹. Там он встретился с Вселенским Константинопольским Патриархом Афинагором I (Спиру) [1]. Этот визит вполне можно рассматривать как добрую традицию в православном мире, возникшую после Второй мировой войны, согласно которой новоизбранный православный патриарх поочередно совершает визиты во все поместные православные церкви. Тем не менее рождественская поездка патриарха Алексия I в Фанар стала первым в истории визитом такого уровня. Встреча с Афинагором I, организованная вскоре после турецкого военного переворота 1960 г. на фоне обострившегося кипрского вопроса, имела церковный резонанс и приобрела политико-символический вес [1]. Спустя несколько десятилетий после этого визита можно утверждать, что в декабре 1960 г. в Фанаре встретились не только два предстоятеля, но и две институции: Константинопольский патриархат, последовательно утверждавший первенство в служении в роли координатора общецерковного процесса,

и Московский патриархат, стремившийся закрепить свою равноцентричную субъектность в межправославной и экуменической дипломатии. В связи с этим каждая протокольная деталь визита (от формы братских приветствий до предельно сдержанной публичной коммуникации) обретала смысл проверки на предмет процедурной лояльности и готовности к координации по «чувствительным» досье (монашество на г. Афон, русская diaspora в США, европейские приходы русской традиции) [2, с. 3–4]. Одновременно визит был частью курса на активизацию московской церковной дипломатии конца 1950-х – начала 1960-х гг.: выход Русской православной церкви (РПЦ) на Ближний Восток, участие в межправославных совещаниях на о. Родос, попытки «перезапуска» присутствия на г. Афон и установления контактов diasporой в США². Это событие привлекло внимание представителей РПЦ, СССР, Константинопольского патриархата и Турецкой Республики, поскольку оно происходило на фоне послевоенных разногласий и недавнего пика холодной войны.

Краткая историография вопроса

Неоднократно становилась предметом исследований проблематика отношений Московского и Константинопольского патриархатов в 1950–70-х гг., но обычно эти изыскания проводились с уклоном в советско-российскую тематику. В частности, рассмат-

ривались история религиозной дипломатии РПЦ при Н. С. Хрущёве, проблема участия во Всеправославных совещаниях на о. Родос, «американский кейс» (автокефалия православной церкви в США) и конфликты между diasporами [2, с. 2–4].

¹Исторический район Стамбула, греческий квартал. С 1601 г. до настоящего времени Фанар – место, где находится резиденция Вселенского Константинопольского Патриарха. С начала XX в. понятие «Фанар» в общепринятом употреблении ассоциируется с понятием «Константинопольский патриархат» (аналогично тому, как понятие «Святой престол» соотносится с понятием «Ватикан»).

²Председатель ОБЦС: политизация Всемирного совета церквей – угроза его будущему // Отдел внешних церковных связей Московского патриархата : сайт. URL: <https://mospat.ru/ru/news/93375/> (дата обращения: 11.12.2025).

В русскоязычных работах визит описывается относительно согласованно: 23–26 декабря 1960 г. Алексей I посетил Стамбул, 25 декабря состоялась его встреча с Афинагором I – первый такого рода контакт в новейшее время; обсуждались русская диаспора в США, монашество на г. Афон и вопросы межправославной координации [1; 3–7].

Турецкая историография рассматривает Константинопольский патриархат преимущественно через призму государственной политики и кипрского кризиса: в 1960-х гг. Константинопольский патриархат действовал под давлением общественных настроений и ожиданий власти, балансируя между интернациональным авторитетом и внутренней «чувствительностью» [8]. Эти исследования, в частности исследования членов Турецкого исторического общества, редко фокусируются на самом визите Алексея I, зато хорошо проясняют контекст, в котором Константинопольский патриархат осуществлял любое межцерковное сближение.

В турецкой научной литературе 1990–2020-х гг. конструируется более широкая рамка, в пределах которой Константинопольский патриархат выступает в качестве «мягкой силы» на стыке религии и внешней политики, а его отношения с Московским патриархатом описываются как борьба за влияние в православном мире [9, s. 125–132].

Ученые отмечают, что визит патриарха Алексея I в Константинополь с 23 по 26 декабря 1960 г. стал знакомством Патриарха Московского и всея Руси с резиденцией в Фанаре [1, с. 134]. Это событие открыло новую страницу в отношениях между русской и константинопольской православными церквями. Современные исследователи, в частности А. Роккуччи, связывают эту встречу с общей линией на сближение Московского и Вселенского престолов, несмотря на старые споры и сдерживающий фон холодной войны [1, с. 134]. В российских церковных публикациях визит характеризуется как очередной этап укрепления братских связей: в материалах Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата РПЦ (далее – ОВЦС) подчеркивается, что обмен делегациями и личные контакты, установленные в Константинополе, послужили укреплению связей между Московским и Константинопольским патриархатами [3; 4].

В работах, посвященных религиозной дипломатии РПЦ того периода, прослеживается линия официальной советской церковной политики [5]. Следует отметить, что особенно мало внимания уделялось оценкам визита Алексея I со стороны турецкого общества и самого Константинопольского патриархата.

Актуальные подходы к изучению истории международных отношений и дипломатии, в том числе че-

рез призму деятельности ключевых факторов и на основе анализа дипломатической переписки, находят отражение на страницах издания «Журнал Белорусского государственного университета. История» [10]. Автор настоящего исследования продолжает эту традицию, фокусируясь на церковно-дипломатическом взаимодействии в контексте холодной войны.

В данной статье впервые в отечественной историографии рассматривается официальная позиция Константинопольского патриархата в отношении визита главы РПЦ в Фанар. В турецких исторических исследованиях, в частности в монографии Х. Оксюза, подчеркивается, что 1960-е гг. прошли на фоне кипрского конфликта и волнений в турецком обществе, что существенно повлияло на отношение правительства и СМИ к Московскому и Константинопольскому патриархатам [9, s. 125–132]. Однако конкретные сведения из турецкой печати о визите Алексея I практически не публиковались ранее. В данной статье турецкие газеты «Миллиет», «Джумхуриет» и «Аksam» использованы в качестве одного из источников.

Для самого визита 1960 г. ключевыми в отечественной историографии остаются три момента: 1) символ первой встречи и попытки снять наследие взаимных обвинений времен войны; 2) проверка готовности РПЦ признать координационную роль Константинопольского патриархата в межправославном процессе; 3) влияние внешнеполитического фона (кипрский кризис, переворот 1960 г., западные контакты Афинагора I).

Целью настоящей статьи выступает исследование хода, результатов и значения первого в истории визита главы РПЦ в Константинополь, определение позиции Константинопольского патриархата в диалоге церквей и реакции турецкого общества на этот визит. В данной работе используются материалы 1960-х гг., ранее не вводившиеся в публичный оборот. К их числу необходимо отнести прежде всего никогда не публиковавшееся письмо Вселенского Константинопольского Патриарха Афинагора I к архиепископу Кипрскому Макариосу III, в котором дается подробный анализ хода визита. Оно было обнаружено автором статьи в архиве Кипрской архиепископии. Отметим важный факт: письмо не отправлено обычной почтой, а передано послом Греции в Республике Кипр. В преамбуле письма указывалась его цель: «...для обеспечения будущих визитов, а также контактов с Московским патриархатом»³ (здесь и далее перевод наш. – Н. П.). Содержание письма также позволяет предположить, что патриарх Афинагор I, выполняя роль негласного координатора православного мира, давал инструкции, каким образом нужно выстраивать отношения с Московским патриархатом в будущем.

³Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // Арх. Кипр. архиепископии (АКА). Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 1 (на греч.).

Результаты и их обсуждение

Встреча Вселенского Константинопольского Патриарха и предстоятеля РПЦ во многом была уникальна. Во-первых, она проходила на территории бывшего Второго Рима – Константинополя, места, где Русь была принята в христианскую семью. Во-вторых, за всю историю межцерковных отношений это была первая встреча двух равноправных патриархов, московского и константинопольского, если не брать во внимание визит Патриарха Царьградского Иеремии II в Московское царство в 1588 г. для учреждения патриаршества на русских землях. В-третьих, после получения РПЦ автокефалии встреча глав двух церквей заведомо не могла состояться. Прежде всего это обстоятельство было обусловлено геополитическими факторами, а также тем, что на протяжении более 300 лет управлением русским православием занимался Святейший правительствующий синод. После восстановления патриаршества в 1917 г. встреча теоретически могла бы состояться, но окончание Первой мировой войны создало на карте мира новые геополитические реалии. Вторая мировая война, богоборчество в СССР в межвоенный период, отсутствие патриарха в РПЦ в период с 1925 по 1943 г. сделали встречу патриархов невозможной.

Очевидно, что встреча в 1960 г. имела важное историческое значение. Спектр затронутых на ней вопросов был продиктован геополитическими изменениями, произошедшими в начале XX в. Ключевой момент заключается в том, что в период господства Порты Вселенский Константинопольский Патриарх приобрел почти неограниченную власть над всеми православными народами Османской империи; такая этноконфессиональная модель отношений называлась миллетом⁴. Многие исторические автокефальные церкви Востока и Балкан оказались заложниками государственно-религиозной политики османских султанов. В процессе распада Османской империи из-под юрисдикции Константинопольского патриархата начали выходить поместные православные церкви (эладская, болгарская, сербская, албанская, румынская церкви). Сходные проблемы были и у РПЦ после падения Российской империи, а именно предоставление автокефалии польской, чехословацкой, грузинской церквям. Точного общепринятого механизма предоставления автокефалий не было. Можно сказать, что и в настоящее время его не существует. Вопрос автокефалий автоматически поднимал проблему православной русской диаспоры на территориях, не входящих в юрисдикцию РПЦ, прежде всего на

территории Западной Европы и Американского континента. Кроме того, после распада Османской империи возник вопрос о положении монахов и статусе Святой горы⁵. Правящим архиереем Святой горы традиционно считается Вселенский Константинопольский Патриарх, а управление ею непосредственно осуществляют Священный синод и Священное собрание.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по Берлинскому договору гарантировалось полное равноправие всех национальностей на г. Афон, что представляло негреческим монашеским общинам юридическое основание для защиты своих прав. Попытки изменить статус Святой горы были предприняты после 1913 г., когда она стала частью Греции, но согласно ст. 13 Лозаннского мирного договора Греция обязана «признавать и сохранять традиционные права и свободы, которыми пользуются негреческие монашеские общины г. Афон»⁶. Однако положение резко изменилось после принятия в 1924 г. Уставной хартии Святой горы афонской. В соответствии с этим положением «отныне жизнь и внутреннее устройство афонских обителей регулировались Священным синодом, в который входили исключительно греки»⁷. Впоследствии славянские обители потеряли даже право неприкосновенности земельных владений, а со временем в связи с политической ситуацией прекратился приток монахов из славянских стран. Вселенские патриархи на протяжении всего XX в. видели только один выход из этой ситуации: на правах всеправославного координатора созвать Всеправославное совещание. Как показывает история, попытка собрать Всеправославное совещание предстоятелей поместных православных церквей увенчалась успехом (хотя и не в полной мере) лишь в 2016 г. Стоит отметить, что РПЦ в этом совещании не приняла участия, а она, как и в 1960 г., является самой крупной из всех православных церквей. Следовательно, диалог с Московским патриархатом для Константинопольского патриархата был весьма важен.

Визит московского патриарха начался 23 декабря 1960 г. На самолете правительства СССР из Иерусалима в 11:50 в аэропорт Ешилькёй (Стамбул) прибыла делегация Московского патриархата. В состав делегации, помимо патриарха, вошли 14 человек: видные иерархи РПЦ, преподаватели духовных академий, священнослужители, представители ОВЦС и Телеграфного агентства Советского Союза, личный врач патриарха. Вселенский Константинопольский Патриарх в письме к архиепископу Кипрскому

⁴Блохин В. С. История поместных православных церквей : учебник. М. : Изд-во Моск. патриархии, 2023. С. 201.

⁵Святая гора (г. Афон) – полуостров на северо-восточном побережье Греции; монашеская республика, представленная 20 мужскими монастырями. Один из главных духовных центров мирового православия.

⁶Блохин В. С. История поместных православных церквей... С. 527.

⁷Там же. С. 517.

давал ключевым преосвященным владыкам характеристику: «Преосвященнейший епископ Ярославский и Ростовский Никодим, глава ОВЦС, образован, хотя ему всего 31 год, динамичен, сообразителен. Он прекрасно разбирается в церковных делах, умеет оперативно налаживать контакты, быстро поднимается по иерархической лестнице РПЦ, знает греческий, арабский и немного французский языки, которые освоил за три года дипломатической службы на Ближнем Востоке, являясь представителем РПЦ в Иерусалиме»⁸. Из характеристики следует, что, по мнению Вселенского Константинопольского Патриарха, с епископом Никодимом нужно было вести все основные переговоры, он был одним из главных лиц после московского патриарха. Отметим также интересные противоречия в сведениях о составе делегации: в издании «Журнал Московской патриархии» указаны митрополит Питирим (Свиридов) и епископ Ярославский и Ростовский Никодим (Ротов) [6; 7]. В статье протоиерея С. Звонарёва указывается, что в состав делегации также вошли епископ Псковский Иоанн (Разумов) и епископ Дмитровский Пимен (Извеков) [4, с. 31]. В свою очередь, в письме Вселенского Константинопольского Патриарха к архиепископу Макариосу III отмечается присутствие митрополита Николая (Ярушевича), бывшего председателя ОВЦС, и также дается его характеристика: «...пожилой иерарх, образованнейший, здоровье которого ухудшается из-за старости и страданий»⁹. По прилете епископ Никодим ответил на вопросы журналистов. Он особенно отметил, что визит Московского патриархата в Константинополь является прежде всего паломничеством¹⁰. В ответ на вопрос о сотрудничестве и единстве церквей владыка Никодим указал, что «единство существует внутри православных церквей, но отсутствует с другими церквями», а также в негативном ключе прокомментировал возможность единства с католической церковью¹¹. Вскоре именно митрополит Никодим станет одной из ключевых фигур в сближении православной и католической церквей, а его мнение после первых контактов с представителями Ватикана кардинально изменится.

По прибытии в резиденцию в Фанаре патриарх Алексей I в сопровождении греческих священнослужителей посетил Патриарший собор в честь великомученика Георгия Победоносца. После посещения собора делегацию в патриаршем кабинете принял патриарх Афинагор I. По завершении официальных

речей состоялось неформальное общение между патриархами и членами делегации.

Во второй половине дня московский патриарх посетил мэрию Стамбула, где состоялась официальная встреча с мэром и его заместителем. Общение проходило на французском языке. Патриарх Алексей I интересовался историей города, а также богослужениями на религиозных объектах Стамбула. Затем для гостей была проведена экскурсия по зданию мэрии¹². Эта часть визита стала важной для понимания политики светских турецких властей в отношении православных верующих.

Вечером патриарха РПЦ, а также членов делегации разместили в отеле «Хилтон», где митрополит Неокесарийский Хризостом дал официальный ужин. Во главе с епископом Никодимом в нем приняли участие члены делегации. Отмечалось, что впервые митрополиту Хризостому удалось лично пообщаться с епископом Никодимом.

В первой половине дня 24 декабря 1960 г. члены делегации во главе с епископом Никодимом посетили Халкинскую богословскую школу [6; 7]. Как пояснялось в документах Константинопольского патриархата, «посещение духовной академии оставило у российской делегации весьма благоприятное впечатление, ее члены смогли установить контакты с представителями академии»¹³. Для представителей Константинопольского патриархата эта поездка была очень важна. Если в документах Московского патриархата указаны тонкости общения и речи во время посещения богословской школы, то в документах Константинопольского патриархата зафиксированы иные моменты. В ходе неформального общения с епископом Никодимом сопровождающие иерархи Константинопольского патриархата для себя определили мнение РПЦ по интересующим их вопросам межцерковных отношений, а также изложили свои взгляды на эти проблемы. Со стороны Константинопольского патриархата в разговоре приняли участие митрополит Хризостом, митрополит Селевкийский Емельян, митрополит Филадельфийский Иаков. Трем греческим архиереям нужно было узнать мнение РПЦ для ведения дальнейших переговоров по ключевым вопросам, которые были важны для выработки внешней стратегии действий патриарха Афинагора I, а также внедрить убеждение, что решение дискуссионных вопросов требует созыва Всеправославного совещания и сотрудничества с РПЦ. Как отмечалось, «нынешние и предыдущие переговоры, хотя не всегда были дружественными,

⁸Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 2 (на греч.).

⁹Там же.

¹⁰Там же. Л. 2–3.

¹¹Там же. Л. 3.

¹²Там же. Л. 6.

¹³Там же.

завершались удовлетворением российской стороны в позитивной атмосфере»¹⁴.

При выяснении позиций руководства РПЦ ключевыми вопросами выступали участие Московского патриархата, а также православных церквей стран социалистического блока (польской, болгарской, албанской, чехословацкой церквей) во Всеправославном совещании¹⁵. Как заверил епископ Никодим, РПЦ «приложит все усилия для участия»¹⁶. Далее в ходе беседы глава ОБЦС озвучил взгляд РПЦ на вопрос урегулирования канонических связей Константинопольского патриархата с польской, болгарской и албанской церквями. Представители Константинопольского патриархата обозначили свое отношение к данным проблемам. Говоря об автокефалии польской церкви, они отметили, «что второй автокефалии не существует», намекая на то, что дарованная Московским патриархатом в 1948 г. церковная независимость Польши не имеет никакого значения. В вопросе болгарской автокефалии Константинопольский патриархат настаивал на том, что «отделение от матери-Церкви является каноническим нарушением единства»¹⁷. Иерархи Константинопольского патриархата негодовали из-за того, что представители албанской церкви ни разу не обратились с мирным посланием к патриарху. Удивительное событие произошло при обсуждении автокефалии чехословацкой церкви. Дарованная в 1951 г. автокефалия не была признана Константинопольским патриархатом, но при этом на Всеправославном совещании Вселенский Константинопольский Патриарх был готов видеть в качестве главы чехословацкой церкви митрополита Иоанна, ее законного предстоятеля. Также епископ Никодим затронул вопрос положения православных в Финляндии, однако комментария со стороны иерархов Константинопольского патриархата по этой теме не последовало¹⁸.

Вечером после посещения о. Халки в отеле «Хилтон» состоялась встреча патриарха Алексия I и патриарха Афинагора I в присутствии русских и константинопольских иерархов. В ходе встречи главы церквей рассказали о деятельности и служении своих церквей в непростое время, при этом они не затрагивали спорные вопросы. Возможно, обе стороны нуждались в консультации. После приема московский патриарх посетил советское консульство в Стамбуле.

В праздник Рождества Христова, 25 декабря, два патриарха совершили праздничное богослужение. На Божественной литургии в Патриаршем соборе в честь великомученика Георгия Победоносца в Фанаре присутствовали представители дипломатических миссий СССР, Греции, Ливана, Румынии и Болгарии [6; 7]. В документах Константинопольского патриархата отмечалось несколько важных моментов. Во-первых, патриарх Алексий I отказался от предложения патриарха Афинагора I занять патриарший трон (особый трон Вселенского Константинопольского Патриарха, который, по преданию, принадлежал святому Иоанну Златоусту, одному из виднейших деятелей первых веков христианства). Как описывается в документе, «патриарх Алексий почтил константинопольского патриарха, уступив ему подобающее место»¹⁹. Во-вторых, во время великого входа²⁰ московский патриарх употребил словосочетание «Патриарха и Отца нашего», при этом «константинопольский патриарх приветствовал по-русски, а московский патриарх – по-гречески»²¹. Для Константинопольского патриархата данные факты указывали прежде всего на признание Московским патриархатом их первенства в православном мире. По окончании богослужения стороны обменялись поздравительными речами и памятными подарками, после чего состоялся банкет по случаю праздника Рождества Христова.

Вечером 25 декабря в зале переговоров отеля «Хилтон» состоялась встреча патриарха Алексия I и патриарха Афинагора I. В ней приняли участие также епископ Никодим, священник Алексей Остапов, Д. А. Остапов и переводчик В. С. Алексеев. Константинопольский патриархат представляли митрополит Хризостом, епископ о. Родос Иероним, епископ Емилиан, диакон Хризостом и профессор Эммануил Фотиадис. Сначала участники встречи констатировали историческое значение первого визита московского патриарха в Константинополь, при этом отметив теплый и дружественный прием греческой стороны, а затем приступили к обсуждению важных тем²².

Первый вопрос, который обсуждали предстоятели (подчеркнем, что это не обсуждали константинопольские иерархи и епископ Никодим), касался положения русской диаспоры, не находящейся в юрисдикции РПЦ, за рубежом. Патриарх Афинагор I

¹⁴Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 8–10 (на греч.).

¹⁵Там же. Л. 9.

¹⁶Там же.

¹⁷Там же.

¹⁸Там же. Л. 10.

¹⁹Там же. Л. 14.

²⁰Часть Божественной литургии (главного богослужения в христианстве), которая по-особому совершается при служении главы церкви (патриарха), когда происходит поминовение (поименное перечисление согласно статусам церквей) всех глав поместных православных церквей.

²¹Письмо Патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 15 (на греч.).

²²Там же.

заверил собрата в том, что он создаст комиссию из представителей обеих церквей в целях выработки стратегии для решения данного вопроса²³.

Второй вопрос затрагивал календарную реформу. Патриарх Алексий I предложил константинопольской стороне прокомментировать ситуацию, сложившуюся в странах Балтии, где православные церкви, которые юридически и политически подчиняются РПЦ и СССР, перешли на юлианский календарь. Вселенский Константинопольский Патриарх ответил, «что не располагает информацией по этому вопросу»²⁴.

Третий вопрос, который вызвал большую дискуссию, касался автокефалий польской, болгарской и албанской церквей. По этому вопросу было принято общее решение обсудить его на Всеправославном совещании глав поместных церквей. Говоря о Грузинской православной церкви, патриарх Афинагор I «выразил нежелание допустить ее выхода из структуры великой церкви»²⁵. Вероятнее всего, это нежелание было связано с попытками РПЦ навязать Фанару решение 1943 г. о признании автокефалии грузинской церкви.

Вопрос автокефалии Чехословацкой православной церкви вызвал оживленную дискуссию. Вселенский Константинопольский Патриарх попросил детально рассказать историю православия на территории Чехословакии. Он заверил присутствующих в том, что рассмотрит данную ситуацию, а также попросил представителей РПЦ прислать письмо с полной информацией о ней.

Кроме этого, стороны отметили важность скорейшего созыва Всеправославного совещания на о. Родос. Также Вселенский Константинопольский Патриарх просил епископа Никодима принять участие в подготовке совещания²⁶.

Отдельным блоком вопросов стало российское монашество на г. Афон. В 1960-х гг. представители Московского патриархата настойчиво поднимали вопрос укрепления русского присутствия на Святой горе. Константинопольский патриархат, не отрицая исторической связи, настаивал на соблюдении афонских процедур и на том, что вопрос присутствия на Святой горе входит в компетенцию Священного синода [6; 7]. Московский патриарх признал, что основную роль в принятии этого решения играет

Священный синод, Вселенский Константинопольский Патриарх и греческое правительство. Константинопольский патриарх заверил членов делегации в том, что для всех 20 монастырей он дал общее благословение приезжать по одному монаху в год для увеличения братии обителей. Также патриарх Афинагор I гарантировал, что уже в следующем году русским монахам можно будет беспрепятственно приезжать на Святую гору.

Если первые четыре вопроса поднимались исключительно русской стороной, то остальные два вопроса – Вселенским Константинопольским Патриархом. Следует заметить, что эти вопросы никогда не рассматривались в работах, посвященных данной теме. В первую очередь Вселенского Константинопольского Патриарха интересовал вопрос русской диаспоры в США, которая находилась в подчинении митрополита Леонтия (Туркевича)²⁷. Патриарх Афинагор I указывал, что данная ситуация является позором прежде всего для русской церкви и что ее нужно разрешать Московскому патриархату²⁸. Второй вопрос касался признаний хиротоний (рукоположений) в Англиканской церкви. Патриархи пришли к мнению о том, что нужно создать комиссию из профессоров духовных заведений обеих сторон для изучения мнений представителей всех православных церквей²⁹. После обсуждения состоялся неформальный прощальный ужин, а 26 декабря 1960 г. патриарх Алексий I и члены делегации покинули пределы Турецкой Республики³⁰.

В советской прессе и документах визит трактовался как успех церковной дипломатии. Согласно секретной справке Генерального консульства СССР пребывание патриарха Алексия I в Стамбуле «повысило авторитет русской церкви» и «позволило обсудить перспективы укрепления церковных связей»³¹. Руководство СССР видело в этом событии возможность продемонстрировать теплые отношения между православными церквями даже в условиях холодной войны [5]. Советское руководство ожидало, что такая встреча смягчит исторические трения (прежде всего наследие разногласий 1940-х гг.) и создаст благоприятный имидж СССР как друга православного Востока.

Представитель Константинопольского патриархата при Всемирном совете церквей в Женеве епископ Емилиан Мелойский оценил визит патриарха

²³Письмо патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 18 (на греч.).

²⁴Там же. Л. 24.

²⁵Там же. Л. 20–21.

²⁶Там же. Л. 22.

²⁷Глава Североамериканской митрополии, получившей в 1970 г. автокефалию от РПЦ.

²⁸Письмо патриарха Константинопольского к архиепископу Кипрскому Макариосу III // АКА. Т. 1 (Переписка с поместными православными церквями. Константинопольский патриархат). Л. 22 (на греч.).

²⁹Там же.

³⁰Там же. Л. 23.

³¹Пребывание Патриарха Московского и всея Руси Алексия в Стамбуле 23–26 декабря 1960 г. : информ. справка за подписью ген. консула СССР в Стамбуле М. Волкова № 2 от 03.01.1961 г. // Гос. арх. Рос. Федерации. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1936. Л. 21.

Алексия I в Константинополь как событие исключительной важности и большого исторического значения³². Эта характеристика свидетельствует о том, что Константинопольский патриархат ожидал укрепления межправославного единства и лояльного отношения к своим действиям на международной арене. По данным современных исследователей, встреча в день Рождества Христова была призвана прекратить длительную вражду, вызванную взаимными анафемами времен Второй мировой войны, хотя подозрения церковных иерархов по отношению друг к другу сохранялись³³. Из выступлений патриарха Афинагора I ясно, что он видел в Алексии I не только представителя РПЦ, но и фигуру, через которую можно было попытаться расширить православное сотрудничество, учитывая созыв 2-го Ватиканского собора и новые межхристианские контакты [4].

Турецкая светская пресса того времени подавала визит в основном как протокольное событие: упоминалась его знаковость (два патриарха встретились впервые), однако без политической риторики. В некоторых газетах акцентировался лишь факт поездки без затрагивания церковной политики как таковой. Важно отметить контекст: в 1960-х гг. произошел рост турецкой настороженности к греческому православию (особенно из-за кипрского кризиса) [9]. В таких условиях Константинопольскому патриархату приходилось балансировать: официальных публикаций о деталях переговоров не было, но встреча патриархов рассматривалась как жест доброй воли, который подтверждал право Константинопольского патриархата на религиозную деятельность в Турции. В этих же изданиях озвучивались мнения о том, что при всем внешнем внимании к визиту Константинопольский патриархат, по сути, старался сохранить позицию невмешательства в светские дела, укрепляя свое положение через международный диалог [10].

Если давать оценку визиту в терминах институциональной логики, то можно утверждать, что Константинопольский патриархат добивался трех целей: 1) признания и укрепления своей роли модератора межправославного процесса; 2) действий Московского патриархата по вопросам русской диаспоры в США и монашества на г. Афон в рамках общих правил; 3) синхронизации двустороннего диалога с Московским патриархатом и линии Всеправославных совещаний³⁴. В то же время публичность визита была ограничена. Архивная пресса того времени показывает, что центральные турецкие издания (газеты

«Миллиет», «Аksam» и «Джумхуриет») действительно фиксируют плотный политический новостной фон декабря 1960 г. (работа Учредительного собрания Турецкой Республики, репортажи о военной администрации, хроника), причем заметки религиозного характера, включая заметки на православные темы, подаются кратко, без углубления в канонические нюансы. К выпускам газеты «Миллиет» за 11–14 и 25 декабря можно обратиться через оцифрованный архив, где видны характер подачи и структура первых полос, хотя доступ к полнотекстовым публикациям часто требует оформления подписки³⁵.

Анализ материалов прессы 1949–1957, 1964, 1972 гг. по теме «Patrik Athenagoras» («Патриарх Афинагор») позволяет констатировать, что в турецкой публичной сфере «видимость» патриарха носила волнообразный характер, а религиозные новости легко уступали место событиям большого политического значения³⁶. Турецкий контекст (непростой период после переворота, кипрский кризис, отношение правительства Турецкой Республики к грекоправославной общине) диктовал мягкий, «протокольный» тон освещения религиозной тематики [11]. Для Константинопольского патриархата важно было показать, что визит является жестом братского общения, а не платформой для обсуждения политической повестки. В турецких академических обзорах также подтверждаются выводы автора настоящего исследования о характере освещения религиозных новостей (сдержанная информативность без углубления в каноническую проблематику) [12].

В 1960-х гг. отношение турецких властей и СМИ к Константинопольскому патриархату во многом было обусловлено кипрским кризисом и греческим вопросом, что накладывало ограничения на «видимость» религиозных сюжетов. Отсюда следуют преобладание нейтральных заметок о визите высших духовных лиц, акцентирование протокола и этикета, минимизация «политического смысла». Турецкая пресса, будучи ограниченной общей перегруженностью международной повестки и политической конъюнктурой, зафиксировала визит в жанре вежливого протокола, оставив канонические и юрисдикционные нюансы «за кадром», что соответствовало стратегии Константинопольского патриархата, состоящей в удерживании смысловых акцентов внутри межцерковного канала³⁷.

И Московский патриархат, и Константинопольский патриархат сходились в том, что жест личной

³²Емилиан (Тимиадис), еп. Мелойский. Письмо протоиерею В. Боровому и А. С. Бувескому. 1961 г. // Арх. ОБЦС Моск. патриархата. Д. 31 (Переписка с разными лицами).

³³Athenagoras I of Constantinople [Electronic resource] // Grokipedia. URL: https://grokipedia.com/page/Athenagoras_I_of_Constantinople (date of access: 11.12.2025).

³⁴Shernezian B. Echoes of history: exploring the historic encounter of ecumenical Patriarch Athenagoras and Zareh I Catholicos // Public Orthodoxy : website. URL: <https://publicorthodoxy.org/2024/02/16/echoes-of-history/> (date of access: 12.12.2025).

³⁵Архив газеты «Миллиет» : сайт. URL: <https://gazetearsivi.milliyet.com.tr/> (дата обращения: 12.12.2025) (на тур.).

³⁶Архив газет : сайт. URL: https://www.gazetearsivi.com/#google_vignette (дата обращения: 12.12.2025) (на тур.).

³⁷Там же.

встречи эффективнее любых деклараций, потому что в православии символическое действие предстоятеля – это фактически институциональный аргумент. Однако если для Московского патриархата символическое действие было призвано легитимировать его равноцентричность, то для Константинопольского патриархата оно должно было «вписываться» в логику общецерковного процесса, в рамках которой первенство служения не отменяет соборности, а дисциплинирует ее. Обе стороны декларировали братский характер диалога и необходимость снятия

напряжения, выстраивая рабочие контакты лично на уровне предстоятелей и профильных комиссий.

Иными словами, в декабре 1960 г. представители патриархатов говорили на одном языке братской риторики, но держали в руках разные «словари» институциональных норм. В турецкой прессе, не желавшей и не имевшей возможности «расслаивать» канонику и политику, фиксировался факт встречи двух патриархов в Стамбуле как жест высшей вежливости, а смысловые акценты оставались за самими участниками диалога.

Заключение

Визит патриарха Алексия I в Константинополь в декабре 1960 г. стал двусторонним актом церковного взаимодействия, значение которого стороны оценили по-разному. Советская сторона трактовала встречу как исторический успех в укреплении православного сотрудничества и дипломатии СССР. Константинопольский патриархат воспринимал визит как шаг к примирению и консолидации православного мира. В турецкой прессе, на которую оказывала влияние политическая конъюнктура (начало «критической» по отношению к греческой общине эпохи), событие воспринималось скорее нейтрально, подчеркивалась лишь историческая значимость встречи двух высших духовных лиц. Несмотря на общую

воинственность того времени, контакт патриархов Алексия I и Афинагора I имел символическое значение братского общения, хотя и оставил нерешенными многие противоречия между церквями, что отмечалось в дальнейшем богословском и дипломатическом диалоге.

В целом рождественский визит 1960 г. можно рассматривать как знаковый символический жест, впервые сокративший дистанцию между престолом. Для патриарха Афинагора I встреча была не столько триумфом примирения, сколько проверкой руководства РПЦ на готовность работать в логике всеправославной координации при сохранении особой роли Константинопольского патриархата.

Библиографические ссылки

1. Роккуччи А. Встреча двух патриархов. Визит патриарха Алексия I в Константинополь (1960 г.) [Интернет]. *История*. 2023 [протитировано 11 октября 2025 г.];14(12, часть 1). Доступно по: <https://history.jes.su/s207987840029437-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029437-9.
2. Шкаровский МВ. *Константинопольский патриархат и Русская православная церковь в первой половине XX века*. Москва: Индик; 2014. 377 с.
3. Звонарёв С. Отношения Московского и Константинопольского патриархатов в 1960-е – начале 1970-х годов по материалам архива Отдела внешних церковных связей. *Церковь и время*. 2023;3–4:185–206. EDN: TQUXWG.
4. Звонарёв СЛ. Ближневосточный визит 1960 года Патриарха Московского и всея Руси Алексия I как успех московской церковной дипломатии. *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2025;2:30–41. EDN: QMYJKZ.
5. Чумаченко ТА. Отношения Московской патриархии и восточных патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства (1953–1964). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015;2(62):117–122. EDN: TKZUJV.
6. Возвращение в Москву Патриарха Московского и всея Руси Алексия. *Журнал Московской патриархии*. 1961;1:6.
7. Паломничество Патриарха Московского и всея Руси Алексия к святыням Востока. *Журнал Московской патриархии*. 1961;3:10.
8. Topbaş T. *Ekümeniklik ve Fener Rum Patrikhanesi* [dissertation]. İzmir: Dokuz Eylül Üniversitesi; 2007. 212 s.
9. Öksüz H. *Amerikan belgelerine göre Fener Rum Patrikhanesi'nde I. Athenagoras dönemi (1949–1972)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu; 2021. 196 s.
10. Мазарчук ДВ. Внешняя политика Англии в 1485–1558 гг. и политическая география английского дипломатического представительства. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;2:36–47. EDN: CUEIZZ.
11. Balyemez M. *İngiliz yönetimi döneminde Kıbrıs Türklerinin siyasi örgütlenmeleri (1923–1960)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu; 2021. XII, 532 s.
12. Şimşek H. 6–7 Eylül Olayları [Internet]. *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi*. 2006 [cited 2025 December 9];2(3):173–196. Available from: https://ctad.hacettepe.edu.tr/2_3/2006_3_SIMSEK.pdf.

Получена 23.01.2026 / исправлена 27.02.2026 / принята 07.04.2026.
Received 23.01.2026 / revised 27.02.2026 / accepted 07.04.2026.

УДК 94(53)«18/19»

КУВЕЙТ НА ПЕРЕПУТЬЕ: МЕСТНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ИМПЕРСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

А. А. ГАСПАРЯН¹⁾

¹⁾Институт востоковедения НАН Республики Армения,
ул. Маршала Баграмяна, 24, 0019, г. Ереван, Армения

Аннотация. Рассматривается политическая трансформация Кувейта в конце XIX – начале XX в., особое внимание уделяется роли шейха Мубарака ас-Сабаха и взаимодействию местной политической субъектности с имперским соперничеством. При помощи анализа договоров, дипломатической переписки, консульских отчетов и архивных материалов развитие Кувейта помещается в более широкий контекст децентрализации Османской империи и усиления интересов Великобритании, Германии и Российской империи в Персидском заливе. Изучаются ключевые события истории Кувейта, в том числе подписание Англо-кувейтского соглашения 1899 г. и неудачная османская военная интервенция 1901 г., в целях оценки их влияния на политический статус страны. Утверждается, что стратегическое положение Кувейта и прагматичная дипломатия шейха Мубарака ас-Сабаха позволили эмирату обеспечить де-факто автономное положение, несмотря на формальные притязания Османской империи и конкурирующие имперские стратегии.

Ключевые слова: Кувейт; шейх Мубарак ас-Сабах; имперское соперничество; баланс сил; местная политическая самостоятельность.

КУВЕЙТ НА РАЗДАРОЖЖЫ: МЯСЦОВАЯ ПАЛІТЫЧНАЯ САМАСТОЙНАСЦЬ І ІМПЕРСКАЕ САПЕРНІЦТВА Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

А. А. ГАСПАРАН^{1*}

^{1*} Інстытут усходазнаўства НАН Рэспублікі Арменія,
вул. Маршала Баграмяна, 24, 0019, г. Ерэван, Арменія

Анацыя. Разглядаецца палітычная трансфармацыя Кувейта ў канцы XIX – пачатку XX ст., надаецца асабліва ўвага ролі шэйха Мубарака ас-Сабаха і ўзаемадзеянню мясцовай палітычнай суб'ектнасці з імперскім саперніцтвам. З дапамогай аналізу дагавораў, дыпламатычнай перапіскі, консульскіх справаздач і архіўных матэрыялаў развіццё Кувейта змяшчаецца ў больш шырокі кантэкст дэцэнтралізацыі Асманскай імперыі і ўзмацнення інтарэсаў Вялікабрытаніі, Германіі і Расійскай імперыі ў Персідскім заліве. Вывучаюцца ключавыя падзеі ў гісторыі Кувейта, у тым ліку падпісанне Англа-кувейцкага пагаднення 1899 г. і няўдалая асманская ваенная інтэрвенцыя 1901 г., для ацэнкі іх уплыву на палітычны статус краіны. Сцвярджаецца, што стратэгічнае становішча Кувейта і прагматычная дыпламатыя шэйха Мубарака ас-Сабаха дазволілі эмірату забяспечыць дэ-факта аўтаномнае становішча, нягледзячы на фармальныя дамаганні Асманскай імперыі і імперскія стратэгіі, якія канкурыравалі паміж сабой.

Ключавыя словы: Кувейт; шэйх Мубарак ас-Сабах; імперскае саперніцтва; баланс сіл; мясцовая палітычная самастойнасць.

Образец цитирования:

Гаспарян АА. Кувейт на перепутье: местная политическая самостоятельность и имперское соперничество в конце XIX – начале XX в. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2026;2:51–57 (на англ.). EDN: NACQCR

For citation:

Gasparyan AA. Kuwait at the crossroads: local agency and imperial rivalry in the late 19th and early 20th century. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2026;2:51–57. EDN: NACQCR

Автор:

Арам Ашотович Гаспарян – кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник отдела арабских стран.

Author:

Aram A. Gasparyan, PhD (history); leading researcher at the department of Arab countries.
aramashotgasparyan@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0007-7313-1422>

KUWAIT AT THE CROSSROADS: LOCAL AGENCY AND IMPERIAL RIVALRY IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURY

A. A. GASPARYAN^a

^a*Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia,
24 Marshal Baghramian Street, Yerevan 0019, Armenia*

Abstract. The article examines the political transformation of Kuwait in the late 19th and early 20th centuries, with particular attention to the role of sheikh Mubarak Al-Sabah and the interaction between local political agency and imperial rivalry. Drawing on treaties, diplomatic correspondence, consular reports, and archival materials, the study situates Kuwait's development within the broader context of Ottoman decentralisation and the intensification of British, German, and Russian interests in the Persian Gulf. The analysis focuses on key episodes, including the Anglo-Kuwaiti agreement of 1899 and the failed Ottoman military intervention of 1901, in order to assess their impact on Kuwait's political status. It is argued that Kuwait's strategic position and sheikh Mubarak Al-Sabah's pragmatic diplomacy enabled the emirate to secure a de facto autonomous position, despite formal Ottoman claims and competing imperial strategies.

Keywords: Kuwait; sheikh Mubarak Al-Sabah; imperial rivalry; balance of power; local political agency.

Introduction

At the end of the 19th century, Kuwait occupied a strategically sensitive position at the intersection of Ottoman administrative authority and intensifying European imperial competition in the Persian Gulf. The gradual weakening of Ottoman control in Arabia, combined with the growing involvement of Great Britain and other European powers, transformed the emirate from a peripheral settlement into an arena of geopolitical interaction. These developments unfolded within a broader context of imperial rivalry, in which maritime routes, political influence, and control over the gulf acquired increasing strategic importance.

The accession of sheikh Mubarak Al-Sabah in 1896 [1, p. 44] marked a decisive turning point in Kuwait's political development. His rise to power coincided with a period of accelerating Ottoman decentralisation and expanding European presence in the region. Operating under conditions of limited military and economic resources, Mubarak Al-Sabah pursued a pragmatic political course aimed at strengthening Kuwait's autonomy without provoking direct confrontation with imperial authorities. Rather than relying on coercion, he employed diplomacy, selective alliances, and political maneuvering to safeguard both his position and the emirate's interests.

In historiography, Kuwait's political transformation at the turn of the 20th century was long interpreted primarily through the lens of great-power rivalry. Earlier studies, particularly in mid-20th-century Soviet and Western scholarship, emphasised British and German

imperial policies in the Persian Gulf, often portraying local political actors as reactive and subordinate. More recent research has revised this perspective by focusing on Ottoman decentralisation and the role of regional elites, highlighting the capacity of local rulers to maneuver within imperial structures. National historiography of Kuwait has further contributed to this shift by emphasising the internal dynamics of the emirate and interpreting the 1899 agreement with Great Britain as a pragmatic response to an asymmetric balance of power rather than a loss of sovereignty. Russian diplomatic sources add an important complementary perspective, documenting sheikh Mubarak Al-Sabah's attempts to diversify his external relations beyond the Anglo-Kuwaiti framework.

Despite this reassessment, the concrete mechanisms through which a small gulf polity with limited resources was able to exploit imperial competition in order to preserve de facto autonomy remain insufficiently explored. In particular, the interaction between local political agency and the structural constraints imposed by competing empires requires closer examination.

This article addresses this gap by analysing how sheikh Mubarak Al-Sabah utilised imperial rivalry to strengthen Kuwait's political position at the turn of the 20th century. By situating Kuwait's experience within the broader processes of Ottoman decline and great-power competition in the Persian Gulf, the study highlights the role of local political agency in shaping regional outcomes under conditions of imperial constraint.

Materials and methods

This article is based on a qualitative method of historical research aimed at analysing Kuwait's political role and relations from the late 19th century to the early 20th century. It primarily applies the method of historical-

political analysis, drawing on a combination of historical primary sources, diplomatic documents, official correspondence, as well as scholarly and analytical works, all approached through critical reading and interpretation.

The study focuses on the interaction between local political agency and imperial power structures, examining the motivations and strategies of sheikh Mubarak Al-Sabah alongside the geopolitical interests of the Ottoman Empire, Great Britain, and Russian Empire in the Persian Gulf. Particular attention is paid to how local actors operated within, and at times exploited, the structural constraints imposed by imperial rivalry.

Results and discussion

Imperial rivalries and sheikh Mubarak Al-Sabah's quest for autonomy. Sheikh Mubarak Al-Sabah's foreign policy was shaped by Kuwait's limited material resources and its position within a competitive imperial environment. Constrained by its small coercive capacity, Kuwait relied on diplomatic maneuvering rather than direct military confrontation, turning great power rivalries into a political resource. By selectively aligning with Great Britain while signaling openness to Russian involvement, Mubarak Al-Sabah's exploited asymmetries among competing powers to limit Ottoman options and deter intervention. From a realist perspective, this was not reactive improvisation but a calculated strategy of external balancing: Kuwait acted as a microbalancer within the Persian Gulf regional security complex, influencing imperial behaviour despite its material limitations.

Of the late 19th century, as the Arabian Peninsula became a key theater of competition among European states. The construction of the Baghdad railway by Germany, which was planned to extend to Al-Kuwait [2, p. 158], exemplified this rivalry. Mubarak Al-Sabah perceived the railway as a direct threat to his independence and territorial ambitions, fearing that it would facilitate Ottoman and German encroachment into the gulf. His concerns were astutely exploited by Great Britain, which sought to counter German influence and expand its own strategic foothold in the region.

The interplay of local and international dynamics created an opportunity for a closer relationship between Kuwait and Great Britain. In 1897, a British representative in the Persian Gulf visited Al-Kuwait, where sheikh Mubarak Al-Sabah expressed his willingness to accept British patronage. A similar declaration was made by sheikh in 1898 [3, p. 187], culminating in the signing of the Anglo-Kuwaiti secret treaty¹ on 23 January 1899 [4, p. 121]. Under the terms of this treaty, Great Britain guaranteed the territorial integrity and security of Kuwait. In return, Mubarak Al-Sabah agreed not to establish diplomatic relations with any other state or allow foreign powers to use Kuwaiti territory without British consent [5, p. 32].

While the treaty effectively placed Kuwait under British protection, it also marked a turning point in Mubarak Al-Sabah's foreign policy. The agreement limited his ability to engage independently in international affairs, aligning Kuwait's external relations with British

The analytical framework of the article draws selectively on realist perspectives in international relations, especially the concept of balance of power. In this context, sheikh Mubarak Al-Sabah's foreign policy is interpreted as a strategy of limited external balancing, whereby alignment with Great Britain and diplomatic engagement with Russian Empire served as instruments for preserving Kuwait's autonomy rather than pursuing power maximisation.

strategic interests. However, the treaty formally preserved sheikh's autonomy in internal governance and his dealings with neighbouring Arab states.

While the Anglo-Kuwaiti treaty formally restricted sheikh Mubarak Al-Sabah's freedom of diplomatic action, it simultaneously institutionalised Kuwait's security within the British imperial system. From a realist standpoint, the treaty represented a rational trade-off: limited external sovereignty in exchange for regime survival and territorial protection. Rather than signaling dependency alone, the agreement enabled Mubarak Al-Sabah to neutralise Ottoman military options and consolidate internal authority, thereby strengthening Kuwait's bargaining position vis-à-vis both regional rivals and imperial actors.

The treaty's deliberate ambiguity constituted its central strength. While Great Britain secured decisive influence over Kuwait's foreign relations, it refrained from formal annexation or protectorate status. Mubarak Al-Sabah, in turn, accepted constraints on diplomatic outreach but retained freedom of action within Arabia. This arrangement enabled both sides to pursue their strategic interests while avoiding premature confrontation with competing powers.

Having secured the support of Great Britain through the Anglo-Kuwaiti treaty, sheikh Mubarak Al-Sabah intensified his efforts to assert dominance in central Arabia, particularly in the territories controlled by the Emirate of Jabal Shammar. This strategic push aimed to weaken the Rashids, who, as steadfast allies of the Ottoman Empire, posed a significant challenge to Mubarak Al-Sabah's ambitions. In 1900, sheikh escalated tensions by severing all trade relations with the Rashids and imposing an economic blockade on Hail, the political and economic centre of the Emirate of Jabal Shammar [3, p. 189]. This blockade was intended to destabilise the Rashids' economic base and undermine their ability to project power in the region.

Despite publicly emphasising their loyalty to the Ottoman Empire, the actions of Mubarak Al-Sabah and his ally, Abdul Aziz Al-Saud, were overtly anti-Ottoman in character. Their coordinated efforts against the Rashids not only weakened a key Ottoman ally in Central Arabia but also challenged Istanbul's broader strategy of maintaining control over the Arabian Peninsula through local proxies. The Rashids, in turn, relied heavily

¹The Anglo-Kuwaiti treaty was kept in secret until 1912.

on Ottoman support, receiving military and logistical assistance from both the governor of Basra and the central authorities in Istanbul.

The conflict reached its zenith in 1901 when the combined forces of Mubarak Al-Sabah and Abdul Aziz Al-Saud launched a military campaign against Emirate of Jabal Shammar. Initially, the allied forces achieved notable successes, gaining momentum in their offensive. However, the tide turned decisively in March 1901 during a major battle near Hail, where the forces of Rashid inflicted a crushing defeat on Mubarak Al-Sabah's troops [6, p. 111; 7, p. 206–209]. This defeat forced Mubarak Al-Sabah to halt his offensive and retreat to Kuwait, marking a significant setback in his campaign to expand his influence in central Arabia.

The 1901 military campaign exposed the inadequacy of Kuwait's military capabilities. While the defeat at Hail was a significant military failure, its political consequences were more complex. This event clarified the regional balance of powers and accelerated diplomatic engagement among external powers. Paradoxically, the military defeat served as a catalyst for diplomatic relations, forcing regional players to reconsider their interests in Kuwait.

Amidst these developments, an intriguing diplomatic episode unfolded involving Mubarak Al-Sabah and the Russian Empire. According to reports from Russia's diplomatic representatives, sheikh began to strengthen his contacts with the Russian consulate in Bushehr, particularly with consul M. Ovsienko. These interactions culminated in March 1900 with the arrival of the Russian gunboat «Gilyak» in Kuwait². This marked the first time a Russian warship entered the Persian Gulf, underscoring the growing strategic interest of the Russian Empire in the region.

The decision to send the gunboat «Gilyak» was not without controversy within Russian diplomatic circles. For instance, A. Adamov, the Russian consul in Basra, expressed concerns that such a move might provoke a strong reaction from Britain, potentially straining Russian-British relations in the gulf. Despite these reservations, the mission proceeded, and the reports submitted by M. Ovsienko and the crew of the gunboat «Gilyak» highlighted the warm reception they received in Kuwait. M. Ovsienko noted in his correspondence that sheikh Mubarak Al-Sabah enthusiastically welcomed the arrival of the Russian vessel and expressed a strong interest in fostering closer economic ties with Russian Empire, including the presence of Russian merchant ships and goods in Kuwaiti ports [8].

Interestingly, M. Ovsienko's reports also revealed Mubarak Al-Sabah dissatisfaction with the concessions he had made to the British under the Anglo-Kuwaiti treaty. During their conversations, Mubarak Al-Sabah reportedly described his position as that of an inde-

pendent and hereditary ruler of Kuwait, emphasising his desire to preserve Kuwait's autonomy amidst the competing pressures of the Ottoman Empire, the Rashids, and British imperial interests³.

The most striking revelation from M. Ovsienko's reports was Mubarak Al-Sabah's verbal proposal to the Russian authorities. According to M. Ovsienko, sheikh requested Russian support in preserving Kuwait's territorial integrity and even suggested the possibility of raising the Russian flag over Kuwait if necessary. This proposal, while seemingly incongruous given Kuwait's secret agreement with Great Britain, can be contextualised by Mubarak Al-Sabah's precarious position following his defeat in the war against the Rashids. Sheikh's disappointment with British policies, particularly their previous support for Yusuf Ibrahim – a rival claimant to power in Kuwait – further fueled his willingness to explore alternative alliances (F. Anscombe also testifies to the possibility of such a request from Mubarak Al-Sabah)⁴ [4, p. 119].

Sheikh Mubarak Al-Sabah's overtures to the Russian Empire should be interpreted not as a genuine attempt to realign Kuwait's strategic orientation, but as an instrument of signaling within a competitive imperial environment. By engaging Russian diplomats and welcoming the gunboat «Gilyak», sheikh sought to demonstrate that Kuwait possessed alternative diplomatic options beyond exclusive British patronage.

While the plausibility of Mubarak Al-Sabah's request to Russian Empire is debatable, it reflects the fluid and complex nature of regional diplomacy during this period. The sheikh's overtures to Russian Empire illustrate his strategic maneuvering amidst a landscape dominated by imperial rivalries and shifting alliances. For Russian Empire, the Persian Gulf represented a theatre of growing geopolitical interest, offering opportunities to counterbalance British influence and expand its own strategic footprint in the region.

Although Russian Empire ultimately declined substantive involvement, this episode illustrates how local actors could manipulate great-power perceptions to enhance their own strategic autonomy. Even unrealised alliances functioned as deterrent signals, reinforcing Kuwait's position within an increasingly polarised regional order.

Ultimately, this episode underscores the multidimensional challenges faced by Mubarak Al-Sabah as he sought to navigate the competing pressures of local, regional, and global powers. It also highlights the broader interplay of imperial ambitions and local agency in shaping the political dynamics of the gulf at the turn of the 20th century.

From military confrontation to diplomatic stalemate. The aftermath of sheikh Mubarak Al-Sabah's defeat in his campaign against the Rashids marked

²Report of the titled adviser Ovsienko to the Russian Imperial Consulate General in Baghdad. 23 November 1900 // Arch. of the Inst. of Oriental Studies of the Nat. Acad. of Sci. of the Repub. of Armenia (here and further AIOS). 1900. Vol. 1, No. 291 (in Russ.).

³Report of the titular adviser Ovsienko to the Russian Imperial Consulate General in Baghdad. 20 April 1902 // Ibid. 1902. Vol. 1, No. 27 (in Russ.).

⁴Report of the titular adviser Ovsienko to the Russian Imperial Consulate General in Baghdad. 6 June 1901 // Ibid. 1900. Vol. 1, No. 19 (in Russ.).

a critical turning point in Kuwait's political trajectory. More significant than the military failure itself was its diplomatic impact, as it created a strategic opening for the Ottoman Empire to reconsider direct intervention in Kuwait. For Istanbul, Mubarak Al-Sabah's weakened position appeared to offer an opportunity to neutralise a local ruler whose actions increasingly challenged imperial authority.

Within the Ottoman administrative and military establishment, assessments of the situation in Kuwait were sharply divided. Mushir Ahmed Feyzi Pasha, commander of the 6th army corps in Baghdad, emerged as the most outspoken advocate of immediate military intervention. In his reports to Istanbul, Mushir Ahmed Feyzi Pasha consistently framed Mubarak Al-Sabah as the principal source of instability in northern Arabia, portraying the crisis not as a consequence of structural weaknesses in imperial governance but as a problem of personal insubordination and defiance of central authority. This interpretation led him to propose a straightforward coercive solution: the prompt occupation of Kuwait and the permanent neutralisation of Mubarak Al-Sabah political influence. Mushir Ahmed Feyzi Pasha argued that Mubarak Al-Sabah's recent military setback created a favourable moment for decisive action⁵. Such reasoning reflected a predominantly military logic that equated temporary battlefield weakness with political vulnerability, while underestimating both the diplomatic resources available to Mubarak Al-Sabah and the broader risks of internationalising the conflict.

In contrast, Muhsin Ferik Pasha, the governor-general of Basra, adopted a more cautious and pragmatic stance. Drawing on his extensive knowledge of the region's complex political dynamics, Muhsin Ferik Pasha warned against the potential repercussions of a military campaign. According to Russian diplomatic reports from Bushehr, including those by M. Ovsienko, Muhsin Ferik Pasha consistently advocated for a diplomatic resolution to the Kuwaiti question. He believed that the threat of losing Kuwait to external influences, particularly British or local tribal forces, could be mitigated through peaceful negotiations. Muhsin Ferik Pasha emphasised the importance of curbing the ambitions of Abdul Aziz Al-Rashid, whose aggressive actions against Kuwait posed a significant threat to regional stability. A similar perspective was shared by Muhammad Fazil Pasha of Dagestan, the brigade commander entrusted with leading the Turkish punitive forces. Muhammad Fazil Pasha expressed concerns about the logistical challenges of deploying Ottoman troops in

the region and the potential for unintended consequences. His cautious approach reflected broader apprehensions within Ottoman military circles about the feasibility and risks of a direct confrontation with Mubarak Al-Sabah⁶.

Despite internal disagreements within the Ottoman administration, the central authorities ultimately resolved to proceed with a military campaign against Kuwait, a decision driven less by operational readiness than by the need to reassert imperial authority. In early 1901, Mushir Ahmed Feyzi Pasha was instructed to initiate preparations for offensive operations under his direct command, and by 6 April he had arrived in Basra to supervise the mobilisation process⁷.

The mobilisation of Ottoman forces quickly altered the strategic environment. Sheikh Mubarak Al-Sabah, aware of the growing threat, began consolidating his defensive capabilities, while British authorities closely monitored developments in light of their interests in Kuwait and the Persian Gulf. The arrival of the British cruiser «Lawrence» in the port of Basra on 7 April marked an early intervention in the crisis. Although officially framed as a precautionary measure, the sustained presence of the cruiser throughout the crisis functioned as a deterrent signal, underscoring Great Britain's readiness to protect its strategic position and further constraining Ottoman freedom of action⁸.

On 16 April, Mushir Ahmed Feyzi Pasha issued a formal written summons to sheikh Mubarak Al-Sabah, demanding his presence in Basra within five days to address the escalating tensions. Mubarak Al-Sabah's response was characteristically defiant. He declared, «Let my enemies – Yusuf Ibrahim⁹, Abdul Aziz Al-Rashid, and Farik Kazim Pasha – appear in Basra first, and then I will appear. At present, I have no time for such matters, but I will gladly meet anyone who is willing to come to me»¹⁰. This refusal to comply with the Ottoman directive further escalated tensions and solidified Mubarak Al-Sabah's reputation as a leader unwilling to submit to external pressures. This response functioned not merely as an act of personal defiance but as a calculated political signal directed at both Ottoman officials and external observers, particularly Great Britain, indicating Mubarak Al-Sabah's confidence in alternative sources of protection and his readiness to test the limits of imperial coercion.

In response to sheikh's defiance, Ottoman generals accelerated their preparations for an invasion. Before launching hostilities, however, the Ottoman authorities conveyed a final ultimatum to Mubarak Al-Sabah. The terms of the ultimatum were uncompromising: sheikh

⁵Report of the titular councilor. 27 May 1901 // AIOS. 1901. Vol. 1, No. 26 (in Russ.).

⁶Ibid.

⁷Secret telegram of the Russian Imperial Consul General in Baghdad. 6 April 1901 // AIOS. 1901. Vol. 1, No. 13 (in Russ.).

⁸Report of Lieutenant General Sakharov. 11 April 1901 // Ibid. No. 16 (in Russ.).

⁹A major Al-Kuwaiti merchant who received support from the governor of Basra and the sultan's palace.

¹⁰Report of the titular adviser Ovsienko to the Russian Imperial Consulate General in Baghdad. 6 June 1901 // AIOS. 1901. Vol. 1, No. 19 (in Russ.) ; Secret telegram of court councilor Kruglov. Baghdad, 17 April 1901 // Ibid. No. 18 (in Russ.).

was required to renounce his authority as ruler of Kuwait, accept a ceremonial position as a member of the Ottoman State Advisory Council, and agree to live in honourary exile in a city of his choosing within the Ottoman Empire. Failure to comply would result in the immediate deployment of Ottoman forces to Kuwait [4, p. 21].

The subsequent developments following the initial tensions between sheikh Mubarak Al-Sabah's and the Ottoman Empire significantly altered the trajectory of events, ultimately favouring Mubarak Al-Sabah's position. Despite the initial mobilisation of Ottoman forces and plans for a punitive expedition against Kuwait, logistical, strategic, and geopolitical obstacles prevented the operation from materialising.

The Ottoman military strategy originally envisioned a two-pronged assault on Kuwait, combining land and naval forces. However, this plan encountered significant challenges. The deployment of cavalry overland was deemed highly risky due to the presence of hostile Arab tribes in the desert regions surrounding Kuwait. These tribes, often in conflict with Ottoman authorities, posed a substantial threat to the safe passage of Ottoman troops. Additionally, logistical issues related to the movement of infantry and artillery further complicated the feasibility of the campaign¹¹. The most critical impediment to the Ottoman campaign, however, was the presence of two British warships stationed off the coast of Kuwait. These vessels arrived shortly after Ottoman forces gathered in Basra, signaling Great Britain's keen interest in safeguarding its strategic influence in the Persian Gulf. The prospect of British intervention in support of Mubarak Al-Sabah presented a grave dilemma for the Ottoman leadership. Any military confrontation with British-backed forces risked not only a catastrophic defeat but also the potential for Great Britain to formalise its protectorate over Kuwait, thereby severing the territory from the Ottoman Empire entirely.

It is necessary to note that Ottoman efforts to reassert authority over Kuwait following Mubarak Al-Sabah's defeat reveal not a lack of imperial will, but the structural constraints limiting Ottoman coercion. Internal disagreements among Ottoman officials, logistical challenges of desert warfare, reliance on the Rashids as local proxies, and, above all, the risk of British military intervention severely narrowed Istanbul's options.

Faced with these unfavourable circumstances, the Ottoman authorities reassessed their approach, signaling a shift from coercive measures toward diplomatic engagement. Muhsin Ferik Pasha emerged as a key intermediary in this process. His decision to travel to Kuwait reflected an acknowledgment of the practical limits of military intervention under conditions of heightened imperial rivalry. During the negotiations, Muhsin Ferik Pasha engaged not only with Mubarak Al-Sabah but also with the commanders of the British warships anchored

in Kuwaiti waters, underscoring the triangular nature of the crisis¹² [4, p. 133–134; 6, p. 123].

Sheikh Mubarak Al-Sabah deliberately emphasised the protective role of the British naval presence, framing it as a deterrent rather than an explicit alliance. This rhetorical strategy increased the perceived costs of Ottoman escalation and reinforced Istanbul's suspicions that any use of force against Kuwait risked provoking direct British involvement. As a result, diplomatic accommodation emerged as the least risky option for the Ottoman authorities, further entrenching Kuwait's position as a semi-autonomous political actor within a contested imperial environment.

Despite this temporary reconciliation, the broader implications of these events marked a turning point in Kuwait's trajectory. The crisis underscored Mubarak Al-Sabah's growing reliance on British support, which, while providing him with immediate security, gradually drew Kuwait into a semi-dependent relationship with Great Britain. Over the following years, Kuwait increasingly aligned itself with British interests, accepting new obligations that further entrenched Great Britain's influence in the region.

For the Ottoman Empire, the resolution of the crisis was far from satisfactory. While the immediate threat of British intervention was averted, the status of Kuwait represented a significant challenge to Ottoman sovereignty. The empire continued to view Kuwait's alignment with Great Britain as a strategic vulnerability and sought, unsuccessfully, to reassert direct control over the territory in the years leading up to its eventual collapse.

The aborted punitive expedition of 1901 demonstrated that while the Ottoman Empire retained symbolic authority, it lacked the material and geopolitical conditions necessary to enforce it. The resulting compromise (Mubarak Al-Sabah renewed oath of loyalty to the sultan) represented a diplomatic stalemate rather than imperial restoration. Kuwait remained formally within the Ottoman political order while operating in practice as a semi-autonomous entity.

The failure of the Ottoman punitive expedition in 1901 not only shaped Kuwait's immediate political status but also influenced how external powers evaluated the region's strategic potential. Beyond Great Britain, which emerged as Kuwait's primary protector, Russian Empire also reassessed its interests in the Persian Gulf in light of the demonstrated limits of Ottoman authority. While Russian Empire had demonstrated interest in counterbalancing British influence, its activities in Kuwait and the surrounding areas remained secondary to its broader geopolitical and economic strategies. Reports from Russian diplomatic representatives, such as M. Ovsienko, indicated a limited capacity for Russian Empire to project influence in the gulf.

¹¹Report of the titular councilor. 27 May 1901 // AOIS. 1901. Vol. 1, No. 26 (in Russ.).

¹²Ibid.

By mid-1901, the Russian Empire had reached a definitive conclusion regarding its policy toward Kuwait. Saint Petersburg formally declined Sheikh Mubarak Al-Sabah earlier overtures for closer Russian involvement. This decision was driven by several factors, including a recognition of the region's unpredictability and a strategic calculation to avoid exacerbating tensions with Great Britain. Russian Empire's awareness of the secret Anglo-Kuwaiti treaty, which effectively placed Kuwait under British protection, further reinforced this cautious approach [9, p. 260]. Russian policymakers clearly understood that any active involvement in Kuwait would almost certainly provoke a strong British response, thereby jeopardising broader Russian-British relations.

Thus, while Russian Empire maintained a nominal presence in the gulf, its role was largely symbolic, aimed at preserving a semblance of influence and countering British dominance without direct confrontation. This cautious stance reflected the broader realities of imperial geopolitics, wherein regional ambitions were often tempered by the need to manage relations with rival powers.

The cautious Russian approach toward Kuwait was later formalised through analytical assessments conducted in the early 20th century. A comprehensive study completed in 1908 examined the military-political and

socio-economic interests of the Russian Empire in its peripheral regions, including the Persian Gulf, and evaluated the feasibility of potential policy initiatives [8]. The researchers concluded that establishing a military port in the Persian Gulf was both impractical and misaligned with Russian Empire's strategic interests. They deemed the execution of such a programme unviable and devoid of meaningful benefit. Similarly, the development of a naval fleet to safeguard Russian commercial interests in the region was deemed unnecessary, given the limited number of merchant vessels operating in the Persian Gulf and the lack of significant threats to their security [8].

The study also underscored the geopolitical risks associated with any Russian initiatives in the Persian Gulf. It emphasised that such actions could provoke reactions from European powers, particularly Great Britain, which maintained a dominant position in the region.

These conclusions underscored the geopolitical risks associated with any expansion of Russian activity in the Persian Gulf, particularly the likelihood of provoking reactions from dominant European powers, foremost Great Britain. As a result, Russian engagement with Kuwait remained confined to diplomacy and information-gathering, a pattern that persisted until the eve of the World War I.

Conclusions

This study has demonstrated that Kuwait's political trajectory at the turn of the 20th century was shaped by the interaction of local agency and imperial rivalry. Sheikh Mubarak Al-Sabah emerged as a central political actor who, operating under conditions of limited military and economic resources, successfully employed diplomacy and strategic maneuvering to preserve Kuwait's autonomy amid Ottoman decline and intensifying European competition.

The findings highlight the importance of external alignments in securing Kuwait's position. The Anglo-Kuwaiti treaty provided critical security guarantees, while Mubarak Al-Sabah's contacts with Russian Empire illustrate his efforts to explore alternative diplomatic options and to exploit imperial rivalries. At the

same time, restrained engagement of Russian Empire (shaped by geopolitical caution and the desire to avoid confrontation with Great Britain) demonstrates the structural limits faced by smaller powers seeking support beyond the dominant imperial actor in the region.

Kuwait's experience underscores that small political entities were not merely passive objects of imperial competition but active participants in shaping regional power dynamics. Sheikh Mubarak Al-Sabah's diplomacy exemplifies how local rulers could leverage imperial rivalries and balance-of-power politics to maintain de facto autonomy within a formally imperial framework. This case thus contributes to gulf historiography by illustrating the mechanisms through which local agency operated within (and sometimes constrained) imperial systems.

References

1. Casey MS, Thackeray FW, Findling JE. *The history of Kuwait*. Westport: Greenwood Press; 2007. 160 p.
2. Bondarevskii GL. *Baghdad road and the penetration of German imperialism in the Middle East (1888–1903)*. Tashkent: State Publishing House of the Uzbek SSR; 1955. 319 p. Russian.
3. Kotlov LN. *Formation of the national liberation movement in the Arab East*. Moscow: Nauka; 1975. 323 p. Russian.
4. Anscombe F. *The Ottoman Gulf, the creation of Kuwait, Saudi Arabia and Qatar*. New York: Columbia University Press; 1997. 288 p.
5. Souad Al-Sabah. *Mubarak Al-Sabah: the foundation of Kuwait*. London: Bloomsbury Publishing; 2014. 304 p.
6. Mustafa Abu-Hakima. *The modern history of Kuwait, 1750–1965*. London: Luzac & Co; 1983. 226 p.
7. Alhajeri Abdullah. *The history of Kuwait: the emirate and the state*. Kuwait: Nobel Kuwait Bookshop; 2022. 447 p.
8. Mihin V. Kuwait – Russia history of relations [Internet]. 2013 [cited 2025 August 10]. Available from: <https://www.iarex.ru/articles/43139.html>.
9. Bondarevskii GL. *English policy and international relations in the Persian Gulf Basin (late 19th – early 20th century)*. Moscow: Nauka; 1968. 542 p. Russian.

Received 11.10.2025 / revised 21.01.2026 / accepted 23.03.2026.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЕРТИФИКАЦИИ ХАЛЯЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ В ИНДОНЕЗИИ: ИЗМЕНЕНИЕ РОЛЕЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Ю. Э. ФАТХУРРОХМАН^{1), 2)}, Э. КОНТОР¹⁾

¹⁾Институт маркетинга и торговли Дебреценского университета,
пл. Университетская, 1, 4032, г. Дебрецен, Венгрия

²⁾Университет Мухаммади в Пурвакарте, ул. Ахмада Дахлана, 53182, г. Пурвакарта, Индонезия

Аннотация. Прослеживается историческое развитие управления халяльной продукцией в Индонезии в контексте долгосрочного развития, которое включает переход от практик, основанных на участии общин, и неформального религиозного влияния ученых (улемов) к современной государственной системе регулирования халяльной продукции. Реконструируется траектория этого регулирования с помощью методики, сочетающей нормативно-правовой подход с историческим синтезом, изучаются научная литература и официальные государственные нормативные акты. Установлено, что регулирование халяльной продукции прошло ранний этап применения социально укоренившихся практик, обусловленных нормами сообщества, переходный этап институционализации (1976–2014), отмеченный сотрудничеством государства и Министерства по делам религии Республики Индонезия, и этап установления нынешнего государственно ориентированного порядка в рамках закона об обеспечении качества халяльной продукции.

Ключевые слова: сертификация халяльной продукции; Индонезия; историческая эволюция; государственная власть; трансформация регулирования.

ІСТАРЫЧНАЯ ДЫНАМІКА СЕРТЫФІКАЦЫІ ХАЛЯЛЬНОЙ ПРАДУКЦЫІ ў ІНДАНЕЗІІ: ЗМЕНА РОЛЯЎ ДзяРЖАВЫ І РЭЛІГІЙНЫХ УСТАНОЎ

Ю. Э. ФАТХУРРАХМАН^{1*, 2*}, Э. КОНТАР^{1*}

^{1*} Інстытут маркетынгу і гандлю Дэбрэцэнскага ўніверсітэта,
пл. Універсітэцкая, 1, 4032, г. Дэбрэцэн, Венгрыя

^{2*} Універсітэт Мухамадый ў Пурвакарце, вул. Ахмада Дахлана, 53182, г. Пурвакарта, Інданезія

Анотацыя. Прасочваецца гістарычнае развіццё кіравання халяльнай прадукцыяй у Інданезіі ў кантэксце доўгатэрміновага развіцця, якое ўключае пераход ад грамадскіх практык і неформальнага рэлігійнага ўплыву навукоўцаў (улемаў) да сучаснай дзяржаўнай сістэмы рэгулявання халяльнай прадукцыі. Рэканструюецца траекторыя гэтага рэгулявання з дапамогай метадыкі, якая спалучае нарматыўна-прававы падыход з гістарычным сінтэзам, разглядаюцца навуковая літаратура і афіцыйныя дзяржаўныя нарматыўныя акты. Вызначаецца, што рэгуляванне халяльнай прадукцыі прайшло ранні этап сацыяльна ўкаранёных практык, абумоўленых нормамі супольнасці, пераходны этап

Образец цитирования:

Фатхуррохман ЮЭ, Контор Э. Историческая динамика сертификации халяльной продукции в Индонезии: изменение ролей государства и религиозных учреждений. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;2:58–65 (на англ.). EDN: OPCWGR

For citation:

Fathurrohman YuE, Kontor E. Historical dynamics of Indonesian halal products certification: shifting roles between state and religious institutions. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;2:58–65. EDN: OPCWGR

Авторы:

Юсуф Энрил Фатхуррохман – аспирант докторской школы менеджмента и бизнеса факультета экономики и бизнеса¹⁾, преподаватель программы агробизнеса факультета сельского хозяйства и рыболовства²⁾.

Энико Контор – кандидат экономических наук; доцент факультета экономики и бизнеса.

Authors:

Yusuf E. Fathurrohman, postgraduate student at the doctoral school of management and business, faculty of economics and business^a, and lecturer at the agribusiness study programme, faculty of agriculture and fisheries^b.
yusuf.enril@mailbox.unideb.hu

Eniko Kontor, PhD (economics); associate professor at the faculty of economics and business.
kontor.eniko@econ.unideb.hu

інстытуцыяналізацыі (1976–2014), які характарызуецца супрацоўніцтвам паміж дзяржавай і Міністэрствам па справах рэлігіі Рэспублікі Інданезія, і этап усталевання цяперашняга дзяржаўна арыентаванага парадку ў адпаведнасці з законам аб забеспячэнні якасці халяльнай прадукцыі.

Ключавыя словы: сертыфікацыя халяльнай прадукцыі; Інданезія; гістарычная эвалюцыя; дзяржаўная ўлада; рэгуляторная трансфармацыя.

HISTORICAL DYNAMICS OF INDONESIAN HALAL PRODUCTS CERTIFICATION: SHIFTING ROLES BETWEEN STATE AND RELIGIOUS INSTITUTIONS

Yu. E. FATHURROHMAN^{a, b}, E. KONTOR^a

^a*Institute of Marketing and Commerce, University of Debrecen, 1 University Square, Debrecen 4032, Hungary*

^b*Muhammadiyah University of Purwokerto, Ahmad Dahlan Street, Purwokerto 53182, Indonesia*

Corresponding author: Yu. E. Fathurrohman (yusuf.enril@mailbox.unideb.hu)

Abstract. Halal products regulation in Indonesia has undergone a profound transformation, evolving from informal religious practices into a complex state-regulated system. This study aims to trace the historical development of halal governance in Indonesia, positioning it within a long-term development that moves from community-based practices and the informal religious authority of scholars (ulama) to the contemporary state-led halal regulatory system. Employing a methodic of combination of normative-legal approach and historical synthesis, this research examines scholarly literature and official state regulations to reconstruct the regulatory trajectory. The findings reveal that halal regulation evolved through following distinct phases: the early phase of socially embedded practices driven by community norms, the transitional institutionalisation phase (1976–2014) marked by state and Ministry of Religious Affairs of the Republic of Indonesia collaboration and the current state-centric regime under the halal product assurance law.

Keywords: halal products certification; Indonesia; historical evolution; state authority; regulatory transformation.

Introduction

Historically, halal has been understood in Islamic jurisprudence as food and practices that had been permissible under Sharia, mainly guiding individual religious consumption [1; 2]. Over time, halal has evolved from a purely religious obligation into a broader social and economic concept that shaped consumption, lifestyles, values, economic behaviour and other multidimensional phenomena [2]. In its historical development, halal has shift from an informal community-based practice, where religious scholars and ulama had determined permissibility, to a formal, state-regulated system marked with standardised certification procedures [3]. That condition, due to halal products and services, developed into a global halal industry. Its later expansion has increased and formed a need for clear, consistent, and widely accepted halal standards [4]. At the global level, the halal food sector has expanded rapidly, driven by the growth of the Muslim population and greater awareness of halal certification among both Muslim and non-Muslim consumers [5; 6]. This transformation underscores the importance of historical analysis, as it involves meanings, functions, and governance of halal and reflects trajectories of Islamisation of state and its legal development.

Indonesia presents a unique and academically significant case in the historical development of halal regulation. For the country with the largest Muslim

population globally [7], formal halal legislation established relatively late, with early practices of halal largely functioning as social norms and customary regulations rather than state-enforced law [8]. The process of Islamisation in archipelago has been marked with a dynamic interplay of acculturation, involving local kingdoms, education, influential ulama, which had shaped distinctive interpretations and practices of halal [9; 10]. This historical trajectory highlights the hybrid character of halal governance in Indonesia, where religious, social, and political influences converged long before establishment of a formal state-centred regulatory framework. At present, almost all market production requires to display official halal certification [11].

Despite the growing body of research on halal, the literature remains heavily skewed toward normative and contemporary concerns, such as consumer behaviour [12–14], modern halal certification [15; 16], and economic impact [17]. Few studies adopt a long-term historical perspective that traces the evolution of halal regulation from the era of local kingdoms into the modern state, as most either focus solely on the pre-, post-colonial period and during it [8] or only on the contemporary era [3; 18]. As a result, the regulatory landscape is often understood in an ahistorical manner, obscuring the complex social, political, and religious

processes that have shaped Indonesia's distinctive approach to halal governance.

Some scholars interpret contemporary halal regulatory frameworks as a mechanism to protect religious freedom and Muslim consumer rights [19; 20] by ensuring legal certainty for halal food, drugs, cosmetics, while also highlighting weakness in their enforcement [21]. In contrast, other studies critically conceptualise halal regulation as a form of bureaucratisation of religion, whereby the state increasingly extends administrative authority over religious norms that were historically governed by ulama and non-state religious institutions [22–24]. This condition is particularly evident in Indonesia's plural governance system, where interactions between religious institutions, such as the Indonesian Council of Ulama (*Majelis Ulama Indonesia*, MUI), and state bodies, like the Halal Product Assurance Agency (*Badan Penyelenggara Jaminan Produk Halal*, BPJPH), reveal ongoing disputes over authority and changing institutional roles in the formal regulation of religious

norms. As a result, halal regulation is not just a simple technical policy, but continuous negotiation between state authority and religious institutions.

This article aims to trace the historical development of halal regulation in Indonesia, situating it within a long-term trajectory that spans from socially rooted practices and informal religious authority of the ulama to the establishment of a modern, state-led halal regulatory regime. The primary contribution of this article lies in providing a long-term historical perspective that is rare for Indonesian halal regulation studies, with bridging the disciplinary gaps between history, law, and governance of religion. Conceptually, the article argues that halal regulation in Indonesia has evolved gradually through processes of institutional evolution and regulatory transformation reflecting historical continuity and change. The state does not aim to replace the authority of the ulama entirely but rather reconfigures power relations and institutional roles within contemporary halal governance.

Materials and methods

This study employs a research design that integrates normative legal research or normative approach [20; 24] with a historical synthesis approach. The normative one approach applies a statutory and conceptual methodology to examine the development of halal regulation in Indonesia. Primary legal materials consist of official government regulation and statutory instruments, including law of 2014 on halal product assurance and its subsequent amendments, law of 2020 on job creation and other relevant laws and implementing regulations. These legal texts form the basis for analysing the evolution of state involvement and legal frameworks in halal governance.

Secondary legal material has been obtained through literature-based studies, primarily from peer-reviewed

journal articles, complemented with academic books, policy reports, and authoritative institutional publications related to halal regulation, consumer protection, and state-religion relations. The selection of materials relies on followed relevance and credibility criteria, focusing on sources that addressed historical development, institutional change, and regulatory transformation in Indonesia's halal system.

Analytically, the study adopts a method of historical-synthesis to contextualise legal developments within broader socio-religious and institutional trajectories. The analysis is structured according to the events chronology, thus tracing the transition from socially embedded halal practices to a state-centre regulatory regime.

Results and discussion

The historical roots of halal practices and religious norms in Indonesian society. The historical institutionalisation of halal norms in Indonesia has been closely tied to Islamisation of the archipelago, which had begun as an organic adoption of dietary restrictions before being evolved into formal law. During early Islamic period, particularly with the rise of sultanates like Samudra Pasai and Mataram between the 13th and 16th centuries, Islamic practices were not installed through rigid state statutes but rather through the gradual displacement of Hindu-Buddhist culture [10]. After the arrival of Islam in Indonesia, certain traditions, especially among Javanese, began to change, and one of the major consequences of adopting the Islamic faith, was the need to stop pork consumption [25]. That transition was facilitated with the ability of Islamic jurisprudence to adapt to local conditions [10], where Muslim commu-

nities integrated the principles of *halalan* and *thayyiban* (lawful and good) [1] into their daily lives as a form of social distinction from their non-Muslim neighbours [8]. That era marked the initial phase in which halal had been not merely a ritual observance, but fundamental element of the nascent Islamic social order. By the colonial period, those norms had been deeply rooted and acted like customary laws (*adat*), and the colonisers did not interfere into religious rules, especially regarding halal and *thayyib* food [8]. Research indicates that integration was successful because Islamic dietary restrictions had not been imposed as a sudden legal violation, but are woven into existing cultural fabric, such as the adaptation of *slametan* (communal feasts), in which Sharia principles had been harmonised with local customs [26]. That syncretic approach allowed halal norms to permeate Javanese and Indonesian culture

more broadly without eliminating local traditions, having thus created a unique socio-religious ecosystem, in which the halal status of food becomes synonymous with concepts of cleanliness, safety, and social harmony (*rukun*). It has aligned to the conditions of Muslims of the time [27].

The role of Islamic kingdoms (sultanates) and the ulama was pivotal in establishing the authority structure for those practices, where the ulama acted as the supreme arbiters of lawfulness long before modern certification bodies appeared [10; 28]. Historically, the legitimacy of a sultan often rested on his adherence to Islamic law, but the practical interpretation of *halalan* and *thayyiban* fell to religious scholars and peasant centres served as a trusted centres for transmitting Islamic teachings that people strongly believed in [8]. That relationship created a trust-based system where the *fatwa*, or verbal endorsement of Islamic scholar assured halal consumption, having established a tradition of reliance on religious authority. In time the later supported the centralised role of the MUI [28]. In contemporary Indonesia, halal consumption has moved from a routine custom to an important marker of Muslim social identity, especially shaping middle-class consumer choices [29; 30]. Halal is important to understand middle-class lifestyles in Muslim Southeast Asia, particularly in Indonesia [31]. Thus, the present research shows a strong connection between middle-class status, lifestyle, and the consumption of sharia-compliant products in Indonesia [32].

The evolution of state and religious institutional roles in halal governance (1976–2014). In Indonesia, the interaction between state and religion on halal issues has gradually shifted from informal religious authority to a formal, state-regulated system, where Islamic norms are enforced through laws, procedures, and regulatory institutions. Since November 1976, halal regulation in Indonesia has been handled by the Ministry of Health of the Republic of Indonesia through rules requiring the labeling of containing pork food products [3]. Through ministerial Decree of 10 November 1976 No. 280/Men.Kes/Per/XI/76 «Provisions for the distribution and marking food containing ingredients derived from pigs», all food and beverages, that contain pork or its derivatives, have been required to display a clear warning label, including pig symbol and the words «Contains pork» in red [18]. At that stage, the state adopted a haram labeling approach rather than halal certification, which was considered more practical mean, regarded that a limited number of products contained pork. The Ministry of Health of the Republic of Indonesia also cooperated with the Indonesian Food and Beverage Entrepreneurs Association to accelerate the label distribution [18]. That has been a turning point in the initial policy of regulation of halal food.

During 1980s, halal regulation expanded beyond purely technical public health issue and religious autho-

riety. In 1985, the government replaced pork-warning labels with the halal labels, based on Joint Decree of the Minister of health and the Minister of religious affairs of 12 August 1985 No. 42/Men.Kes/SKB/VII/1985 and No. 68/1985 «Inclusion of halal writing on food labels». Public awareness of the need to ensure halal products grew after the 1988 controversy, which prompted the establishment of the Indonesian Ulema Council's Food, Drug, and Cosmetic Assessment Institute (*Lembaga Pengkajian Pangan, Obat-obatan dan Kosmetika Majelis Ulama Indonesia*, further – LPPOM MUI) in 1989 [3]. A researcher from University of Brawijaya reported that at least 34 food and beverage products circulating in the market have been suspected of containing pork derivatives such as shortening, lard, and gelatin [18]. Shortening is a processed edible fat traditionally used in food preparation to limit gluten formation in dough and to enhance texture, and it is widely applied in frying, baking, and as an ingredient in confectionery, fillings, and coatings [33; 34]. Pork-derived fat or lard was commonly used as shortening agent in baked goods such as bread, biscuits, and cakes, while gelatin is a collagen-based substance obtained through processing animal tissues, including byproducts from livestock slaughter and the fishing industry [35; 36]. In response to the crisis, the MUI, a non-governmental organisation comprising Islamic scholars, community leaders, and Muslim intellectuals, initiated internal deliberations and engaged with the government to address the issues and restore public confidence [37; 38]. This led to the establishment LPPOM MUI in 1989, formalised through MUI Decree of 6 January 1989 No. Kep/18/MUI/I/1989 «On the establishment of LPPOM MUI», with the mandate to inspect products and conduct halal certification [18] and to regulate halal food products available in Indonesia up to the present [39]. Although LPPOM MUI was founded in 1989, halal certificates were first issued in 1994 [3].

Further regulatory synchronisation occurred in 1996, when the Ministry of Health of the Republic of Indonesia, the Ministry of Religious Affairs of the Republic of Indonesia, and MUI signed a cooperation charter on halal labeling. Under the Decree of the Minister of health of 30 August 1996 No. 924/Menkes/SK/VIII/1996 «Regarding changes to the decision of the Indonesian Minister of health No. 82/MENKES/SK/I/1996 regarding the inclusion of the word “halal” on food labels», halal labeling could only be granted after approval from Directorate of Drug and Food Control, based on a *fatwa* issued by the MUI Fatwa Commission [18]. Over time, halal labeling regulations underwent several changes. In 1999, Food and Drug Supervisory Agency (*Badan Pengawas Obat dan Makanan*, BPOM) began to play a formal role in halal labeling, followed by the transfer of authority from the Directorate General of Food and Drug Monitoring to BPOM in 2000. In 2001, a decision of the Minister of religious affairs designated MUI as the

official halal certification body, while BPOM became responsible for the placement of the halal logo and food packaging [3]. The authors of the mentioned paper also explain that the governance framework was further transformed with the enactment of Law of the Republic of Indonesia of 17 October 2014 No. 33/2014 «On halal product assurance» (further – Law No. 33/2014), which established BPJPH under the Ministry of Religious Affairs of the Republic of Indonesia to manage halal certification by coordinating ministries, halal inspection bodies, and MUI.

The transition toward a state-centred halal regulatory framework: a historical analysis of the Law No. 33/2014. The enactment of the Law No. 33/2014 is widely accepted in literature as a turning point that has shifted Indonesia's halal regulation from a community-based, ulama-driven system to a state-centered legal framework [40]. Furthermore, that regulatory has transferred authority from the MUI and LPPOM MUI to the state-run BPJPH [41]. Scholars describe that shift as a major restructuring of Indonesia's halal certification system, combining religious authority with state bureaucracy in a dual governance model [42]. That historical context of law also marked the moment when the state has no longer positioned itself merely as a facilitator of religious norms but as the primary organiser of halal governance through a dedicated agency (BPJPH).

The move toward a state-centred halal framework is closely linked to the state's interest in protection of consumer, market regulation, and global economic positioning rather than to theological concerns only. Law No. 33/2014 mandates halal certification for all products, both domestic and imported [17]. BPJPH, under the Ministry of Religious Affairs of the Republic of Indonesia, oversees foreign halal certificate registration and public halal outreach, serving as a key link between state regulation and religious compliance in Indonesia's halal system [43]. From a consumer protection perspective, Muslim consumers require halal certification that is both legally valid and religiously authoritative [40]. This system is being dynamic and continues to change in response to legal reforms, institutional growth, and socio-economic needs [43]. The changes introduced by Law No. 33/2014 and its implementing regulations transformed halal assurance from a mainly religious initiative into a nationally regulated system involving multiple actors [44; 45].

The Law No. 33/2014 contributes to a historical redefinition of halal from a personal religious obligation into a legal right of citizens that the state must protect. Grounded in the 1945 Constitution of the Republic of Indonesia, the law affirms the state's duty to ensure legal certainty and protection of halal products as part of guaranteeing freedom of religion [19]. Historically, this transition has significant implication for state-religion relations in Indonesia, because it reshapes the balance authority between governmental bodies and

Islamic institution. Research on the prurality of halal *fatwa* authority notes that the Law No. 33/2014 and its implementing regulation create dual governance model in which doctrinal judgements about halal remain with MUI, while administrative control is increasingly held by BPJPH as a state organ [40]. Overall, before the mentioned law, halal certification in Indonesia was voluntary, dominated by MUI through LPPOM MUI, had weaker legal force, shorter validity, and a simpler certification process. After the Law No. 33/2014 certification has become mandatory, state-led under BPJPH with involvement of multiple actors (BPJPH, halal inspection bodies, and MUI), obtained its stronger legal certainty with sanctions, longer validity, stricter auditor qualifications, and a more complex certification procedure [18].

Contemporary challenges, social responses, and cultural transformations in Indonesia's halal regulation landscape. Contemporary implementation of the halal product assurance law from 2019 to 2023 has faced significant challenges, including limited administrative capacity, overlapping authorities, and uneven readiness of business. In practice, empirical studies show that the traditional halal certification process poses major difficulties for business, especially micro, small, and medium enterprises (MSMEs), due to complex procedures, high cost, and limited access to necessary information [46; 47]. Among these obstacles, insufficient financial capacity to cover certification expenses remains a key concern for MSMEs [48]. It is supported by the view that the traditional halal certification process is still slow and expensive, making it difficult for MSMEs with limited resources to comply [41]. To address these obstacles, Indonesian regulators introduced a self-declaration policy under BPJPH supervision, allowing business to declare halal compliance without going through the full certification process [49]. The regulation has emerged with the enactment of Law of the Republic of Indonesia of 20 November 2020 No. 11 «On job creation», an omnibus law that has been later reviewed by the Constitutional Court of the Republic of Indonesia. That law amended several provisions of Law No. 33/2014 to improve efficiency and clarity in halal product regulation [3]. Although the government has sought to reduce the barriers through the Regulation of the Minister of finance of 3 June 2021 No. 57/PMK.05/2021 «Service tariffs of the Public Service Agency of the halal product assurance organising body under the Ministry of Religious Affairs», issued as a follow-up to law on job creation, financial limitation has been still remaining a major obstacle. To address this issue, subsidies and free halal certification programmes have been introduced by ministries and local governments as a part of memorandum of understanding among ten state institutions to accelerate halal certification for small and medium enterprises [16]. Nevertheless, by mid-2021 many small and medium enterprises had

not been registered yet, largely due to limited dissemination and outreach by institutions such as BPJPH and halal inspection bodies [47]. Furthermore, that regulation flexibility has also created weaknesses in the system, such as a dispute over the validity of self-declarations, concerns about data accuracy, and the lack of adequate risk-assessment mechanism [41]. The most recent development in halal certification regulation is Law of the Republic of Indonesia of 31 March 2023 No. 6 «The enactment of Government regulation in lieu of Law No. 2 of 2022 on job creation into law», which took effect on 31 March 2023, formalised the job creation regulation and represents the second amendment to halal product assurance law on halal certification. That law introduced major reforms, including faster certification procedures, permanent halal certificates unless product ingredients would be changed, and greater use of electronic systems. It also encourages public participation, recognises self-declarations for business, reduces certification costs, and strengthens coordination among BPJPH, MUI, and halal inspection bodies [3].

Changes in consumption under the new halal regulation are increasingly seen as part of historical process in which Indonesian Muslims express their faith and social identity through market choices. Recent studies show that awareness of the halal lifestyle is driven by market demands and the need for halal guarantees for products consumed [50], thus making it a key aspect of shifting global culture [51], especially in Indonesia, where Muslims view religion as a pivotal part of daily

life¹. This pattern suggests that contemporary halal regulation does not simply respond to existing demand but actively shapes new expectations and habits. The development of a halal lifestyle in Indonesia has emerged as a defining modern phenomenon, especially among the Muslim middle class that connects religious commitment with aspirational consumption [32]. Studies describe how halal extends beyond food into fashion, cosmetics, travel, finance, and digital culture, forming a broad cultural industry, where Islamic norms, branding and lifestyle aspirations reinforce one another [52]. In this context, halal regulation functions as both a legal and symbolic framework that supports the growth of halal products and services, reinforcing the idea that the halal practices represent modernity, respectability, and social mobility.

In the history of global halal governance, Indonesia plays a unique role as a late adopter of strong state regulation but a strong new-born player an aspiring hub in the global halal economy [53]. Comparative studies show that Indonesia's halal system, led by BPJPH for administration and MUI for religious authority is different from those in Malaysia and the gulf states, creating both challenges for mutual recognition and opportunities for Indonesia to promote alternative standards and practices [16; 54]. Scholars suggest that, by improving domestic production, reforming halal regulations, and strengthening international cooperation, Indonesia can use its large domestic market and religious authority to gain greater influence in global halal governance [53].

Conclusions

This study demonstrates that halal regulation in Indonesia is the product of a long-term historical process, in which religious norms, social practices, and state authority have continuously interacted and evolved each other. The halal governance did not emerge abruptly through modern legislation, it developed gradually from socially embedded practices rooted in Islamisation and local customs, through periods of colonial accommodation, and post-independence institutional negotiation, culminating in a state-centred regulatory framework under the halal product assurance law. The findings have highlighted that contemporary halal regulation cannot be fully understood without recognising its historical continuity, in which authority of the ulama had not been eliminated but reconfigured within a formal legal-bureaucratic system. Halal regulation thus has reflected not just legal modernisation but also a broader transformation of state-religion relations and governance of religious norms in Indonesia.

In a broader context, the evolution of halal regulation carries significant implications for consumer protection, market governance, and the role of authority in plural societies. By redefining halal from a personal

religious duty into a legal right, the Indonesian state acts as both regulator and guarantor of halal compliance. This role is creating ongoing tensions between efficiency and legitimacy, flexibility and legal certainty, state authority and religious authority, which continue to shape debates on certification, MSMEs participation, and public trust. The Indonesian case helps us to explain how modern states are able to formalise religious norms in law while still respecting the role of traditional religious authorities.

Future research could extend these perspectives through comparative historical studies of Indonesia and other halal-regulating countries, such as Malaysia or the gulf states, thus allowing us to understand divergent paths of institutionalisation and authority-sharing better. Empirical research on local-level implementation, particularly the social reception of contemporary practices, would also enrich understanding of how regulatory changes are experienced in reality. More broadly, interdisciplinary approach of combining history, law, sociology, and political economy allows to explore how halal regulation continue to shape Muslim identity, consumption patterns, and state legitimacy in the global halal economy.

¹Indonesia halal markets report 2021/2022. Jakarta : Indonesia Halal Lifestyle Cent., 2021.

References

1. Alzeer J, Rieder U, Hadeed KA. Rational and practical aspects of halal and tayyib in the context of food safety. *Trends in Food Sciency and Technology*. 2018;71:264–267. DOI: 10.1016/J.TIFS.2017.10.020.
2. Anwar K, Husen YM. Halal as social capital: a study on economy and identity. *Jurnal Analisa Sosiologi*. 2025;14(1):[22]. DOI: 10.20961/JAS.V14I1.97460.
3. Kulsum SSD, Mu'in F, Mustika D, Febriati N. Transformation of halal certification in Indonesia from Islamic law perspective. *KnE Social Sciences*. 2025;10(8):249–262. DOI: 10.18502/KSS.V10I8.18437.
4. Azam SE, Abdullah MA. Halal standards globally: a comparative study of unities and diversities among the most popular halal standards globally. *Halalsphere*. 2021;1(1):11–31. DOI: 10.31436/hs.v1i1.20.
5. Wilson JAJ, Liu J. Shaping the halal into a brand? *Journal of Islamic Marketing*. 2010;1(2):107–123. DOI: 10.1108/17590831011055851/FULL/XML.
6. Bonne K, Verbeke W. Religious values informing halal meat production and the control and delivery of halal credence quality. *Agric Human Values*. 2008;25:35–47. DOI: 10.1007/S10460-007-9076-Y/METRICS.
7. Indrawan A. *Inilah 10 Negara dengan Populasi Muslim Terbesar di Dunia* [Internet]. 2015 [cited 2025 December 24]. Available from: <https://khazanah.republika.co.id/berita/dunia-islam/islam-nusantara/15/05/27/noywh5-inilah-10-negara-dengan-populasi-muslim-terbesar-di-dunia>.
8. Ikomatussuniah A, Bustami MR, Maler W, Mudzakkir Moh. Transformation of ulama's role in Nusantara: a case study of halalan thayyiban food law in Indonesia. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2021;11(4):447–462. DOI: 10.6007/IJARBS.V11-I4/9693.
9. Tjandrasasmita U. *Arkeologi Islam Nusantara*. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia; 2009. 370 p.
10. Syarif MF, Bin-Armia MS. The contribution of Islamic kingdoms to the development of Islamic judiciary in Indonesia: historical legal approach analysis. *Jurnal Kajian Ilmu Hukum dan Syariah*. 2022;7(2):61–69. DOI: 10.22373/PETITA.V7I2.146.
11. Pradana M, Kartawinata BR, Maharani D, Fakhri M, Kurniawan H. Culinary MSME consumers' attitude toward halal label: its effect on purchasing decision. *Jurnal Sosioteknologi*. 2021;20(1):[10]. DOI: 10.5614/SOSTEK.ITBJ.2021.20.1.6.
12. Amalia FA, Sosianika A, Suhartanto D. Indonesian millennials' halal food purchasing: merely a habit? *British Food Journal*. 2020;4:1185–1198. DOI: 10.1108/BFJ-10-2019-0748.
13. Febriandika NR, Wijaya V, Hakim L. Gen-Z Muslims' purchase intention of halal food: evidence from Indonesia. *Innovative Marketing*. 2023;19(1):13–25. DOI: 10.21511/im.19(1).2023.02.
14. Pradana M, Rubiyanti N, Marimon F. Measuring Indonesian young consumers' halal purchase intention of foreign-branded food products. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024;11(1):1–8. DOI: 10.1057/s41599-023-02559-0.
15. Susetyo H, Prihatini F, Karimah I, Khozi A. Regulating halal products in Indonesia: between religious needs and socio-economic challenges. *Mazahib*. 2019;18(1):1–43. DOI: 10.21093/MJ.V18I1.1372.
16. Cahyaningrum PA, Fatwa N, Al Asyhar T. Is Indonesia's self-declare halal certification model globally acceptable? In: Kyushu International University. *Proceedings of the 9th International conference on strategic and global studies – 2025; 2025 July 19–20; Fukyoka, Japan*. Dordrecht: Atlantis Press; 2025. p. 63–81. DOI: 10.2991/978-94-6463-918-6_5.
17. Sagita AM, Sasmini. The halal certification policy in Indonesia and the world trade organization. *International Journal of Integrated Science and Technology*. 2024;2(9):795–810. DOI: 10.59890/IJIST.V2I9.2396.
18. Faridah HD. Halal certification in Indonesia: history, development, and implementation. *Journal of Halal Product and Research*. 2019;2(2):68–78. DOI: 10.20473/JHPR.VOL.2-ISSUE.2.68-78.
19. Pietersz AK, Adolf H, Muchtar HN. Indonesia's mandatory halal certification: the potential of a technical barrier to trade as a trade promotion tool. *Journal of Law and Regulation Governance*. 2025;3(1):1–16. DOI: 10.57185/JLARG.V3I1.86.
20. Jalaluddin J, Azhar A, Muzainah G, Aseri M, Al Amruzi MF. Proliferation of halal regulation and enforcement in Indonesia and Malaysia. *Journal of Human Rights, Culture and Legal System*. 2024;4(1):194–208. DOI: 10.53955/JHCLS.V4I1.126.
21. Sofiana R, Utama S, Rohim A. The problems of halal certification regarding consumer protection in Malaysia and Indonesia. *Journal of Human Rights, Culture and Legal System*. 2021;1(3):180–193. DOI: 10.53955/JHCLS.V1I3.16.
22. Fenwick S. Eat, pray, regulate: the Indonesian Ulama Council and the management of Islamic affairs. *Journal of Law and Religion*. 2018;2:271–290. DOI: 10.1017/JLR.2018.23.
23. Calder R. Halalization: religious product certification in secular markets. *Sociological Theory*. 2020;4:334–361. DOI: 10.1177/0735275120973248.
24. Iswanto B. Job creation law and consequences in determining halal products: analysis of the halal Product Fatwa Committee. *Al-Adalah*. 2023;1:179–210. DOI: 10.24042/ADALAH.V20I1.16379.
25. Susanto NH. Incorporating the Islamic and Javanese cultural practices to promote social cohesiveness among the arda art community in Pekalongan, Indonesia. *European Journal of Science and Theology*. 2019;19(3):19–29.
26. Qodir Z. Islam nusantara as moderate and tolerant Islam: a literature research. *Jurnal Pendidikan Islam*. 2016;5(1):69–84. DOI: 10.14421/JPI.2016.51.69-84.
27. Cut M. Mixing religious rituals and mystical experience with modern democracy: Indonesia's sultan Hamengku Buwono IX. *Political Theology*. 2009;10(4):607–619. DOI: 10.1558/POTH.V10I4.607.
28. Dakir, Qodir A, Syahid A, Jamil AI. Coalition and establishment of authoritative religious leadership in maintaining halal product laws: a study on the Indonesian Council of Ulama [Internet]. 2021 [cited 2025 December 10]. Available from: <https://www.abacademies.org/articles/coalition-and-establishment-of-authoritative-religious-leadership-in-maintaining-halal-product-laws-a-study-on-the-indonesian-coun-11499.html>.
29. Izberk-Bilgin E. Infidel brands: unveiling alternative meanings of global brands at the nexus of globalization, consumer culture, and Islamism. *Journal of Consumer Research*. 2012;4:663–687. DOI: 10.1086/665413.
30. Rakhmani I. The personal is political: gendered morality in Indonesia's halal consumerism. *Trans-Regional and National Studies of Southeast Asia*. 2019;7(2):291–312. DOI: 10.1017/TRN.2019.2.
31. Fischer J, Nisa EF. Emerging middles: class, development and the halal economy in Indonesia and Malaysia. *Research in Globalization*. 2025;10:100276. DOI: 10.1016/J.RESGLO.2025.100276.
32. Muheramtohadhi S, Fataron ZA. The Islamic lifestyle of the Muslim middle economy class and the opportunities for the halal tourism industry in Indonesia. *Rumah Jurnal UIN Walisongo*. 2022;4(1):91–104. DOI: 10.21580/JDMHI.2022.4.1.10828.

33. Metzroth DJ, Shahidi F. Shortenings: science and technology. In: Fereidoon Shahidi, editor. *Bailey's industrial oil and fat products*. Hoboken: John Wiley & Sons; 2020. p. 1–35. DOI: 10.1002/047167849X.BIO044.PUB2.
34. O'Brien RD, Oswell NJ, Pegg RB. Shortenings: types and formulations. In: Fereidoon Shahidi, editor. *Bailey's industrial oil and fat products*. Hoboken: John Wiley & Sons; 2020. p. 1–25. DOI: 10.1002/047167849X.BIO038.PUB2.
35. Tonicelli Rigueto CV, Rosseto M, Alessandretti I, de Oliveira R, Raber Wohlmuth DA, Ferreira Menezes J. Gelatin films from wastes: a review of production, characterization, and application trends in food preservation and agriculture. *Food Research International*. 2022;162:112114. DOI: 10.1016/J.FOODRES.2022.112114.
36. Marikkar MN, Manaf YNA. Fats, oils, and emulsifiers. In: Mb Eaqub Ali, Nina Naquiah Ahmad Nizar, editors. *Preparation and processing of religious and cultural foods*. London: Woodhead Publishing; 2018. p. 241–251. DOI: 10.1016/B978-0-08-101892-7.00012-2.
37. Chairunnisayah S. The role of the Indonesian Ulema Council in issuing halal certificates for food and cosmetic products. *Jurnal Ilmu Pendidikan dan Ilmu Sosial*. 2017;3(2):64–75. DOI: 10.30596/ET.V3I2.1251.
38. Faidah M. Sertifikasi Halal di Indonesia dari civil society menuju Relasi Kuasa antara Negara dan Agama. *Islamica: Jurnal Studi Keislaman*. 2017;11(2):449–476. DOI: 10.15642/ISLAMICA.2017.11.2.449-476.
39. Rakhmawati NA, Fatawi J, Najib AC, Firmansyah AA. Linked open data for halal food products. *Journal of King Saud University. Computer and Information Sciences*. 2021;33:728–739. DOI: 10.1016/j.jksuci.2019.04.004.
40. Wajdi F. The plurality of fatwa authority and its impact on the halal ecosystem in Indonesia. *International Journal of Synergy in Law, Criminal, and Justice*. 2025;2(3):895–901.
41. Sahhari ASA, Azmi LK, Razi RF, Mukti KW, Hidayatullah I. Balancing regulatory efficiency and halal integrity: a governance analysis of Indonesia's self-declaration system in halal certification. *Jurnal Indo-Islamika*. 2025;15(1):153–172. DOI: 10.15408/JII.V15I1.47043.
42. Azhari M, Ulinnuha R. The relationship between agents and structures in changing the authority of halal certificates in Indonesia. *Jurnal Fuaduna: Jurnal Kajian Keagamaan dan Kemasyarakatan*. 2023;7(1):[11]. DOI: 10.30983/FUADUNA.V7I1.6165.
43. Prasetyanti LA, Surachman E, Ciptagustia A. Halal certification business ecosystem in Indonesia: a stakeholder and process analysis. *The International Journal of Business Review (The Jobs Review)*. 2025;8(1):46–60. DOI: 10.17509/TJR.V8I1.85795.
44. Hudaefi FA, Jaswir I. Halal governance in Indonesia: theory, current practices, and related issues. *Journal of Islamic Monetary Economics and Finance*. 2019;5(1):89–116. DOI: 10.21098/JIMF.V5I1.1049.
45. Wekke IS, Nusran M, Henny A, Azis SN. Indonesia's halal future: charting a path to global leadership [Internet]. 2024 [cited 2025 November 20]. Available from: <https://clck.ru/3TNSgu>.
46. Gandhi A. Identification of challenges and benefits of product certification on micro, small, and medium enterprises (MSMEs) in Indonesia. In: Tan Yan Weng, Ahad Ali, editors. *Proceedings of the 11th Annual international conference on industrial engineering and operations management; 2021 March 7–11; Singapore, Singapore*. Southfield: IEOM Society; 2021. p. 499.
47. Yuanitasari D, Susetyo H, Sardjono A. Digitalization of halal certification for SMEs: between hope and reality. *Journal of Foodservice Business Research*. 2025;9(2):179–196. DOI: 10.1080/15378020.2020.1768040.
48. Septiani D, Ridlwan AA. The effects of halal certification and halal awareness on purchase intention of halal food products in Indonesia. *Indonesian Journal of Halal Research*. 2020;2(2):55–60. DOI: 10.15575/IJHAR.V2I2.6657.
49. Masitah, Puspita EA, Wiriani E. Analysis of Sharia economic law on free halal certification through the self-declare mechanism. *Jurnal Hukum Ekonomi Syariah*. 2024;8(4):1665–1688. DOI: 10.35870/EMT.V8I4.3389.
50. Rohmi PK. Mobilizing the halal lifestyle of middle-class Muslims in Indonesia: an acceleration program of free halal certification for small and micro enterprises (SMES). *Al-Adalah*. 2022;25:55–166. DOI: 10.35719/ALADALAH.V25I2.307.
51. Rachim HA, Santoso MB. Mainstreaming the halal lifestyle: between opportunities and challenges of social protection capacity in global trends. *Jurnal Pemikiran dan Penelitian Administrasi Bisnis dan Kewirausahaan*. 2021;6(2):151–161. DOI: 10.24198/ADBISPRENEUR.V6I2.33085.
52. Huda F, Setiyowati A. Halal lifestyle: a study of revitalizing Islamic consumption of middle class Muslims. In: Februanty S, editor. *Proceedings of the 1st UMSurabaya multidisciplinary international conference – 2021; 2021 December 15–16; Surabaya, Indonesia*. Dordrecht: Atlantis Press; 2023. p. 186–194. DOI: 10.2991/978-2-38476-022-0_20.
53. Alkaff SHBO. *Indonesia's aspiration to become a global halal hub: opportunities and challenges ahead* [Internet]. 2025 [cited 2025 December 10]. Available from: <https://rsis.edu.sg/rsis-publication/idss/ip25036-indonesias-aspiration-to-become-a-global-halal-hub-opportunities-and-challenges-ahead/>.
54. Akbar J, Gul M, Jahangir M, Adnan M, Saud S, Hassan S, et al. Global trends in halal food standards: a review. *Foods*. 2023;12(23):4200. DOI: 10.3390/FOODS12234200.

Received 26.02.2026 / revised 23.03.2026 / accepted 25.03.2026.

УДК 94(575) + 94(5)

ТАЛАССКИЙ КУРУЛТАЙ 1269 г. И РАСПАД ИМПЕРИИ ЧИНГИСХАНА

Б. К. АБЫТОВ¹⁾, О. В. ПЕРЗАШКЕВИЧ²⁾

¹⁾Ошский государственный университет, ул. Ленина, 331, 723500, г. Ош, Кыргызстан

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрен исторический Таласский курултай 1269 г., который положил начало распаду огромной империи Чингисхана. Это знаменательное событие состоялось весной в Таласской долине на территории современного Кыргызстана. Река Талас и местность Талас с древнейших времен имели сакральное значение и неслучайно были выбраны ханом Хайду в целях проведения судьбоносного для империи Чингисхана и Чингисидов курултая. На этом курултае было заключено соглашение, согласно которому каждый из Чингисидов объявлялся главой самостоятельного государства. Таласский курултай стал последним всемонгольским курултаем. После него в образовавшихся независимых государствах, включая Хайду, были проведены денежные, налоговые и политические реформы, сохранившие очень многое из того, что было заложено в Ясе Чингисхана.

Ключевые слова: Талас; курултай; Чингисиды; хан Хайду; улусы; государства Чингисидов; реформы.

ТАЛАСКІ КУРУЛТАЙ 1269 г. І РАСПАД ІМПЕРЫІ ЧЫНГІСХАНА

Б. К. АБЫТАЎ^{1*}, А. В. ПЕРЗАШКЕВІЧ^{2*}

^{1*}Ошскі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Леніна, 331, 723500, г. Ош, Кыргызстан

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анатацыя. Разгледжаны гістарычны Таласкі курултай 1269 г., які паклаў пачатак распаду вялізнай імперыі Чынгісхана. Гэта знамянальная падзея адбылася вясной у Таласкай даліне на тэрыторыі сучаснага Кыргызстана. Рака Талас і мясцовасць Талас са старажытных часоў мелі сакральнае значэнне і невыпадкова былі выбраны ханам Хайду ў мэтах правядзення лёсавызначальнага для імперыі Чынгісхана і Чынгісідаў курултая. На гэтым курултаі было заключана пагадненне, згодна з якім кожны з Чынгісідаў аб'яўляўся кіраўніком самастойнай дзяржавы. Таласкі курултай быў апошнім усемангольскім курултаем. Пасля яго ў незалежных дзяржавах, уключаючы Хайду, былі праведзены грашовыя, падатковыя і палітычныя рэформы, якія захавалі вельмі шмат з таго, што было закладзена ў Ясе Чынгісхана.

Ключавыя словы: Талас; курултай; Чынгісіды; хан Хайду; улусы; дзяржавы Чынгісідаў; рэформы.

Образец цитирования:

Абытов БК, Перзашкевич ОВ. Таласский курултай 1269 г. и распад империи Чингисхана. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;2:66–73. EDN: QFAGGR

For citation:

Abytov BK, Perzashkevich OV. The Talas Kurultai of 1269 and a collapse of the Genghis Khan's empire. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;2:66–73. Russian. EDN: QFAGGR

Авторы:

Байболот Капарович Абытов – доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор; руководитель Фонда восточных рукописей и наследия Института востоковедения.

Олег Валерьевич Перзашкевич – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета.

Authors:

Baibolot K. Abytov, doctor of science (history), corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, full professor; director of the Oriental Manuscripts and Heritage Collection, Institute of Oriental Studies.

babytov@oshsu.kg

<https://orcid.org/0000-0003-0267-5127>

Oleg V. Perzashkevich, PhD (history), docent; associate professor at the department of ancient and medieval history, faculty of history.

perzashkevich@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-7496-3166>

THE TALAS KURULTAI OF 1269 AND A COLLAPSE OF THE GENGHIS KHAN'S EMPIRE

B. K. ABYTOV^a, O. V. PERZASHKEVICH^b

^aOsh State University, 331 Lenina Street, Osh 723500, Kyrgyzstan

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. V. Perzashkevich (perzashkevich@bsu.by)

Abstract. This article examines the historical Talas Kurultai of 1269, which marked the beginning of the disintegration of Genghis Khan's vast empire. This momentous event took place in the spring in the Talas Valley in what is now Kyrgyzstan. The river and terrain of the Talas have held sacred significance since ancient times, and it was no coincidence that Haidu Khan chose this kurultai, a landmark event for the Genghis Khan's empire and the Genghisids. At this kurultai, an agreement was reached declaring each ruler the head of an independent state. The Talas Kurultai was the last pan-Mongol kurultai. Following it, the newly independent states, including Haidu, implemented monetary, tax, and political reforms that preserved much of what had been laid out in Genghis Khan's Yasa.

Keywords: Talas; kurultai; Genghisids; Haidu Khan; uluses; Genghisid states; reforms.

Введение

Значения и последствия Таласского курултая 1269 г. уже не раз подвергались детальному изучению. Однако, учитывая его чрезвычайную важность как для всеобщей истории, так и для истории Кыргызстана, представляется возможным еще раз обратиться к тем событиям с помощью анализа не только традиционных в этом случае летописных сводов Рашид ад-Дина, сведений Махмуда Кашгари, Джамала ал-Карши и Марко Поло, но и синхронных рассматриваемым событиям нумизматических данных. Ко всему этому видится целесообразным расширить список письменных источников, подтверждающих значение Таласа в мировой истории за счет указаний Менандра Протектора.

Итак, исходное положение таково, что в 1269 г. в Таласской долине был заключен мирный договор между Чингисидами и поддержавшими их крупными феодалами Чагатайского и Угэдэйского улусов империи Чингисхана.

Необходимо отметить, что кыргызские и казахские историографы при определении участников Таласского курултая расходятся во мнении. В кыргызской историографии считается, что в том последнем, историческом курултае Чингисидов участвовали только потомки Чагатай и Угэдэя из соответствующих улусов¹ [1; 2]. Однако согласно казахской историографии в этом курултае, кроме вышеназванных Чингисидов, участвовали и представители улуса Джучи, старшего сына Чингисхана. Относительно участия представителей улуса Джучи на Таласском

курултае у казахстанской стороны имеются бесспорные аргументы.

Как представляется, в настоящий момент имеется возможность поставить точку в этих разногласиях. В данном случае есть основания полагать, что если не прямые потомки Джучи, то их официальные представители, без сомнения, принимали участие в этом курултае. Заметим, что решения Таласского курултая на тот момент вполне устраивали всех участников раздела огромной империи. Было ясно, что прежнее управление империей Чингисхана и деление империи при его правнуках стали невозможными.

Целью настоящего исследования выступает определение места и роли Таласского курултая и его последствий для истории Азии в целом и истории Кыргызстана в частности, а также установление причины того, почему для проведения этого курултая был выбран именно Талас. Соответственно цели были поставлены следующие задачи:

- 1) соотнести все виды доступных источников между собой и более детально реконструировать на их основе документированную историю Таласского курултая и его последствий;
- 2) определить причины выбора Таласа для проведения курултая;
- 3) установить роль в этих событиях хана Хайду и киргизских земель;
- 4) выявить причинно-следственные связи между событиями Таласского курултая и действиями хана Хайду.

¹Джуманалиев Т. История Кыргызстана с древних времен до середины XVIII века : учеб. для студентов вузов. Бишкек : Алтын Принт, 2016. 476 с. ; История кыргызов и Кыргызстана : учеб. пособие для вузов / ред. Т. Койчурев. Бишкек : Илим, 1995. 328 с. ; Осмонов О. Дж. История Кыргызстана (с древнейших времен до наших дней) : учеб. для вузов / ред. С. Алымкулов. Бишкек : Мезгил, 2017. 624 с. ; Хрестоматия по истории государства и права Кыргызстана : учеб. пособие / сост. Б. И. Борубашов. Бишкек : Кырг.-рос. слав. ун-т, 2019. Т. 1. 718 с. ; Чотонов У. Ч. Отечественная история : учеб.- метод. пособие для выпускников вузов / У. Ч. Чотонов, К. И. Иманканов, Ж. А. Абдырахманов. Бишкек : Бишкек. гос. ун-т, 2007. 112 с.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленных целей использованы не только вполне ожидаемые здесь описательный и историко-генетический методы, но и историко-системный подход. Вместе с тем проведен анализ титулатуры и генеалогии Чингисидов в сопоставлении с данными нумизматики, а также анализ сведений

археологии, истории экономики и исторической географии. Таким образом, удалось дополнить традиционные данные письменных источников новыми сведениями и деталями, а также построить более полную картину Таласского курултая и его последствий, выявить его значение для истории Кыргызстана.

Результаты и их обсуждение

Таласский курултай установил новые военно-политический и государственный порядки в Евразии. Именно на этом курултае были определены правители новых улусов. Согласно договору между Чингисидами первым потомкам старшего сына Чингисхана Джучи, который умер еще при жизни отца, был выделен улус Золотая Орда, занимавший обширную территорию от Алтая до р. Дунай. Этот факт свидетельствует о том, что даже если представители клана Джучи не принимали участия в курултае, то остальные потомки Чингисхана не могли пренебречь правом улуса Джучи на отдельное существование. Следовательно, на Таласском курултае должны были присутствовать представители данного улуса.

Скажем несколько слов о месте проведения курултая. Талас – долина реки и местность, также известная как Великий Талас (Жаны Тараз или Йанги Тараз), неслучайно был выбран местом проведения последнего всемонгольского курултая. Река Талас и местность Талас, которые сегодня находятся на кыргызской земле, известны с древнейших времен и связаны с важнейшими событиями истории Центральной Азии в частности и всей Азии в целом. Талас сыграл свою роль и во взаимоотношениях запада и востока Азии. Именно здесь в древние времена был заключен военно-торговый союз и состоялись две крупнейшие судьбоносные битвы, которые стали поворотными пунктами в истории Азии и определили основные векторы ее военно-политического развития как в Средние века, так и в Новое время.

Более 2000 лет тому назад, в 36 г. до н. э., в Таласской долине под стенами крепости Чжичжичэн, также известной как город Чжичжи-шаньюя, произошли события, вошедшие в историю как Таласская битва. В этой битве столкнулись запад и восток Азии в лице представителей военного союза во главе с западными хунну с одной стороны и восточных хунну в союзе с Китайской империей с другой стороны. Данная битва завершилась в пользу союзников Китая. После этого китайцы почти 800 лет (до 751 г.) не подвергались прямой военной агрессии.

Следующим знаковым для Таласской долины событием явился заключенный здесь тюркско-византийский союз. В 568 г. Истеми Багадур-ябгу, также известный византийцам как Дизавул, заключил в Таласе антииранский торговый и военный союз с Византией. Византийский император Юстин II, правив-

ший в 565–578 гг., для создания этого союза прислал к кагану Истеми посольство Земарха [3, с. 11–13].

Еще одним весьма важным событием стала битва в долине р. Талас, которая состоялась в 751 г. и имела мировое историко-политическое значение. На сей раз сражение происходило между армией арабского Аббасидского халифата при поддержке Карлукского каганата и армией Танской империи. Результатом битвы стала победа Аббасидского халифата и его союзников, что положило начало распространению ислама в Мавераннахре и Средней Азии (именно так называлась в средневековых исторических источниках Центральная Азия). Помимо этого, исход сражения обусловил расширение арабского влияния, утверждение господства арабов на центральноазиатских участках Великого шелкового пути. Фактически эта битва стала первым значимым столкновением двух самых могущественных цивилизаций того времени (китайской и исламской цивилизаций) и оказала решающее влияние на дальнейшее продвижение арабов на восток.

Историческое значение Таласа и стало причиной того, что эта земля считалась священной для всех тюрков, живших в войлочных домах. Данную территорию знаменитый Махмуд Кашгари в свое время назвал «Улуг Талас» («Великий Талас») [4; 5].

Упомянутый выше курултай стал следующим судьбоносным событием, произошедшим в Таласе и повлиявшим на региональную и мировую историю. Величие и значение Таласа определили и выбор хана Хайду, который решил провести здесь последний всемонгольский курултай и положить конец единой империи Чингисхана.

Разумеется, что и самому Чингисхану, создателю империи и Ясы, и его преемникам казалось, что эта держава вечна. В целях эффективного и бесконфликтного управления ею Чингисхан перед смертью разделил свои владения между четырьмя сыновьями от первой жены Бортэ – Джучи (старший сын, который умер раньше отца и был представлен своими сыновьями), Чагатаем, Угэдэем и Тулуем, при этом первому сыну он отдал 9 тыс. монгольских воинов, второму сыну – 8 тыс. монгольских воинов, третьему и четвертому сыновьям – по 5 тыс. монгольских воинов [1, с. 17].

Самые отдаленные завоеванные земли – северо-западные окраины империи – достались старшему

²Махмуд Кашгари. Словарь тюркских языков / пер.: Т. Токоев, К. Кошмоков. Бишкек : Avrasyapress, 2011. Т. 1. 906 с. (на кырг.).

сыну Джучи. Как известно, Джучи получил в свое владение территории от истоков р. Иртыш до волжских булгар, Кавказ и часть Средней Азии, включая Хорезм, Дешт-и-Кипчак и западные земли.

Второй сын Чингисхана, Чагатай, был хранителем Ясы. Его улусом стала Центральная Азия с Самаркандом и Бухарой, а также Ферганская долина, Семиречье, Восточный Туркестан и др.

Третий сын, Угэдэй, получил земли к югу от р. Иртыш, в том числе Алтай, Западную Монголию и Джунгарию. Угэдэй, как оказалось, был добр и склонен к чрезмерным возлияниям, поэтому не считался опасным для монгольской знати, опасавшейся ханского произвола.

Четвертый сын, Тулуй, получил ядро владений – центральную часть Монголии. Он был одним из самых способных полководцев и энергичных правителей. Военную выучку Тулуй получил в Китае, сражаясь против лучших чжурчжэньских полководцев под руководством Субэдэя, который за 50 лет военной службы не потерпел ни одного поражения и ни разу не нарушил законов Ясы. Близость к Субэдэю обеспечила Тулую популярность в войсках.

Разделяя территорию империи между сыновьями, Чингисхан также сказал, кому из четверых сыновей он завещает быть всемонгольским правителем и управлять государством после его смерти. Так, Рашид ад-Дин сообщает: «Затем вели разговоры о делах государства и о царствовании. Согласно завещанию Чингисхана достоинство кагана утвердили за Угэдэй-каганом. Сначала сыновья и царевицы единодушно сказали Угэдэй-кагану: “В силу указа Чингисхана тебе нужно с божьей помощью душой отдаться царствованию, дабы предводители непокорных были готовы служить [тебе] жизнью и дабы дальние и ближние, тюрки и тазики [все] подчинились и покорились [твоему] приказу”»³ [6, с. 19].

Известно, что обширная территория, на которой располагаются нынешние страны Центральной Азии, оказалась в составе улусов Чагатай и Угэдэй. Первоначально все было спокойно: Угэдэй завершил завоевание Хорасана, жестоко разграбив Мерв, Балх, Герат и Нишапур. Несмотря на признание Угэдэя великим ханом, Чагатай при его правлении сохранял авторитет старшего брата и знатока Ясы. Угэдэй и Чагатай умерли в один год.

Борьба за власть началась при их сыновьях. На курултае 1251 г. при силовой поддержке хана Батыя, правителя улуса Джучи, великим ханом был провозглашен Мунке, старший сын Тулуя. Правящие до этого потомки Угэдэя попытались оказать сопротивление, но подверглись репрессиям и лишились своего улуса, а также права претендовать на ханский престол. Часть из них была ликвидирована, а часть – сослана в дальние улусы.

Хану Мунке, правившему в 1251–1259 гг., недолгое время удавалось сохранять единство управляе-

мой им огромной империи, созданной Чингисханом и его сыновьями. Однако уже в этот период улус Джучи начал обретать некоторую самостоятельность относительно имперского центра. После смерти хана Мунке в 1259 г. на ханский престол претендовали двое его братьев. В 1260 г. на курултае в Каракоруме великим ханом империи Чингисхана был провозглашен Ариг-Буга. Одновременно его брат Хубилай, находившийся в военном походе в Китае, созвал собственный курултай в Кайпине (город на севере Китая), где его также провозгласили великим ханом. Так, в один год на двух всемонгольских курултаях во главе одной империи появились два великих хана. Обоих поддерживали их сторонники из числа Чингисидов. Единая империя все еще держалась на плаву, хотя и существовало временное двоевластие.

Разгоравшаяся с течением времени политическая борьба переросла в настоящую войну между двумя Чингисидами, которая шла с переменным успехом. В конце концов она закончилась победой Хубилая. Это столкновение стало заметной трещиной в единой империи Чингисхана, но ее формального распада не случилось. Воспользовавшись такой ситуацией в стане Чингисидов, во второй половине XIII в. на историко-политическую арену вышел внук Угэдэя, хан Хайду.

К тому времени границы Монгольской империи простирались от Японского моря до р. Дунай, ее общая территория составляла 33,2 млн км². Фактически это был результат территориальных захватов, завоеваний и различных договоренностей. Под монгольской властью оказались множество народов и некогда самостоятельных государств, большинство из которых по уровню политического, социально-экономического и культурного развития были намного выше своих завоевателей. С течением времени беспрестанные войны и столкновения между Чингисидами, растущее недовольство и сопротивление завоеванных народов, а также трудности в управлении империей постепенно подтачивали государственные устои Монгольской империи.

Выделенные еще при жизни самого Чингисхана улусы сыновей все больше и больше стремились состояться как самостоятельные государственные единицы. Уже во времена хана Хайду этот процесс стал очевидной политической реальностью. Именно по этой причине весной 1269 г. хан Хайду и созвал в Таласской долине знаменитый курултай [7; 8, с. 393–394].

Как указывает Вассаф, курултай состоялся в Катванской степи. Однако о том, что это событие произошло именно в Таласе, сообщил нам Рашид ад-Дин [9, с. 582]. Знаменитый летописец повествует: «Весною 667 года [1269] все эти царевицы собрались на луговьях Таласа и Кенжека и после недели пирования, на восьмой день, держали совет» [10, с. 71]. Решения, принятые на курултае, показывают, что

³Цитаты приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

«все участники были проникнуты духом Ясы и степными традициями» [9, с. 583].

Главными действующими лицами курултая были потомки Удэгэя Хайду и Кыпчак, потомок Джучи Беркечар и потомок Чагатая Барак [10, с. 70]. Именно в этом и кроется разгадка противоречий между казахскими и киргизскими исследователями Таласского курултая. Участие в нем представителей улуса Джучи после этих указаний Рашид ад-Дина сомнений вызывать не должно.

Вначале на курултае выступил Хайду: «Славный дед наш Чингисхан завоевал мир благоразумием, рассудительностью и ударами меча и стрел и предоставил [его], устроив и приуготовив, для своего рода. И вот по отцам мы все родные друг другу. Прочие же царевицы – наши старшие и младшие братья, и между ними совсем нет разногласия и распри. Отчего же им быть между нами?» [10, с. 71]. Тогда Барак ответил: «Да, положение таково, однако ведь и я тоже плод того древа. Для меня тоже должны быть назначены юрт и средства для жизни. Чагатай и Угэдэй были сыновьями Чингисхана. В память о кагане Угэдэе остался Хайду, а о Чагатае – я, а о Джучи, который был их старшим братом, – Беркечар и Менгу-Тимур, а о Тулуе, который был младшим братом, – Хубилай-каган. Сейчас он захватил восточные страны Хитай и Мачин, размеры которых ведаёт великий господь. Западные страны от реки Амуйе до Сирии и Мисра захватил, как отцовский удел, Абага-хан и его братья, а между этими обоими улусами [лежат] области Туркестан и Кыпчакбаши, которые в пределах вашего владения. И все-таки вы сообща восстали на меня. Сколько я ни задумываюсь, я не считаю себя совершившим преступление» [10, с. 71]. В ответ ему сказали: «Право на твоей стороне. Решение таково: не будем впредь помянуть минувшего, поделим справедливо летние и зимние стойбища и поселимся в горах и степях, потому что эта область крайне опустошена и невозделана» [10, с. 71].

На Таласском курултае были определены границы трех улусов. Две трети Мавераннахра получил Барак, треть досталась Хайду и Менгу-Тимуру. Власть Хайду распространялась также на окрестности Бухары. Собравшиеся ханы, основываясь на общем наследии Чингисхана, с этого времени договорились держать свои ставки не в городах, а в горах и степях, на открытых местностях. Хайду и Барак дали друг другу клятву верности и стали друг другу названными братьями – «андами» [9, с. 583].

Хайду, Беркечар (дядя и представитель Менгу-Тимура) и Барак поклялись на золоте (старинный обычай дачи клятвы) и договорились о делимитации границ. После этого они разошлись, и каждый отправился в свое владение [10, с. 71].

Таким образом, Таласская долина по праву считается местом заключения мира между Чингисидами из кланов Чагатай, Угэдэй и Джучи. Здесь были установлены границы их владений, а также признаны два новых улуса сыновей Тулуса – улус Хубилая и улус Хулагу. Вместе с тем все эти решения положили начало официальному распаду империи Чингисхана.

Хан Хайду расширил свои владения на западе до р. Сырдарьи и Ферганы включительно за счет бывших владений улуса Чагатай. Правители улусов Джучи, Чагатай и Угэдэй признали улусы друг друга независимыми государствами и заключили союз против великого хана Хубилая на тот случай, если он будет оспаривать их самостоятельность как отдельных государств.

Признанные на курултае два новых улуса (улус Хубилая и улус Хулагу) вообще не имели отношения к завещанию Чингисхана. Они появились после его смерти и не существовали до этого ни в политическом, ни в социально-экономическом, ни в юридическом аспектах [11].

Решения Таласского курултая устраивали на тот момент всех участников раздела Монгольской империи. Данный курултай поставил юридическую точку в процессе признания распада империи Чингисхана [10, с. 71]. В результате на карте мира официально появились следующие государства:

- 1) улус Джучи (Золотая Орда), который простирался от Алтая до р. Дунай;
- 2) улус Чагатай, который занимал территорию Средней Азии;
- 3) улус Угэдэй – государство Хайду, расположенное на землях Восточного Туркестана и Средней Азии;
- 4) улус Хубилая, охватывающий территорию Китая и Монголии;
- 5) улус Хулагу – государство Ильханов, которое занимало земли Ирана, Ирака, Малой Азии⁴ [12, с. 34–50; 13].

Без сомнения, главным результатом Таласского курултая был не выбор великого хана или установление границ улусов, а официально оформленный раздел единой империи Чингисхана между независимыми государствами. Созданная мечом, силой и мощью Чингисхана империя распалась, просуществовав после его ухода всего 43 года.

Важно отметить, что разделение единой империи было осуществлено не только по территориальному, но и по идеологическому признаку. Великий хан Хубилай, искусный политик, все более отходил от законов Ясы и склонялся к проверенному тысячелетиями китайскому имперскому опыту функционирования державы и управления ею. В то же время

⁴Миргалеев И. Курултай 1269 года поставил юридическую точку в процессе распада Монгольской империи // Реальное время : сетевое изд. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/136698-raspad-mongolskoy-imperii> (дата обращения: 25.01.2026); Эсенкул А. Таласский курултай: история и познание // Кут Билим : сайт. URL: <https://kutbilim.kg/ru/news/inner/talasskij-kurultaj-istoriya-poznanie-ru/> (дата обращения: 25.01.2026).

он до конца своей жизни бился за выполнение наказа «потрясателя Вселенной» – расширение империи до последних пределов мира. Во многом именно это отвлечение войск на внешние завоевания и не позволило ему справиться с внутренним распадом державы Чингисхана. В свою очередь, хан Хайду полностью отказался от выполнения наказа расширить империю до последних пределов мира.

Совсем не удивительно, что историки по-разному оценивают результаты этого курултая. Например, В. В. Бартольд и Э. Цендмаа считают, что здесь произошло «отложение» западного крыла Монгольской империи, во главе которого стал хан Хайду. Однако о полной независимости улусов речь не шла. М. Г. Сафаргалиев отмечает, что по решению данного курултая три улуса стали-таки независимыми государствами [14, с. 321–322]. В свою очередь, Р. Ю. Почекаев и вовсе решил, что, кроме независимости, правители этих улусов приняли титулы ханов⁵ [15]. Некоторые основания для этого действительно есть: в 1266–1272 гг. в Булгаре чеканились монеты с тамгой Менгу-Тимура, которая обозначалась как «главная тамга», и с титулом «ан-Насир ли-Дин Аллах» («помогающий вере в Аллаха») [16].

Тем не менее для историков очевидно, что Таласский курултай стал точкой распада империи Чингисхана. Разумеется, что для многих людей раздел единой Монгольской империи стал, как бы сказали сегодня некоторые политики, величайшей геополитической катастрофой. В качестве примера можно взять то влияние, которое он оказал на функционирование Великого шелкового пути [17, р. 119–127]. В то же время для политических элит образовавшихся государств (например, для ставки великого хана Хубилая) этот распад стал своеобразным праздником и началом независимого существования [12, с. 43].

Однако считать Таласский курултай полным крахом идей Чингисхана неверно. Яса и другие правила, установления и порядки, система управления Чингисхана продолжали существовать в новых государствах Чингисидов еще не одно столетие. Традиции Монгольской империи сохранялись даже через 100 лет, когда владения Чингисидов в большинстве своем ушли с историко-политической арены. На их развалинах, в свою очередь, появились новые государственные образования, которые имели свои правила и интересы. Однако они сохраняли очень многое из того, что было заложено в Ясе Чингисхана [18, с. 69–82].

В результате Таласского курултая на территории современного Кыргызстана и частично на территории Казахстана возникло первое самостоятельное государство Чингисидов – государство Хайду, названное по имени правнука Чингисхана хана Хайду, инициатора и организатора данного курултая.

Именно на Таласском курултае хан Хайду объявил о своей независимости от власти великого хана Хубилая.

Великий хан Хубилай, конечно, не оставил эту ситуацию без внимания, однако все его военные и политические попытки вернуть владения не имели заметного успеха. В результате новое государство Чингисидов (государство Хайду) включало в себя в основном земли бывших улусов Чагатай и Угэдэя и занимало территорию от Алтая до р. Амударьи, в том числе Восточный Туркестан.

Чуйская долина нынешнего Кыргызстана стала личной вотчиной Хайду: здесь располагалась его ставка. В Таласской долине сначала находилась ставка его младшего сына Уруса, а затем ставка старшего сына Чапара (Жапара). Многие феодалы, происшедшие из династии Чингисидов, получили земли в южных районах Кыргызстана.

Хан Хайду родился в 1236 г. Его имя означает «доблестный рыцарь, беззаветно преданный какой-либо идее». Хан Хайду был воспитан при дворе великого хана. В свое время он имел возможность быть участником заговора против хана Мунке, за что и был сослан на поселение на горный хребет Тарбагатай [12, с. 47].

Во время борьбы братьев Хубилая и Ариг-Буги за власть Хайду активно поддерживал последнего. Когда Ариг-Буга помирился с братом, Хайду возглавил кампанию против Хубилая, несмотря на то что многие потомки Чагатай и Угэдэя уже не раз бывали репрессированы за участие в заговоре (например, за участие в заговоре против хана Мунке).

Благодаря своим способностям и помощи Берке, брата Батые, Хайду сумел создать небольшое владение в долине рек Эмил и Черный Иртыш. В самом начале своей политической карьеры Хайду имел военный отряд в количестве 2–3 тыс. человек [19, с. 480–481].

В 1260 г. Хубилай попытался пригласить Хайду к себе в Китай на курултай. Хубилай прекрасно понимал, что этот внук Угэдэя является самым сильным претендентом на его престол. Однако Хайду, предчувствуя опасность со стороны великого хана Хубилая, под различными предложениями 3 года подряд отказывал в визите.

В 1266 г. в Узгенде (город на территории нынешнего Южного Кыргызстана) хан Барак объявил себя главой Чагатайского улуса. После ряда военных столкновений с войсками великого хана Хубилая Чагатайский улус стал самостоятельным государством. Вскоре хан Барак был разбит Хайду. На призыв Барака заключить мир Хайду ответил следующим образом: «Добрые слова ты молвил, однако еще лучше, если мы не будем поминать минувшее, устроим сообща курултай, очистим грудь от давней вражды, оставим

⁵Почекаев Р. Ю. Правовое положение улуса Джучи в Монгольской империи 1224–1269 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.docsity.com/ru/docs/pravovoe-polozhenie-ulusa-dzhuchi-v-mongolskoy-imperii-1224-1269-gg-konspekt-istoriya/307398/> (дата обращения: 10.02.2026).

упорство и упрямство и заключим друг с другом договор, что при всех обстоятельствах будем согласны и будем помогать друг другу» [10, с. 70–71].

Согласно данным Джамала ал-Карши, который два раза встречался с Хайду, хан был одаренным, мудрым, умным и всезнающим правителем [20, с. 49–50]. Эти личные качества, несомненно, помогли Хайду собрать других Чингисидов на Таласский курултай.

Стоит отметить, что до сих пор не существует единого мнения о провозглашении Хайду ханом. В свое время академик В. В. Бартольд писал: «Наши источники ничего не говорят о провозглашении Хайду главой рода, о совершении над ним обряда вознесения на белом войлоке, т. е. провозглашения ханом» [9, с. 583]. Того же мнения придерживаются и кыргызский ученый О. Караев.

Дело в том, что в письменных источниках действительно отсутствуют какие-либо известия о провозглашении Хайду ханом на Таласском курултае. Тем не менее, судя по уже приведенным сведениям Рашид ад-Дина, Хайду, вероятно, считался главой всех Чингисидов улусов Чагатай и Угэдэя, поскольку он имел право собирать дань во владениях всех участников курултая, мог назначить начальниками пограничных с владениями джучидов, хулагидов и Хубилая областей своих сыновей. Да и после смерти хана Барака его войска присягнули непосредственно Хайду [1, с. 25]. Джамал ал-Карши свидетельствует: «Что касается хана нашей страны Кайду (Хайду) б. [сына] Кастая б. [сына] великого кагана Уктая (Угэдэя) б. [сына] Чингисхана, то он стал правителем в конце месяца мухаррам 670/август 1271 года в Таразе» [20, с. 49].

Согласно свидетельствам современников хан Хайду прекрасно понимал, что сила и стабильность государства напрямую связаны с его экономическим развитием. В связи с этим он предпринял ряд существенных мер по улучшению хозяйства, развитию как внутренней, так и внешней торговли (в первую очередь по Великому шелковому пути). Хан Хайду проводил очень много работ по восстановлению разрушенных разными завоевателями городов и сел, населенных пунктов. Вот что пишет о его владениях известный путешественник Марко Поло: «В великой Турции царь Хайду. Много у него городов и замков, и очень он силен. Он татарин, и народ его татарский, славные они воины, да и неудивительно: все они к войне привычны» [21, с. 487]; «Хайду... может выставить в поле более ста тысяч всадников, всех храбрецов, к войне и сражениям привычных» [1, с. 26].

На основе того, что сегодня мы знаем о правлении хана Хайду, его вполне можно назвать реформатором. Он заботился о нуждах простого народа, строил новые города, активизировал торгово-экономические связи, что, судя по всему, давало ему поддержку со стороны различных слоев населения страны.

Хан Хайду упорядочил и регламентировал систему налогообложения, чтобы пополнять государственную казну, не вызывая особенного недовольства населения, а также ограждал его от произвольных местных поборов и грабежей. Для этого он потребовал взимать с населения только законные подати и налоги [9, с. 583].

Кроме того, хан Хайду провел денежную реформу. В 1264–1302 гг. на всей территории государства была налажена чеканка качественных монет, имевших твердую пробу и вес. Если кто-либо из его владений хотел сам чеканить монеты, Хайду разрешал передавать такому человеку серебро на местный монетный двор, где за определенную плату из этого серебра чеканили монеты установленного образца⁶.

Хан Хайду также предоставил определенные гарантии землепашцам. Он обязал кочевых феодалов содержать скот в определенных зимних и летних кочевьях, не допуская его выпаса на засеянных землепашцами полях [9, с. 583].

Все эти начинания обеспечили расцвет экономики в государстве Хайду. В это время важное значение приобрели Тарсакент (город, располагавшийся около современного Бишкека, дословно его название переводится как «город христиан») и Караялык (город, находившийся близ опустевшего Баласагуна) [22, с. 17]. Внутреннее спокойствие в государстве, безопасность дорог и упорядочение финансов создавали благоприятные условия для внутренней и транзитной торговли. Наметился подъем ремесла. Хан Хайду развил еще несколько городов, в том числе Ош, Андижан, Тараз [23, с. 242].

Разумеется, развитию государства Хайду мешали всевозможные войны, особенно война с великим ханом Хубилаем и его подданными. Великий хан не раз намеревался восстановить свою власть в Средней Азии и систематически вторгался в государство Хайду. В ответ в 1276 и 1286 гг. хан Хайду совершил походы в Большой юрт (так назывались тогда владения великого хана). В 1277 г. Хайду даже удалось на несколько месяцев завладеть Каракорумом, откуда его выбили войска великого хана [24, с. 230]. В 1280-х гг. хан Хайду ликвидировал уйгурскую династию Турфанского княжества, которая поддерживала великого хана Хубилая, и включил его территорию в состав своего государства.

Хан Хайду скончался в военном походе в 1301 г. После его смерти междоусобная война местных Чингисидов за власть снова обострилась. Она привела к полному разорению городов Кыргызстана [1, с. 34–43]. В 1370 г. государство Хайду распалось на две части: на территории горной системы Тянь-Шань возникло новое государственное объединение – Моголистан [1, с. 44–46], а на землях Мавераннахра – могучее в будущем государство Тимура.

⁶Islamic world. Chaghatayid, 624-790AH, temp. Qaidu 662-701AH // Zeno.ru – Oriental coins database : website. URL: <https://www.zeno.ru/showgallery.php?cat=1148> (date of access: 24.01.2026).

Заключение

Талас сыграл значительную роль во взаимоотношениях Востока и Запада. Именно здесь в древние времена был заключен военно-торговый союз и состоялись две крупнейшие судьбоносные битвы, которые стали поворотными пунктами в истории Азии и определили основные векторы ее военно-политического развития как в Средние века, так и в Новое время.

В 1269 г. Таласская долина стала как местом проведения последнего в истории империи Чингисхана всемонгольского курултая, так и свидетелем начала

распада великой империи. По результатам Таласского курултая Талас вошел в состав владений хана Хайду, который провел в своей стране важные реформы и способствовал развитию городов, торговли и в какой-то мере обеспечению политической стабильности в регионе. Следовательно, тот факт, что эти события напрямую связаны с древней славной кыргызской землей – Таласом, который, как видно из вышеизложенного, обоснованно можно считать историческим регионом [25], является скорее символом, чем случайностью.

Библиографические ссылки

1. Караев ОК. *Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан*. Бишкек: Кыргызстан; 1995. 160 с.
2. Ромодин ВА, редактор. *Материалы по истории киргизов и Киргизии*. Бишкек: Кыргызско-турецкий университет «Манас»; 2002. 315 с. (Источники по истории тюркских народов).
3. Жданович ОП. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Механдра Протектора). *Золотоордынское обозрение*. 2014;2:6–20. EDN: TMZYPI.
4. Чоротегин ТК. Махмуд Кашгари и его «Сборник тюркских языков». *Ала-Тоо*. 1988;4:112–125 (на кирг.).
5. Султаналиев И. «*Диван лугат ат-турк*» Махмуда Кашгари и современный кыргызский язык. Бишкек: Кыргызстан; 2011. 89 с.
6. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей. Том 2*. Верховский ЮП, переводчик; Петрушевский ИП, редактор. Москва: Академия наук СССР; 1960. Повествования об Угэдэй-кагане. Памятка о возникновении [разных] обстоятельств его царствования и подробности восшествия его на каганский престол; с. 18–20.
7. Петров ПН, Камышев АМ. Йанги Тараз XIII–XIV вв. и открытие его географического местонахождения по нумизматическим данным. *Золотоордынское обозрение*. 2019;7(2):266–282. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.266-282.
8. Доманин АА. *Монгольская империя Чингисидов. Чингисхан и его преемники*. Москва: Центрполиграф; 2005. 415 с. (Загадки истории).
9. Бартольд ВВ. *Сочинения. Том 1, Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Москва: Восточная литература; 1963. 759 с.
10. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей. Том 3*. Анендс АК, переводчик; Ромаскевич АА, Бертельс ЕЭ, Якубовский АЮ, редакторы. Москва: Академия наук СССР; 1946. Рассказ о прибытии Борака из Мавераннахра в Хорасан, сражении его с войском Абага-хана, его поражении и обращении в бегство; с. 69–81.
11. Петрушевский ИП. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256–1353 гг.). В: Тихвинский СЛ, редактор. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. Москва: Наука; 1977. с. 228–259.
12. Далай Ч. *Монголия в XIII–XIV веках*. Москва: Наука; 1983. 232 с.
13. Миргалеев ИМ. Распад Монгольской империи: Таласский курултай. В: Сайфетдинова ЭГ, редактор. *Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного золотоордынского форума. Выпуск 3*. Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан; 2019. с. 47–50. EDN: MBOABI.
14. Сафаргалиев МГ. *На стыке континентов и цивилизаций: из опыта образования и распада империй X–XVI вв.* Муслимов ИБ, составитель. Москва: Инсан; 1996. 768 с.
15. Бартольд ВВ. *Киргизы (исторический очерк)*. Фрунзе: Киргизское государственное издательство; 1927. 57 с.
16. Бугарчев АИ, Степанов ОВ. О болгарских монетах Менгу-Тимура с титулом «ан-Насир ли-Дин Аллах» (1266–1272 гг.). *Археология Евразийских степей*. 2022;6:8–13. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.6.8.13.
17. Curtin PD. *Cross-cultural trade in world history*. Cambridge: Cambridge University Press; 1998. XI, 293 p.
18. Нагель Т. *Тимур-завоеватель и исламский мир позднего Средневековья*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1997. 640 с.
19. Грум-Гржимайло ГЕ, составитель. *Западная Монголия и Урянхайский край. Том 2, Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии*. Ленинград: Ученый комитет Монгольской Народной Республики; 1926. VI, 900 с.
20. Джамал ал-Карши. *Мулхакат ас-Сурах*. Саидов А, переводчик. Душанбе: Ирфон; 2006. 268 с.
21. Марко Поло. *Книга о разнообразии мира*. Минаев И, переводчик; Жикаренцев А, Антонов С, редакторы. Санкт-Петербург: Азбука; 2018. 576 с. (Азбука-классика. Non-fiction).
22. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей. Том 2*. Верховский ЮП, переводчик; Петрушевский ИП, редактор. Москва: Академия наук СССР; 1960. Памятка о сыновьях и внуках Угэдэя; с. 9–18.
23. Кыдырлы Д, Примбетов С, Базылхан Н, редакторы. *Тюркский мир: историко-культурный атлас*. Нур-Султан: Международная тюркская академия; 2020. 360 с.
24. Trauzettel R. Die Yüan-Dynastie. In: Weiers M, Herausgeber. *Die Mongolen: Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft; 1986. 653 S.
25. Меньковский ВИ, Шмигель М, Жеребцов ИЛ. Центральная Азия как исторический регион. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;4:54–62. EDN: KOZVZZ.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

КРЫНИЦА ЗНАЇСТВА

SOURCE STUDIES

УДК 94

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ АДРЕСАТА АХД-НАМЕ ЭПОХИ АНУШТЕГИНИДОВ

Д. ТЕКАЕВ¹⁾

¹⁾Туркменский государственный педагогический институт им. Сеитназара Сеиди,
ул. Шабенде, 7, 746100, г. Туркменабад, Туркменистан

Аннотация. Продолжается научная дискуссия вокруг адресата письменной клятвы верности (ахд-наме) из сборника образцовых документов «Ат-тавассул ила ат-тарассул» Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади. Впервые комплексно анализируется данное ахд-наме с применением сравнительно-исторического анализа, контекстуализации и методов источниковедения. Детально разбираются структура и содержание документа, которые позволяют выявить систему взаимных обязательств сюзерена и вассала, а также сопоставляются его положения с данными других современников Текеша. На основе скрупулезного изучения мусульманских источников, нумизматических данных и документов официальной переписки выдвигается и обосновывается новая гипотеза об адресате данного ахд-наме. В качестве наиболее вероятного адресата рассматривается Тоган-шах, правитель Нишапура, чьи политические отношения с хорезмшахом Текешем в период 1181–1183 гг. в наибольшей степени соответствуют реалиям, описанным в документе. Предлагается новая, веско аргументированная версия атрибуции, демонстрируется преемственность канцелярских традиций от эпохи Сельджукидов к эпохе Ануштегинидов.

Ключевые слова: Текеш; ахд-наме; Тоган-шах; Кутлуг-Инанч; Тогрул III.

Образец цитирования:

Текаев Д. Дискуссия вокруг адресата ахд-наме эпохи Ануштегинидов. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2026;2:74–83.
EDN: QKJUH5

For citation:

Tekayev D. Discussion around adresse of the ahd-nama from the era of the Anushteginid. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2026;2:74–83. Russian.
EDN: QKJUH5

Автор:

Динмухаммет Текаев – преподаватель кафедры истории Туркменистана и методики ее преподавания факультета истории.

Author:

Dinmuhammet Tekayev, lecturer at the department of history of Turkmenistan and its methodology, faculty of history.
dinmuhammettekayew@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-5571-3472>

ДЫСКУСІЯ ВАКОЛ АДРАСАТА АХД-НАМЕ ЭПОХІ АНУШТЭГІНІДАЎ

Д. ТЭКАЕЎ^{1*}

^{1*} Туркменскі дзяржаўны педагагічны інстытут імя Сейтназара Сейдзі,
вул. Шабендэ, 7, 746100, г. Туркменабад, Туркменістан

Анатацыя. Працягваецца навуковая дыскусія вакол адрасата пісьмовай клятвы вернасці (ахд-наме) са зборніка ўзорных дакументаў «Ат-тавасул іла ат-тарасул» Баха ад-Дзіна Мухамада ал-Багдадзі. Упершыню комплексна аналізуецца гэта ахд-наме з ужываннем параўнальна-гістарычнага аналізу, кантэкстуалізацыі і метадаў крыніцазнаўства. Дэталёва разбіраюцца структура і змест дакумента, якія дазваляюць выявіць сістэму ўзаемных абавязацельстваў сюзерэна і васала, а таксама супастаўляюцца яго палажэнні з данымі іншых сучаснікаў Тэкеша. На аснове скрупулёзнага вывучэння мусульманскіх крыніц, нумізматычных даных і дакументаў афіцыйнай перапіскі высюўваецца і абгрунтоўваецца новая гіпотэза аб адрасце дадзенага ахд-наме. У якасці найбольш верагоднага адрасата разглядаецца Тоган-шах, кіраўнік Нішапура, чые палітычныя адносіны з харэзмшахам Тэкешам у перыяд 1181–1183 гг. у найбольшай ступені адпавядаюць рэаліям, апісаным у дакуменце. Прапануецца новая, важка аргументаваная версія атрыбучы, дэманструецца пераемнасць канцэлярыскіх традыцый ад эпохі Сельджукідаў да эпохі Ануштэгінідаў.

Ключавыя словы: Тэкеш; ахд-наме; Тоган-шах; Кутлуг-Інанч; Тогрул III.

DISCUSSION AROUND ADRESSE OF THE AHD-NAMA FROM THE ERA OF THE ANUSHTEGINID

D. TEKAYEV^a

^a Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute,
7 Shabende Street, Turkmenabat 746100, Turkmenistan

Abstract. The scholarly debate surrounding the addressee of the written oath of allegiance (ahd-nama) from Baha al-Din Muhammad al-Baghdadi's collection of exemplary documents «At-tawassul ila at-tarassul» continues. This ahd-nama is comprehensively analysed for the first time using comparative historical analysis, contextualisation, and source study methods. The document's structure and content are examined in detail, revealing the system of mutual obligations between overlord and vassal, and its terms are compared with those of Tekesh's contemporaries. Based on a meticulous study of Muslim sources, numismatic data, and official correspondence, a new hypothesis regarding the addressee of this ahd-nama is put forward and substantiated. The most likely addressee is considered to be Togan-shah, the ruler of Nishapur, whose political relations with the Khorezmshah Tekesh between 1181 and 1183 were marked by a series of conflicting events. They most closely correspond to the realities described in the document. A new, compellingly argued version of attribution is proposed, demonstrating the continuity of clerical traditions from the Seljuk era to the Anushteginid era.

Keywords: Tekesh; ahd-nama; Togan-shah; Kutlug-Inanch; Togrul III.

Введение

Хорезмшах Ала ад-Дин Текеш (1172–1200), позиционируя себя преемником Великих Сельджукидов (1138–1157), стремился к интеграции их бывших владений. После распада империи Сельджукидов в 1157 г. Хорасан превратился в арену борьбы за сельджукское наследие между Текешем, его братом Султан-шахом (1172–1193) и султаном Гияс ад-Дином ал-Гури (1163–1202).

Ключевым инструментом в этой борьбе стало привлечение местных правителей в систему вассалитета, юридически закрепляемую через ахд-наме (перс. عهدنامه, от араб. عَهْد (ахд) – клятва и перс. نامه (наме) – документ; букв. 'документ завета, акт присяги верности'). Этот тип акта, заимствованный из сельджукской канцелярской традиции, фикси-

ровал взаимные обязательства: вассал гарантировал лояльное отношение, военную поддержку, чеканку монет и чтение хутбы с именем сюзерена, получая взамен покровительство и легитимацию своих прав на управление территорией. Особое внимание в документе уделялось санкциям, которые вассал устанавливал себе сам на случай нарушения клятвы. Образцом такого документа является ахд-наме из сборника главы канцелярии Текеша Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади «Ат-тавассул ила ат-тарассул» («Книга искания доступа к деловой переписке») [1, с. 138–144].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа переустройства политического пространства Среднего Востока

в период смены сельджукского доминирования властью династии Ануштегинидов (1157–1231). Проблема идентификации конкретного адресата ахд-наме выходит за рамки узкой источниковедческой задачи и имеет принципиальное значение для решения более широких вопросов истории XII в. Атрибуция документа позволяет определить стратегические приоритеты хорезмшаха Текеша. Обоснование гипотезы в пользу Тоган-шаха доказывает, что первоочередными задачами Текеша были консолидация Хорасана и создание буферной зоны для ослабления династии Гуридов (1148–1215), а не немедленная экспансия персидского Ирака (Западного Ирана). Идентификация адресата проливает свет на природу власти хорезмшахов. Анализ документа демонстрирует стремление хорезмшахов к институциональной легитимации своей власти, а также подтверждает преемственность сложной бюрократической модели династии Великих Сельджукидов и ее адаптацию для интеграции регионов. Ахд-наме выступает не как

формальный шаблон, а как реальный инструмент управления, позволяющий реконструировать модели взаимодействия *центр – периферия* и *вассал – сюзерен*, использовавшиеся на мусульманском Востоке XII в.

Таким образом, данное исследование служит ключом к пониманию процессов имперского строительства и механизмов поддержания баланса сил между крупными державами и региональными правителями. Целью настоящей статьи выступает проведение критического разбора гипотез и определение наиболее вероятного адресата ахд-наме эпохи Ануштегинидов.

Методологической основой данного исследования является комплексный анализ текста ахд-наме, включающий его источниковедческую критику, изучение структуры документа, использование сравнительно-исторического метода для сопоставления с другими актами указанной эпохи и контекстуальный анализ в рамках политической истории государства Ануштегинидов.

Историография вопроса

В востоковедении история государства Ануштегинидов, начиная с классических трудов В. В. Бартольда и заканчивая современными исследованиями, традиционно рассматривается как одна из наиболее изученных тем. Вместе с тем работы, непосредственно посвященные ахд-наме и проблеме его идентификации, которая выступает объектом настоящего исследования, остаются крайне немногочисленными. На сегодняшний день статья немецкого востоковеда Ю. Пауля «An oath of fealty for Tekesh» («Присяга на верность Текешу») [2] является единственным научным трудом по рассматриваемой теме.

Заслуга Ю. Пауля заключается прежде всего в смещении исследовательского фокуса с нарративных хроник на документы из собрания инша¹, что позволило по-новому подойти к анализу механизмов политического взаимодействия в государстве Ануштегинидов. Ключевым аналитическим инструментом в работе Ю. Пауля выступает понятие «хидма» (букв. ‘служба’), которое он трактует как социальный институт, регулирующий взаимные права и обязанности сюзерена и его вассала [2, с. 275].

Вместе с тем при всей значимости методологического подхода Ю. Пауля предложенная им идентификация адресата ахд-наме остается дискуссионной. Хотелось бы сразу отметить, что единственный источник, на который опирается автор в своих рассуждениях, – это труд академика З. М. Буниятова [2, с. 286]. Его анализ в значительной степени сосредоточен на формально-юридических и концептуальных аспектах документа и в меньшей степени

соотнесен с конкретными политическими биографиями региональных правителей.

В то же время отношения хорезмшаха Текеша с региональными правителями, которые теоретически могли выступать адресатами данного документа, неоднократно рассматривались в трудах, опубликованных в разные годы. В частности, данный вопрос в своих исследованиях затрагивали В. В. Бартольд [3, с. 401–413], И. Кафесоглу [4, с. 84–147], Х. Хорст [5, с. 138], М. А. Кёймен [6, с. 228–231], К. Э. Босуорт [7, р. 180–183, 188–192], З. М. Буниятов [8, с. 38–41, 44–58], М. Гюрбюз [9, с. 38, 174, 186, 209], Ю. Пауль [10, р. 602, 605–608], Э. Пикок [11, р. 118–121], Г. Азар Насырабады [12, с. 36–37, 49–59, 90–91; 13, с. 35–36, 39–41, 43, 45–46; 14, с. 63–68, 122–123, 126] и Д. М. Тимохин [15, с. 47–51, 54; 16]. Для указанных ученых приоритетным направлением исследований оставалась политическая история региона, в то время как вассально-сюзеренные отношения в государстве Ануштегинидов не выделялись ими в качестве объекта специализированного анализа. Подобная расстановка приоритетов во многом объясняет и тот факт, что ахд-наме, зафиксированное в сборнике Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади, который объединяет документы эпохи Текеша, не было введено данными исследователями в научный оборот.

В период правления Текеша ведущими политическими силами Центральной Азии и Ближнего Востока выступали династии Ануштегинидов, Гуридов (1148–1215), Ильденизидов (1136–1225), иракских Сельджукидов (1119–1194), каракитаи (1124–1218) и Багдадский халифат (740–1258). В трудах вышеупомянутых ученых анализировались и взаимоотношения

¹Инша (араб. إنشاء) – специальный сборник, в который включались образцы официальной переписки, государственных указов, дипломатических посланий и частных писем. Поскольку оригиналы указов отправлялись адресатам, в канцеляриях оставляли копии самых важных документов, которые позже объединялись в книги.

хорезмшаха Текеша с рядом региональных правителей, политическое положение которых имеет принципиальное значение для настоящего исследования. К числу таких фигур относятся правитель Нишапура Тоган-шах (1174–1185), ильденизидский атабек Кутлуг-Инанч (1191–1196) и последний султан государства иракских Сельджукидов Рукн ад-Дин Тогрул III (1176–1194). Их отношения с Текешем востоковеды реконструировали на основании данных нарративных и канцелярских источников, однако без привлечения ахд-наме.

Отношения Текеша с Тоган-шахом в историографии рассматривались в контексте общей политической истории государства Ануштегинидов, Хорасана как исторической области и событий периода правления самого Текеша. При анализе соответствующих исследований прослеживается зависимое положение нишапурского правителя по отношению к Хорезму. В результате фигура Тоган-шаха в историографии предстает как пример регионального правителя, чьи отношения с хорезмшахом характеризуются устойчивыми признаками политической зависимости, что делает Тоган-шаха перспективной фигурой для дальнейшего источниковедческого сопоставления (без прямой атрибуции адресата ахд-наме).

Фигура Кутлуг-Инанча в трудах историков чаще всего появляется в связи с описанием политических событий в государстве иракских Сельджукидов и походов Текеша в персидский Ирак. Во многих исследованиях подчеркиваются нестабильность политической ориентации Кутлуг-Инанча, его колебания

между различными центрами силы и временный характер союзов, что затрудняет однозначную интерпретацию отношений данной фигуры с хорезмшахом в категориях устойчивого вассалитета.

Личность сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула III занимает значительное место в историографии, что обусловлено как его ролью в политической истории региона, так и падением государства иракских Сельджукидов. В исследованиях, посвященных его отношениям с хорезмшахом Текешем, последнему нередко приписывается большая ответственность за гибель султана в битве при Рее в 1194 г. и ликвидацию сельджукской государственности в Ираке. В то же время различия между советско-российской, турецкой и западной историографическими традициями свидетельствуют о значительной степени интерпретационной вариативности образа Тогрула III и роли Текеша в указанных событиях.

Таким образом, несмотря на значительный массив исследований, посвященных политической истории эпохи Текеша и его взаимодействию с региональными правителями, проблема соотношения этих отношений с содержанием ахд-наме до настоящего времени не получила специального источниковедческого рассмотрения. В данной работе предпринимается попытка восполнить данный пробел путем анализа отношений хорезмшаха Текеша с ключевыми региональными правителями с помощью критериев, выявленных в исследовании Ю. Пауля, что позволит по-новому подойти к вопросу идентификации адресата данного документа.

Содержание и характер ахд-наме

Как уже отмечалось, в труде Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади содержится одно ахд-наме, в котором неназванному региональному правителю даются инструкции по принесению присяги Текешу [1, с. 138–144]. Текст ахд-наме с комментариями переведен на английский язык [2, с. 278–284]. Документ начинается с введения. Его основную и самую объемную часть составляет непосредственно клятва, а в конце приводится перечень наказаний, которые обязан понести присягнувший в случае нарушения клятвы. Однако интересный элемент, подчеркивающий взаимность клятвы, представлен в документе ранее: наказание наступает только в случае, если Текеш выполнит свои обязательства перед присягающим правителем.

В тексте четко указано, что Текеш предоставит региональному правителю определенные условия в виде поддержки и помощи. Хорезмшах должен был относиться к присягающему с добротой, оказывать ему милости и поддерживать его, вероятно, и в военных вопросах [1, с. 142–143]. Этот факт позволяет утверждать, что отношения сюзерена и вассала в данном случае были основаны на взаимных обязательствах и правах.

Таким образом, можно выделить стандартные положения подобных отношений: присягающий объявляет себя другом друзей своего господина и врагом его врагов, что означает отказ от заключения союзов по собственному усмотрению. Он обязан всегда следовать за своим господином (в данном случае за хорезмшахом Текешем), не потворствовать злым замыслам против Текеша и по мере возможности препятствовать заговорам и бунтам [1, с. 141]. Верность регионального правителя Текешу должна проявляться в чтении пятничной проповеди с именем хорезмшаха, чеканке монет на его имя, демонстрации хорезмийских флагов во всех подвластных землях присягнувшего [1, с. 140]. Подчинение предполагает военную поддержку: вассал обязуется по первому требованию отправлять войска без каких-либо уловок, поскольку искренность является одним из важнейших обязательств [1, с. 142].

Однако присягающий не упоминает о личной встрече с Текешем и не заявляет о намерении прибыть во дворец для церемонии подтверждения клятвы. Его обязательства по отношению к господину носят преимущественно политический характер: вассал обязуется информировать о происходящих в своих

землях событиях, которые могут представлять угрозу, и делиться сведениями о региональных делах [1, с. 141–142]. Таким образом, обмен информацией между присягающим и правителем Хорезма становится значительным.

Главный аспект клятвы заключается в намерении Текеша и регионального правителя завоевать новые территории [1, с. 143]. Ахд-наме содержит правила обращения с хорезмийскими войсками, которые могут быть отправлены для этой цели: они обладают определенными правами и не полностью подчинены присягающему правителю. Как правило, только верховный правитель решал, кто станет правителем новых территорий [1, с. 143]. В конце ахд-наме говорится о том, что будет делать региональный правитель, если отступится от своей клятвы [1, с. 143–144]. Несмотря на многократные заявления регионально-го правителя о верности, текст подчеркивает взаимные обязательства сторон.

Справедливости ради следует отметить, что бывали случаи, когда такие клятвы верности наруша-

лись. Достаточно вспомнить савганд-наме (перс. سوگندنامه, от перс. سوگند (савганд) – клятва и перс. نامه (наме) – документ; аналогичный ахд-наме документ) хорезмшаха Атсыза (1128–1156), отправленное султану Санджару (1118–1157) в мае 1141 г.: «Со своей стороны хорезмшах, тревожась за свои владения, решил вернуться к повиновению султану Санджару и в шаввале 535 г. х.² (май 1141 г.) отправил ему верноподданническую грамоту (савганд-наме), в которой заверял, что не выступит против него» [8, с. 11]; «Отправляя султану Санджару клятву верности, Атсыз вовсе не думал соблюдать вассальную покорность» [8, с. 13]. 3. М. Буниятов в своей работе приводит перевод текста савганд-наме на русский язык [8, с. 11–12]. По содержанию этот текст весьма сходен с текстом ахд-наме из книги «Ат-тавассул ила ат-тарассул». Проведенное сравнение демонстрирует преемственность формуляра ахд-наме: несмотря на увеличенный объем исследуемого нами документа, его основа остается идентичной более ранним образцам.

Критический анализ гипотезы Пауля

В качестве наиболее вероятных адресатов ахд-наме Ю. Пауль рассматривает Кутлуг-Инанча из династии Ильденизидов и последнего султана иракских Сельджукидов Рукн ад-Дина Тогрула III, являвшихся главными фигурами внутрдинастических и военных конфликтов в персидском Ираке начала 1190-х гг. Предшествующие события очень подробно описаны в трудах востоковедов [4, s. 116–119; 6, s. 220–229]. В связи с этим не будем специально останавливаться на этом.

В 1192 г. Кутлуг-Инанч, правивший в Рее, потерпел поражение от Тогрула III в битве при Керманшахе. Большинство воинов Кутлуг-Инанча перешли на сторону султана, который незадолго до этого освободился из заточения. После поражения Кутлуг-Инанч обратился за помощью к Текешу. Хорезмшах, откликнувшись на просьбу, в 1193 г. прибыл в персидский Ирак, захватив Рей и крепость Табрак. Испугавшись силы хорезмшаха, Кутлуг-Инанч и его мать укрылись в крепости Сарджахан.

Воспользовавшись ситуацией, Тогрул III отправил Текешу богатые дары, надеясь получить его покровительство в борьбе против Кутлуг-Инанча. Более того, он выдал свою дочь за сына Текеша Йунис-хана и пообещал чеканить монеты и произносить хутбу с именем хорезмшаха в Иракском султанате, признавая вассальную зависимость [8, с. 52]. Тем не менее Текеш вернулся, узнав о наступлении Султан-шаха на Гургандж.

В контексте исследования проблемы закономерно возникает вопрос о возможности идентификации в качестве адресата ахд-наме последнего

сельджукского султана Ирака Тогрула III. Известно, что в период острой политической нестабильности в Западном Иране султан был вынужден признать верховенство хорезмшаха Текеша. Однако детальный анализ содержания документа и исторического контекста позволяет поставить под сомнение гипотезу о том, что его адресатом являлся последний султан государства иракских Сельджукидов.

Во-первых, вслед за Ю. Паулем [2, с. 286] отметим, что при составлении подобного документа в отношении представителя династии Сельджукидов канцелярия хорезмшаха неизбежно использовала бы специфические риторические приемы. В тексте должен был присутствовать хотя бы завуалированный намек на смену политических ролей, т. е. на то, что наследник прежних сюзеренов Ануштегинидов теперь сам выступает в роли их вассала. Отсутствие подобной особенности в исследуемом ахд-наме свидетельствует против кандидатуры сельджукского султана.

Во-вторых, требования, заложенные в документе, предполагали полный отказ регионального правителя от атрибутов суверенитета. Трудно представить, что Тогрул III добровольно согласился бы на повсеместное введение имени Текеша в хутбу и чеканку монет в ключевых центрах Сельджукского султаната, таких как Хамадан и Исфахан. Столь радикальное ограничение власти, фактически низводящее султана до статуса рядового наместника, не находит подтверждения в источниках. Более того, сам Тогрул III обладал высокими амбициями; находясь в конфронтации с халифом ан-Насиром Лидинилахом (1180–1225) и атабеком Кутлуг-Инанчем, он

²Здесь и далее сокращение «г. х.» используется для обозначения термина «год хиджры».

стремился не к подчинению, а к консолидации власти и сдерживанию продвижения Текеша на запад.

Дальнейшее развитие событий показало, что признание верховенства Хорезма было для правителя Западного Ирана и Ирака лишь тактическим маневром с целью выиграть время. Сразу после ухода основных сил Текеша из персидского Ирака сельджукский султан нарушил соглашение, атаковав хорезмийский гарнизон и санкционировав убийство наместника – эмира Тамгача. Такой нестабильный и фиктивный характер отношений, закончившихся гибелью Тогрула III в 1194 г., не мог быть зафиксирован в столь детальном фундаментальном юридическом документе. Таким образом, совокупность политических и формальных факторов исключает Тогрула III из числа потенциальных адресатов рассматриваемого ахд-наме.

Кроме того, Ю. Пауль считает, что наиболее вероятным сценарием появления документа являются события 1192 г., поскольку в 1194 г. атабек Кутлуг-Инанч и хорезмшах Текеш встретились лично и церемония сделала бы письменную присягу излишней. По мнению ученого, в тексте упоминается правитель, который предстает как могущественная, хотя и нуждающаяся в поддержке фигура. Такой образ больше соответствует Кутлуг-Инанчу в 1192 г., а не в 1194 г. [2, с. 286].

Однако обращение к историческим источникам выявляет недостаточную обоснованность аргументации немецкого исследователя. В 1192 г. Кутлуг-Инанч укрылся у своей матери в Рее и оттуда отправил послов к хорезмшаху Текешу с сообщением о том, что Тогрул III овладел персидским Ираком. Современник событий, видный историк Изз ад-Дин ибн ал-Асир (1160–1233) в своем труде «ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод истории») сообщает: «Между ним [Тогрулом III] и Кутлуг-Инанчем, сыном ал-Бахлавана (Пахлавана), правителем той страны, шла война. Кутлуг потерпел в ней поражение и укрепился в Рее. Тогрул направился в Хамадан, а Кутлуг-Инанч послал за помощью к хорезмшаху Ала ад-Дину Текешу, который выступил к нему в [пятьсот] восемьдесят восьмом году. Когда они приблизились друг к другу, Кутлуг-Инанч начал сожалеть о своем поступке и испугался за себя. Он уклонился от встречи и заперся в одной из своих крепостей» [17, с. 280]. Из этих данных можно сделать вывод о том, что уже в 1192 г. Кутлуг-Инанч сожалел о своем решении. Авторитетный персидский историк эпохи Хулагуидов (1256–1335) Ата-Мелик Джувейни (1226–1283) в труде «Тарих-и-джахан Гошай» («История завоевателя мира») также отмечает: «Узы братства и согласия сохранялись между двумя братьями до 588 года [1192–1193], когда Кутлуг-Инанч, сын атабека Мухаммада, сына Ильдениза, отправил гонцов к султану из Ирака, чтобы сообщить о султани Тогруле Сельджуке – о том, как бежал из крепости, в которую был заточен, и теперь вырывал королевство Ирак из его рук. В ответ

на его просьбу о помощи султан выступил из Хорезма. <...> Когда солнце вошло в созвездие Овна, он отправился в Ирак наказывать мятежников. И когда известие о его приходе дошло до Кутлуг-Инанча и его матери, они пожалели о том, что призвали его, и решили укрыться в крепости» [18, с. 207–208]. Если Кутлуг-Инанч сожалел о призыве Текеша, то как он мог в том же 1192 г. принять подчиненное положение и принести письменную присягу? Здесь очевидно, что, опасаясь Тогрула III, Кутлуг-Инанч просил помощи у Текеша. Текеш же увидел в этом возможность реализовать планы своего отца Абу-л-Фатха ил-Арслана (1156–1172) по захвату персидского Ирака и овладению сельджукским наследием. Ни в одном источнике нет подтверждения тому, что в 1192 г. Кутлуг-Инанч стал подчиненным Текеша. Напротив, упоминается его сожаление о призыве на помощь.

В 1194 г. в Семнани Кутлуг-Инанч вместе со своими сторонниками и иракскими эмирами присоединился к хорезмшаху Текешу: «Когда наступил пятьсот девяностый год, султан Тогрул направился в Рей и атаковал там людей хорезмшаха. Кутлуг-Инанч, сын ал-Бахлавана, бежал от него и вновь обратился к хорезмшаху за помощью. Это совпало с прибытием к хорезмшаху посла халифа с жалобой на Тогрула и требованием отправиться в его страну. Посол также привез указ о передаче земель Тогрула в управление хорезмшаху. Текеш выступил из Нишапура в Рей. Кутлуг-Инанч встретил его с повинованием, и его воины присоединились к нему» [17, с. 281]. Изз ад-Дин ибн ал-Асир подчеркивает, что Кутлуг-Инанч встретил Текеша с повинованием. У современника событий Садр ад-Дина ал-Хусайни (? – ок. 1225) содержится дополнительная информация: «Кутлуг-Инанч поцеловал землю перед ним, рассказал о своем положении и о перенесенных трудностях. Хорезмшах Текеш благосклонно принял его, оказал милость, щедро наградил и пообещал помощь. Он распорядился одарить Кутлуг-Инанча и его спутников почетными одеждами» [8, с. 53]. Награждение почетными одеждами означало принятие Кутлуг-Инанча и его сторонников. В то же время источники не содержат данных о том, что Кутлуг-Инанч письменно дал клятву верности Текешу. Ю. Пауль предполагает, что состоялось своего рода церемониальное мероприятие, но это не подтверждает факта принесения письменной присяги.

Однако остается непонятным, почему немецкий востоковед в своей статье, несмотря на отсутствие однозначных данных об адресате, даже не упомянул Тоган-шаха, сосредоточившись исключительно на султани Тогруле III и атабеке Кутлуг-Инанче. В то же время в другой статье ученый подробно рассмотрел политические события с участием правителя Нишапура [10, р. 602, 605–608].

Тоган-шах как вероятный адресат

В этой части работы мы проанализируем фигуру Тоган-шаха, сопоставляя контекст его правления с требованиями, заложенными в тексте ахд-наме.

После смерти хорезмшаха Абу-л-Фатха ил-Арслана в 1172 г. в Хорезме началась борьба за верховную власть. В этой борьбе правитель Нишапура Муайид Ай-Аба (1162–1174) поддержал младшего сына Абу-л-Фатха ил-Арслана Султан-шаха (1172–1193), за что поплатился жизнью [4, с. 36; 8, с. 39]. В результате битвы при Субурни в 1174 г. Султан-шах потерпел поражение, а Муайид Ай-Аба был казнен по приказу Текеша. Сын Муайида Ай-Абы, Тоган-шах, унаследовал власть над Нишапуrom в сложный период, когда регион стал объектом борьбы между внешними силами.

После разгрома Султан-шах устремился в Хорасан. В борьбе за земли Хорасана основным противником Султан-шаха стал упомянутый Тоган-шах – правитель Нишапура и других земель региона. 13 мая 1181 г. войска Тоган-шаха потерпели поражение в битве при Асйа-и Хафс, и все его имущество и казна оказались в руках Султан-шаха [3, с. 403; 4, с. 90; 8, с. 40]. Можно утверждать, что именно после этого поражения Тоган-шах осознал необходимость в покровительстве сильного правителя, способного обеспечить его безопасность. В качестве потенциальных сюзеренов выступали хорезмшах Текеш и Гияс ад-Дин ал-Гури из династии Гуридов. Сведения исторических источников подтверждают, что в конечном итоге Тоган-шах предпочел получить покровительство от хорезмшаха. Ниже приводятся аргументы, доказывающие, что Тоган-шах является наиболее вероятным адресатом ахд-наме, исходя из правовых требований и условий, которые изложены в тексте исследуемого документа.

Чеканка монет. Наиболее наглядным примером выражения вассальной зависимости является чеканка монет. В 1181–1182 гг. по приказу Тоган-шаха в Нишапуре отчеканили монеты на имя Текеша. На монетах, отчеканенных в Нишапуре в 577 г. х. (1181–1182), написано: «ас-Султан ал-Муаззам Ала ад-дунйа вад-дин Абул Музаффар Текеш бин хорезмшах ал-Малик ал-Адил Тоган-шах бин ал-Малик ал-Музаффар Санджар»³ (цитата приводится с сохранением языковых особенностей оригинала) [4, с. 100; 9, с. 38]. Эту надпись можно считать убедительным доказательством того, что Тоган-шах принял верховную власть хорезмшаха Текеша. Данная ситуация также свидетельствует о том, что Нишапур, которым управлял Тоган-шах, находился под властью Текеша. Особо важно отметить, что монета была отчеканена в 577 г. х. Вышеупомянутая битва

между Тоган-шахом и Султан-шахом произошла в 576 г. х., и в ней Тоган-шах потерпел поражение. Если вассал хорезмшаха осуществлял чеканку монет на его имя, то он также в обязательном порядке должен был ввести имя Текеша в хутбу. Это объясняется тем, что по традициям мусульманского Востока чеканка монет и упоминание имени верховного правителя в хутбе всегда осуществлялись параллельно.

Икта. Важным событием в отношениях между Текешем и Тоган-шахом стала передача последнему северохорасанского округа Насы. Именно в ахд-наме упоминается передача какой-то земли в качестве икты (араб. إقطاع – надел). В документе «Маншур о повторном даровании Насы Изз ад-Дину Тоган-шаху ибн Муайиду» из труда Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади говорится следующее: «Кто нас послушается, тому откроются двери удачи. Поэтому, поскольку Вы доказали нам свою преданность и выполнили принцип отцовства и сыновства, наше благодатное дыхание вскоре достигнет Вас. И мы намерены увеличить Вам размеры икты и предоставить различные благословения и высокие звания. А так как в описании документа на Ваше имя во исполнение предыдущих указов все было окончательно, то мы передали Вам территорию Насы (и ближайшие районы), которая была под контролем Вашего дивана с предыдущим указом. Чтобы Вы могли уверенно действовать в качестве правителя этих территорий и оплачивать расходы на товары этого региона, как делали это в прошлом. Мы знаем, что Вы справедливы и честны» [1, с. 30–32]. В работе Х. Хорста также приводится инструктивная часть данного документа: «Земли Насы, которые он удерживал согласно предыдущему документу, будут возвращены Тоган-шаху. Он должен исполнять свои обязанности в страхе перед Богом и справедливостью и доверять управление и налоги (амвал)⁴ этих деревень своим представителям. Его представители должны назначать надежных сборщиков налогов (уммал) и финансовых инспекторов (мутасаррифан), которые должны обращаться к подданным только на основе фиксированного налогового списка и для чистых налогов на землю (харадж). Его представители также не должны вводить никаких новшеств и должны собирать [налоги] в нужное время в старом размере на основе установленных государственных сборов. Тоган-шах должен собирать все налоги, приказывать префекту полиции и чиновникам защищать добро от зла и обеспечивать безопасность дорог и путешественников. Поведение имамов, судей, теологов, эмиров, исфахсаров, знати и подданных земель Насы, которые

³Здесь и далее перевод наш. – Д. Т.

⁴Речь идет о материальных ценностях, финансовых ресурсах или налоговых преступлениях, которые были важным элементом вассальных обязательств.

являются владениями его дивана, заключается в том, что они признают Тоган-шаха и подчиняются ему. Знати не дозволяется вмешиваться в его дела» [5, S. 138].

Прежде всего потому, что документ не датирован, мы точно не знаем, в какой период правления Тоган-шаха произошло это событие. Однако с большой степенью вероятности можно предположить, что его можно датировать 1181–1182 гг. В документе было заявлено, что икта была дана ему в обмен на его послушание и что она будет увеличена из-за его лояльности. Как следует из выражения в маншуре, Наса уже ранее находилась в руках Тоган-шаха в качестве икты. В маншуре говорится о том, что ему снова вручают Насу за его лояльное отношение к Текешу.

Переписка. Напряженная ситуация в Хорасане вынуждала Текеша поддерживать регулярные контакты с Тоган-шахом. В труде Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади приводится текст письма хорезмшаха, адресованного правителю Нишапура. В письме, которое, как утверждается, было написано в пределах провинции Наса и отправлено через исфаксалара Сайфа ад-Дина, упоминалось об укреплении союза между этими правителями, а также о послах, которые ездили к ним [1, с. 190–193]. Здесь хорезмшах заявляет, что вся окрестность Насы принадлежит Тоган-шаху и что данный регион кто-то пытается захватить. Также Текеш заявляет, что эти места находятся в распоряжении Тоган-шаха, и если он не отдаст никаких распоряжений, то с правителя Нишапура будут спрашивать все, что касается Насы.

Кроме того, в рассматриваемом письме Тоган-шаху предлагалось внимательно выслушать посланника хорезмшаха, направленного к нему. Указывалось, что Тоган-шаху были адресованы некоторые просьбы и что они должны быть выполнены без промедления. Сообщалось, что принятие этих пожеланий Тоган-шахом повысит его уверенность в себе. В этом письме хорезмшах Текеш отмечал: «Теперь братство и дружба между мной и нашим дорогим братом очень сильны и упрочены. Никто не имеет права менять эту ситуацию. Он должен знать, что счастье в нашей службе» [1, с. 190–197]. Представляется обоснованным утверждать, что человек, который планирует напасть на земли Насы и которого хорезмшах Текеш называет «он», – это Султан-шах. Стоит отметить, что имя Тоган-шаха прямо упоминается в документе на с. 190–193 труда Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади, опубликованного Ахмадом Банманьяром. Однако в документе на с. 193–197 не упоминается имя человека, которому было отправлено письмо. Турецкий историк Г. Азар Насырбады вполне обоснованно считала, что это письмо было отправлено Тоган-шаху. Ее главным аргументом были обстоятельства, связанные с землями Насы [13, s. 46].

Написание Текешем письма подвластному правителю свидетельствует о проявленном к нему доверии. Включение официальных писем в труд Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади, а также тот факт, что из-за монгольских нашествий до наших дней не сохранились экземпляры придворных хроник и других документов хорезмшахов, еще больше повышают значимость этого труда, особенно писем, связанных с Тоган-шахом.

Дипломатическая поддержка в контексте внешней политики. В период междоусобной борьбы за верховную власть в Хорезме с Султан-шахом хорезмшах Текеш старался избегать военных столкновений с правителями соседних государств. Основным соперником хорезмшаха Текеша в Хорасане был Гияс ад-Дин ал-Гури из династии Гуридов. Также стоит учитывать, что в свое время Тоган-шах обращался за помощью к представителям этой династии. С целью предотвратить возможный союз Тоган-шаха с ними Текеш демонстрировал свое покровительство над правителем Нишапура. Обращение к фигуре Гияс ад-Дина ал-Гури необходимо для подтверждения статуса Тоган-шаха. Текеш в переписке с Гияс ад-Дином ал-Гури выступал гарантом безопасности Тоган-шаха, что доказывает реальное выполнение обязательств покровительства, заложенных в ахд-наме. Известно, что представители династии Гуридов были заинтересованы в междоусобной борьбе за хорезмский престол и всячески подстрекали Султан-шаха к борьбе с Текешем и его новым вассалом. Именно этим объясняются активная переписка и дипломатическая поддержка Текеша в отношении Тоган-шаха, так как обязательства в системе вассально-сюзеренных отношений носили двусторонний характер. Разумеется, данные факторы не препятствовали дипломатической переписке между двумя могущественными правителями – Текешем и Гияс ад-Дином ал-Гури, боровшимися за господство в Хорасане; напротив, эти правители поддерживали регулярные контакты [3, с. 404; 4, s. 93–95, 103; 8, с. 46–49; 14, s. 121–126].

Стоит отметить, что одно из писем хорезмшаха Текеша Гияс ад-Дину ал-Гури касалось проблем, связанных с Султан-шахом, который покушался на земли вассала хорезмшаха – правителя Нишапура Тоган-шаха. Кроме того, Текеш предостерег Султан-шаха от любых посягательств на владения Тоган-шаха, официально объявленные землями хасс⁵ хорезмшаха, и призвал его поддерживать с нишапурским правителем мирные отношения, не допуская враждебных действий [8, с. 47–48].

В труде Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади сразу после письма Текеша Тоган-шаху идет шестое письмо хорезмшаха Гияс ад-Дину ал-Гури. В этом

⁵Земли хасс (араб. خاص) – категория земель, доходы с которых шли непосредственно личному ведомству правителя и членам его семьи.

письме, датированном раби II 579 г. х. (август 1183 г.), говорится, что задачей хорезмшаха является защита и оборона владений «давно перешедшего под его защиту сына, Тоган-шаха» [1, с. 199]. Хорезмшах послал в Хорасан 50 тыс. стрелков-тюрок, которые с момента прихода в регион только тем и занимались, что громили тех, кто пытался посягнуть на его вассала [1, с. 198–201; 8, с. 49].

Хорезмшах Текеш в письмах Гияс ад-Дину ал-Гури и Мухаммаду Джахану Пахлавану из династии Ильденизидов (1175–1186) неоднократно упоминал о Тоган-шахе и планировании похода в Хорасан. Первое письмо, направленное атабеку Мухаммаду Джахану Пахлавану, датируется началом мухаррама 577 г. х. (май 1181 г.). В этом письме говорится, что войска хорезмшаха сначала отправились в Хорасан, где усмирили мятежников. Кроме того, отмечается, что эта экспедиция была совершена по просьбе некоего человека, находившегося в Хорасане [1, с. 165–168]. И. Кафесоглу полагает, что этим человеком был Тоган-шах [4, с. 99]. Само упоминание Тоган-шаха в письме свидетельствует о его значении для хорезмшаха Текеша.

Как уже было отмечено, имя регионального правителя не указано в ахд-наме. Текст документа содержит ряд обязательных указаний относительно взаимоотношений присягающего и господина, которые важно соблюдать. Подобные отношения можно наблюдать между Текешем и Тоган-шахом.

Хронология. В данном контексте ключевое значение имеет хронологическая атрибуция документов, включенных в труд Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади. Такие авторитетные исследователи, как В. В. Бартольд и Г. Азар Насырабады, единогласно указывают на то, что основная масса официальной переписки в рассматриваемом собрании документов относится к первой половине 1180-х гг. [3, с. 403; 13, с. 40]. Этот период в точности совпадает с годами

наиболее активной политической деятельности Тоган-шаха в Нишапуре и этапом его тесного дипломатического и вассального взаимодействия с хорезмшахом Текешем.

Особого внимания заслуживает структура самого сборника: текст рассматриваемого ахд-наме расположен рядом с документами, относящимися именно к 1180-м гг. Подобное контекстуальное соседство внутри средневекового собрания инша не может быть случайным и служит веским источниковедческим аргументом в пользу того, что наиболее вероятным адресатом ахд-наме является именно Тоган-шах. Это обстоятельство дает возможность соотнести правовые нормы документа с конкретной исторической обстановкой в Хорасане того времени.

Совокупность исторических и политико-правовых факторов позволяет исключить Тогрула III и Кутлуг-Инанча из числа вероятных адресатов ахд-наме. Идентификация в качестве адресата документа сельджукского султана Тогрула III невозможна вследствие статусного несоответствия: жесткие условия акта, фактически низводящие правителя до уровня наместника, были неприемлемы для султана, стремившегося к реставрации сильной власти Сельджукидов в регионе, а его скорое восстание подтверждает фиктивный характер признания сюзеренитета. Версия Ю. Пауля, согласно которой адресатом ахд-наме является Кутлуг-Инанч, также противоречит сведениям историков Изз ад-Дина ибн ал-Асира и Ата-Мелика Джувейни, фиксирующих недоверие этого представителя династии Ильденизидов по отношению к Текешу и его сожаление о призыве хорезмшаха. Таким образом, историческая несовместимость данных фигур с требованиями документа делает Тоган-шаха единственным наиболее вероятным адресатом ахд-наме, поскольку его положение в Хорасане полностью соответствовало условиям документа.

Заключение

Анализ ахд-наме, приведенного в сочинении Баха ад-Дина Мухаммада ал-Багдади, позволяет сделать выводы как источниковедческого, так и общео исторического характера. Структурно-стилистическое сопоставление данного документа с более ранним савганд-наме хорезмшаха Атсыза выявляет отчетливую преемственность формы и содержания клятв. Эта преемственность свидетельствует о том, что традиции оформления политических документов сельджукского периода были успешно адаптированы канцелярией династии Ануштегинидов для решения актуальных политических задач.

Центральным вопросом исследования являлась идентификация адресата документа. Рассмотренные аргументы Ю. Пауля в пользу Кутлуг-Инанча вызывают обоснованные сомнения, так как последний, согласно источникам, не выполнял ключевых усло-

вий вассалитета. Напротив, совокупность фактов указывает на правителя Нишапура – Тоган-шаха. В пользу этой гипотезы свидетельствуют упоминание в другом документе собрания икты, переданной Тоган-шаху, и нумизматические данные 1182 г., где у Текеша впервые зафиксирован титул «султан». Более того, веским аргументом служит содержание дипломатической переписки Текеша с Гияс ад-Дином ал-Гури и Султан-шахом, в которой хорезмшах открыто выступает как защитник и покровитель Тоган-шаха, отстаивая его интересы перед лицом внешних угроз. Аргументом также служит датировка документов первой половиной 1180-х гг. Хотя идентификация не может быть абсолютно достоверной из-за отсутствия прямых указаний в источнике, совокупность косвенных свидетельств делает кандидатуру Тоган-шаха наиболее обоснованной.

Идентификация Тоган-шаха как адресата ахд-наме позволяет скорректировать понимание стратегии Текеша в 1180-х гг. Текст документа следует рассматривать не просто как формальный договор, а как скрепление тактического союза в контексте ожесточенной борьбы Текеша с его главными соперниками – Султан-шахом и Гияс ад-Дином ал-Гури. Обоснование кандидатуры Тоган-шаха подтверждает, что приоритетом для хорезмшаха в этот период являлась не внешняя экспансия, а установление прочного контроля над Хорасаном.

Покровительство правителю Нишапура доказывает, что Текеш стремился создать надежный буфер, направленный на ослабление конкурентов, и обезопасить свои позиции в регионе. В этой сложной политической игре ахд-наме имело важное значение: через легитимацию власти над Нишапуrom Текеш стремился предотвратить возможное продвижение представителей династии Гуридов вглубь Хорасана и исключить их союз с Султан-шахом. Закрепление вассалитета Тоган-шаха позволяло хорезмшаху демонстрировать внешним силам и в первую очередь

Гияс ад-Дину ал-Гури монолитность своих владений. Необходимость обеспечения тыловой безопасности и демонстрации единства государства объясняет осторожность внешней политики Текеша: он намеренно ограничивал свои амбиции пределами Хорасана, опасаясь выходить на западные рубежи, пока не будет устранена угроза со стороны брата и консолидирована власть в тылу.

В конечном итоге ахд-наме демонстрирует, что политическая карта региона определялась сложным процессом заключения дипломатических союзов и договоров. Документ выступает инструментом, регулирующим баланс обязательств и гарантий защиты, с помощью которого Текеш интегрировал местные династии в систему вассальной зависимости. Вся политическая, дипломатическая и военная активность Текеша доказывает, что возвышение государства Ануштегинидов было не только результатом завоеваний, но и итогом применения последовательной стратегии по нейтрализации конкурентов внутри Хорасана, опирающейся на правовые традиции мусульманского Востока.

Библиографические ссылки

1. Баха ад-Дин Мухаммад ал-Багдади. *Ат-тавассул ила ат-тарассул* [Книга искания доступа к деловой переписке]. Тегеран: Кетабханейе Ахмад Бахманийар; 1937. 389 с. (на перс.).
2. Paul J. An oath of fealty for Tekesh b. Il Arslan Khwarazmshah. В: Алимova ДА, Шварц Ф, редакторы. *Центральная Азия в эпоху Средневековья и Нового времени: общество, культура, источники*. Ташкент: Akademnash; 2019. с. 275–287.
3. Бартольд ВВ. *Сочинения. Том 1, Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Москва: Издательство восточной литературы; 1963. 760 с.
4. Kafesoğlu I. *Harezmşahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi; 1992. 316 s.
5. Horst H. *Die Staatsverwaltung der Grosselügen und Horazmshahs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag; 1964. VII, 191 S. (Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission). DOI: 10.25673/101079.
6. Köymen MA. Son Irak Selçukluları Hükümdarı II. Tuğrul ve Zamani. *Journal of Literature and Humanities*. 1985;13:215–234.
7. Bosworth CE. The political and dynastic history of the Iranian world (A. D. 1000–1217). In: Boyle JA, editor. *The Cambridge history of Iran. Volume 5, The Saljuq and Mongol periods*. Cambridge: Cambridge University Press; 1968. p. 1–202.
8. Буниатов ЗМ. *Государство хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231)*. Москва: Наука; 1986. 248 с.
9. Gürbüz M. *Harizmşahlarda devlet teşkilatı, ekonomik ve kültürel hayat* [dissertation]. İstanbul: Sosyal Bilimler Enstitüsü; 2005. 327 s.
10. Paul J. Forces and resources. Remarks on the failing regional state of Sultānshāh b. Il Arslan Ħwārazmshāh. In: Bemann J, Schmauder M, editors. *Complexity of Interaction along the Eurasian steppe zone in the first millennium CE*. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn; 2015. p. 597–622.
11. Peacock ACS. *The Great Seljuk Empire*. Edinburgh: Edinburgh University Press; 2015. 378 p.
12. Ceceli G. *Harizmşah hükümdarı Sultanşah Mahmud (567–589/1172–1193)* [dissertation]. İstanbul: Marmara Üniversitesi; 2006. 128 s.
13. Azar Nasirabadı G. A munshaat periodical of the Khwarazmshah era «Al tawassol ila al tarassol» and its significance for the political history of the time. *History Studies*. 2021;13(1):33–49. DOI: 10.9737/hist.2021.976.
14. Azar Nasirabadı G. *Harezmşahlar döneminde diplomasi ve elçilik faaliyetleri*. Ankara: Altınordu Yayınları; 2024. 235 s.
15. Тимохин ДМ. Особенности описания правления хорезмшаха Ала ад-Дина Текиша в арабо-персидских источниках XII в. В: Мишин ДЕ, редактор. *Арабский и исламский мир в Средние века: от Иберийского полуострова до Средней Азии*. Москва: Институт востоковедения РАН; 2021. с. 44–67.
16. Тимохин ДМ. Смерть сельджукского султана Рукн ад-Дина Тогрула III (1176–1194) в мусульманской историографии XII–XIII вв. *Vox Medii Aevi*. 2025;1(12):37–59. DOI: 10.24412/2587-6619-2025-12-37-59.
17. Ибн ал-Асир. *ал-Камил фи-т-тарих (Полный свод истории). Избранные отрывки*. Булгаков ПГ, переводчик. Ташкент: Узбекистан; 2006. 560 с.
18. Ата-Мелик Джувейни. *Чингисхан. История завоевателя мира*. Москва: Магистр-пресс; 2004. 690 с.

РЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Меньковский В. И., Жеребцов И. Л., Косяк Н. А. Политика памяти новых независимых государств Центральной Азии (1991–2020-е годы). Сыктывкар : Коми науч. центр Урал. отд-ния РАН, 2025. 252 с.

Менькоўскі В. І., Жарабцоў І. Л., Касяк М. А. Палітыка памяці новых незалежных дзяржаў Цэнтральнай Азіі (1991–2020-я гады). Сыктывкар : Комі навуц. цэнтр Урал. аддз-ня РАН, 2025. 252 с. (на рус.).

Menkovski V. I., Zherebtsov I. L., Kosyak N. A. Memory policy of the newly independent states of Central Asia (1991–2020s). Syktyvkar : Komi Sci. Cent. of Ural Branch of Russ. Acad. of Sci., 2025. 252 p. (in Russ.).

После распада СССР вновь образовавшиеся государства постсоветского пространства столкнулись со множеством задач государственного строительства и создания новой идентичности. Кроме создания современных государственных институтов, реформирования экономики, поиска своего места на международной арене, власти и общества новых независимых государств должны были также сформировать собственное представление о себе, своем прошлом и будущем. Политика памяти играет важную роль в формировании национальной идентичности и национальной идеи, легитимации власти и определении курса развития страны. Ведь именно представления о прошлом по меньшей мере частично оправдывают выбор, который делается на будущее. В постсоветских государствах кардинальный пересмотр истории был обусловлен вакуумом, образованным из-за краха марксистско-ленинской философии и марксистской трактовки истории. Распад СССР буквально оставил новые независимые государства «без истории», поэтому осмысление и написание национальных историй стали делом как представителей академической науки, так и политиков. Авторы книги «Политика памяти новых независимых государств Центральной Азии (1991–2020-е годы)» отмечают, что исследуют «практики коммеморации, использование образов прошлого при формировании коллективной

идентичности, деятельность различных “институтов памяти”, механизмы общественных дебатов о прошлом, методы работы средств массовой информации с историческим материалом» (с. 6). В монографии прослеживается, какое огромное, даже решающее значение играют главы государств в определении приоритетов и основных моментов политики памяти.

Академические исторические труды остаются за рамками исследования. Авторы только эпизодически обращаются к работам и концепциям профессиональных историков, когда эти работы являются важным дополнением к общей картине становления и эволюции исторической памяти в странах региона. В частности, в монографии говорится об общих проблемах научных дискуссий по поводу колониализма и модернизации, подходов к исторической памяти о Центральной Азии, существующих в российской историографии, отношения российского научного сообщества к национальным историям новых независимых государств.

В издании рассматривается политика памяти стран Центральной Азии, под которой понимают Туркестан, бывший до 1917 г. частью Российской империи. На сегодняшний день на этой территории располагаются такие государства, как Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан. Исследование политики памяти каждой из этих стран, включающее изучение становления институтов памяти, коммеморативных практик и обращения с советским прошлым, дает возможность осознать, насколько пестр и многообразен данный регион и насколько уникален опыт каждого центральноазиатского государства в обращении с собственной историей. Вместе с тем авторы отмечают, что, несмотря на недавнее совместное прошлое, географическую близость, постколониальный дискурс исторического осмысления, страны Центральной Азии не имеют единого видения региональной истории и единой стратегии политики памяти.

Поскольку политика памяти в государствах Центральной Азии является современным явлением, широкий круг материалов, в частности официальные документы и высказывания официальных лиц, доступны онлайн. Авторы издания обращались к важнейшим академическим работам центральноазиатских, российских и западных исследователей.

В первой главе монографии описывается процесс создания институтов исторической памяти. Эта глава имеет преимущественно справочный характер: в ней перечисляются научно-исследовательские центры, музеи, учреждения образования, деятельность которых направлена на сохранение историко-культурного достояния и разработку национальных идей.

Коммеморативные практики рассматриваются во второй главе, где приводятся и анализируются документы, заложившие основу политики памяти. Непосредственно к практикам коммеморации относятся создание нового календаря праздников, топонимические изменения, поиски золотого века и национальных героев, попытки сделать более древней историю государственности, а также увековечение заслуг действующего главы государства.

Третья глава монографии посвящена интерпретации советского прошлого в исторической политике центральноазиатских государств. Эта часть исследования наиболее многогранна, поскольку включает в себя проблемы историографии и постколониального (постимперского) осмысления прошлого, размышления об уникальном устройстве Советского государства и советском национальном строительстве, а также изложение концепций национальной истории. Интереснейшим наблюдением представляется замечание о том, что советский отрезок истории оказался не таким «полезным прошлым» для государств Центральной Азии, как для России. Анализируя место и роль советского периода в истории государств Центральной Азии, авторы приходят к выводу о том, что это время в основном встраивается в общий национальный исторический нарратив с неоднозначными оценками. Доля «черного» и «белого» в нем варьируется, но в целом присутствует признание советской эпохи как модернизационного этапа национальной истории и отмечается роль властей СССР в создании национальных республик. К негативным сторонам советского прошлого относятся репрессии, притеснение религии, выхолащивание национальной культуры, подчинение общесоюзному центру. Примечательно, что периоды вхождения Центральной Азии в состав Российской империи и Советского Союза зачастую рассматриваются как звенья одной цепи, а именно как единая эпоха колониального уг-

нетения. Несмотря на то что в Таджикистане советская власть выступает фактически как спасительница таджикского народа, а в Туркменистане и Узбекистане отношение к Советскому Союзу колеблется от негативного к сдержанному, этот период занимает промежуточное положение между мифологическим золотым веком и современным национальным возрождением.

Ценным для читателя является приложение 1, где приводятся справочные сведения о научно-исследовательских организациях в центральноазиатских государствах, образовательных и учебно-методических учреждениях, музеях и культурно-исторических центрах, топонимической политике, деятелях культуры и исторических фигурах, память о которых присутствует в публичном пространстве. Особый интерес представляет собой раздел «Персонализированная мемориализация», где речь идет об увековечении заслуг президентов государств Центральной Азии, которое преимущественно происходило и происходит во время их нахождения у власти. Мемориализация проявляется в топонимике, произведениях искусства, сфере образования и т. д.

В приложении 2 приводятся документы, оказавшие наибольшее влияние на формирование мемориальной политики государств Центральной Азии.

Авторы монографии приходят к выводу о том, что на сегодняшний день в государствах Центральной Азии идет процесс создания национальных историй, которые пишутся исключительно с учетом собственных национальных интересов без оглядки на соседей. Поскольку эти интересы существенно разнятся, то об осмыслении региональной истории речь пока не идет. В издании тонко подмечается, что, несмотря на постколониальный дискурс, советские методы исторической интерпретации никуда не делись, они проявляются в политизации истории.

Анализируемая монография однозначно представляет научный интерес. Авторы затрагивают актуальные проблемы формирования, реализации и эволюции политики памяти в Центральной Азии в сравнительном аспекте, изучая институты исторической памяти, особенности осмысления и популяризации исторических знаний и коммеморативные практики в каждом государстве региона. Особую ценность имеет обращение к концепции постколониализма и особенностям российской и центральноазиатской историографии российского и советского периодов в истории Центральной Азии.

М. А. Шабасова¹

¹Марина Алексеевна Шабасова – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Марына Аляксееўна Шабасова – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Marina A. Shabasova, PhD (history), docent; associate professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: shabasovamarina@gmail.com

ЮБИЛЕИ

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Олег Антонович
ЯНОВСКИЙ

Алег Антонавіч
ЯНОЎСКИ

Oleg Antonovich
YANOUSKI

Студент, лаборант, аспирант, преподаватель, доцент, заместитель декана, декан, проректор по учебной работе, первый проректор, профессор, заведующий кафедрой... За этими привычными для биографии работника университета словами стоит не просто перечень должностей, а летопись жизни, в которой каждое звание стало не ступенькой карьерной лестницы, а новым горизонтом служения своей альма-матер. С 1968 г., когда О. А. Яновский переступил порог исторического факультета БГУ, его судьба оказалась неразрывно связанной с университетом. Он прошел путь от студента до первого проректора, оставаясь при этом исследователем, наставником и летописцем университетской истории.

Олег Антонович Яновский родился 6 апреля 1951 г. в д. Крички Минского района. В 1968–1973 гг. он

учился на историческом факультете БГУ. После окончания университета в сентябре 1973 г. О. А. Яновского зачислили на должность старшего лаборанта кафедры истории СССР для работы в историческом музее. С 1975 по 1980 г. Олег Антонович заочно обучался в аспирантуре, а в мае 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В июне 1985 г. ему было присвоено ученое звание доцента, а в мае 2003 г. – ученое звание профессора.

В октябре 1991 г. О. А. Яновского назначили заместителем декана исторического факультета, в декабре 1996 г. он был избран деканом этого факультета. С июня 1998 г. Олег Антонович одновременно возглавил кафедру истории России, которой руководит по сей день. В 2000 г. он стал проректором БГУ по учебной работе. С ноября 2001

по декабрь 2003 г. Олег Антонович был первым проректором БГУ. На всех постах он проявил себя энергичным руководителем, много сделавшим для совершенствования учебной и научной работы, развития материальной базы факультетов и создания новых издательских традиций. С его деятельностью связано утверждение новой символики университета – знаменитой «папараць-кветкі».

Много лет О. А. Яновский занимается изучением истории БГУ как важнейшего образовательного, научного и культурного центра белорусского государства и общества. Для него история университета неразрывно связана с собственной жизнью. Символично, что трудовой путь Олега Антоновича начался именно в Музее истории БГУ: с тех пор его основные исследовательские усилия направлены на изучение истории альма-матер. Впервые в мировой практике высшей школы по инициативе Олега Антоновича и при его активном участии в учебные планы всех факультетов был введен новый предмет – университетоведение. Преподавание этого курса предполагает не только усвоение студентами знаний об истории высшего образования (с акцентом на истории БГУ), но и осмысление самого феномена университета.

В своих публикациях Олег Антонович раскрывает множество аспектов развития ведущего университета страны: международные связи, социальный состав студенчества, новые методики обучения, научно-исследовательскую деятельность и историю университетского городка. Особую важность имеют его работы о первом ректоре БГУ – Владимире Ивановиче Пичете, а также публикация уникальных архивных документов. Олег Антонович по праву может быть назван летописцем университетской истории. Выход подготовленных им к 80-летию БГУ энциклопедического издания «Профессора и доктора наук Белорусского государственного университета, 1921–2001» и монографии «История Белорусского государственного университета в биографиях его ректоров» (в соавторстве) стал важной вехой в развитии белорусского университетоведения. На сегодняшний день ученый является автором более 400 научных и учебно-методических публикаций.

При активном участии О. А. Яновского в издательстве БГУ в конце 1990-х гг. был начат выпуск книжных серий «Universitas» («Университет»), «Scriptor universitatis» («Университетский автор»), «Memoria et Gloria» («Память и слава»), в которых выходили переводы трудов знаменитых авторов, работы сотрудников БГУ по дидактике высшей школы, биографии ученых университета. С 2017 г. начато издание книг в серии «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо

Отечества», в рамках которой вышли пять книг «Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования». Научным редактором этой серии является О. А. Яновский.

Много внимания Олег Антонович уделяет внедрению в учебный процесс информационных технологий. Еще в 1980-х гг. он вместе с коллегами по кафедре начал использовать в преподавании технические средства обучения. При его поддержке преподавателями кафедры создаются электронные учебные мультимедийные проекты, которые вводятся в учебный процесс не только на историческом факультете БГУ, но и в других учреждениях высшего образования Беларуси и за рубежом.

Как преподавателя и наставника Олега Антоновича отличает высокий профессионализм. Он находит индивидуальный подход к каждому студенту, а для такой работы недостаточно быть историком-исследователем, необходимо обладать особой душевной теплотой и тактичностью. О. А. Яновский воспитал не одно поколение историков, подготовил 17 кандидатов наук. Его ученики работают в ведущих образовательных и научно-исследовательских центрах республики. С полной уверенностью можно сказать, что он формирует особую школу университетской белорусской науки.

Олег Антонович и сегодня остается в строю. В апреле 2025 г. в рамках гражданско-патриотического проекта «80 бесед о Великой Победе» ученый выступил с лекцией «БГУ в годы Великой Отечественной войны», посвященной 82-й годовщине возобновления работы университета в эвакуации на станции Сходня. В своем выступлении он подробно осветил героический период в истории университета, когда преподаватели и студенты, несмотря на тяжелые условия, продолжали научную и образовательную деятельность, внося вклад в подготовку специалистов для фронта и тыла. О. А. Яновский продолжает читать лекции по общепрофессиональной дисциплине «История России и Украины», а также авторские курсы «Интеллектуальная история Беларуси», «Социально-экономическая политика России (вторая половина XVIII в.)», «Современные тенденции и новации изучения отечественной и всеобщей истории», «Модернизационные процессы в новое и новейшее время» и др.

За свою многолетнюю работу Олег Антонович удостоен высоких наград: Почетной грамоты Совета Министров Республики Беларусь, Почетной грамоты Национального собрания Республики Беларусь, нагрудного знака «Отличник образования», почетных грамот БГУ и Министерства

образования Республики Беларусь. Но, пожалуй, главная награда для него – это тысячи студентов, для которых лекции профессора стали не просто учебным курсом, а уроком отношения к делу, слову, истории. Олег Антонович продолжает щедро делиться опытом с молодыми коллегами. В каж-

дом его ученике продолжается живая традиция той университетской школы, которую О. А. Яновский создавал десятилетиями.

А. Г. Кохановский¹, В. И. Меньковский²,
С. Н. Темушев³

¹Александр Геннадьевич Кохановский – доктор исторических наук, профессор; декан исторического факультета Белорусского государственного университета.

Аляксандр Генадзьевіч Кахановічкі – доктар гістарычных навук, прафесар; дэкан гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Aliaksandr G. Kakhonouski, doctor of science (history), full professor; dean of the faculty of history, Belarusian State University.
E-mail: kohanovsky@bsu.by

²Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета Белорусского государственного университета.

Вячаслаў Іванавіч Менькоўскі – доктар гістарычных навук, прафесар; прафесар кафедры гісторыі Расіі гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: menkovski@bsu.by

³Степан Николаевич Темушев – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории Беларуси древнего времени и средних веков исторического факультета Белорусского государственного университета.

Сцяпан Мікалаевіч Цемушаў – доктар гістарычных навук, прафесар; загадчык кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Stsiapan N. Tsemushau, doctor of science (history), full professor; head of the department of Belarus history of the ancient time and the Middle Ages, faculty of history, Belarusian State University.

E-mail: stepnikbsu@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ
АНАТАЦЫІ ДЭПАНІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ
INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 005.95:004(075.8)

Ходин С. Н. Автоматизация управления персоналом : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0322-04 «Управление документами» / С. Н. Ходин, Е. Э. Попова, Л. С. Иваничева ; БГУ. Минск, 2026. 112 с. : ил. Библиогр.: с. 110–112. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/342839>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 26.02.2026, № 004724022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 6-05-0322-04 «Управление документами». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Автоматизация управления персоналом».

ЭУМК нацелен на приобретение студентами знаний и практических навыков в сфере управления персоналом и применения информационных технологий, способствует формированию универсальных и базовых профессиональных компетенций.

Структура ЭУМК включает теоретический и практический разделы, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

УДК 930.2:004(075.8)

Антонович З. В. Методика информационного анализа текстовых и аудиовизуальных источников : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0322-02 «Архивное дело» / З. В. Антонович ; БГУ. Минск, 2026. 65 с. Библиогр.: с. 63–65. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344009>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.03.2026, № 008417032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 6-05-0322-02 «Архивное дело». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Методика информационного анализа текстовых и аудиовизуальных источников».

ЭУМК нацелен на формирование компетенций в области анализа текстовых и аудиовизуальных источников с использованием современных технологий для идентификации данных и оценки эффективности их использования в профессиональной и исследовательской деятельности.

Структура ЭУМК включает теоретический и практический разделы, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

УДК 930.251(075.8)

Антонович З. В. Менеджмент в архивном деле : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0322-02 «Архивное дело» / З. В. Антонович ; БГУ. Минск, 2026. 70 с. Библиогр.: с. 67–70. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344010>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.03.2026, № 008517032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 6-05-0322-02 «Архивное дело». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Менеджмент в архивном деле».

ЭУМК нацелен на формирование компетенций по организации научно обоснованной работы, внедрению научных, технических и социальных инноваций в деятельность организаций (вне зависимости от организационно-правовой формы и собственности) и их архивов, государственных архивных учреждений Республики Беларусь.

Структура ЭУМК включает теоретический и практический разделы, раздел контроля знаний и вспомогательный раздел.

УДК 930.2(075.8)

Ходин С. Н. **Источниковедение** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0322-04 «Управление документами» / С. Н. Ходин, С. Б. Каун ; БГУ. Минск, 2026. 191 с. Библиогр.: с. 177–191. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344264>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.03.2026, № 008820032026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов, обучающихся по специальности 6-05-0322-04 «Управление документами». Содержание ЭУМК предполагает изучение вопросов согласно учебной программе по учебной дисциплине «Источниковедение».

ЭУМК нацелен на выработку целостной системы знаний по источниковедению, усвоение студентами знаний о типах и видах источников и методах их изучения, способствует формированию универсальных и базовых профессиональных компетенций.

Структура ЭУМК включает четыре раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный.

УДК 27-18(075.8)

Данилов А. В. **Раннехристианская антропология** : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0221-01 «Теология» / А. В. Данилов ; БГУ. Минск, 2026. 281 с. Библиогр.: с. 279–281. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/344264>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 09.04.2026, № 009901042026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Раннехристианская антропология» предназначен для магистрантов специальности 7-06-0221-01 «Теология». В ЭУМК содержатся учебно-методические материалы: курс лекций, тестовые задания, учебная программа и список рекомендуемой литературы.

Адресуется магистрантам Института теологии БГУ, а также всем, интересующимся религиоведением.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ

<i>Лукашевич А. М.</i> «Высочайший плац» или «городской бульвар»? Статистика, память и личные счета в конфликте вокруг публичного пространства Полоцка (1830-е гг. – 1908 г.).....	5
<i>Лисовская Т. В.</i> Евангельско-баптистское движение в Беларуси в исторических исследованиях: к вопросу терминологического дискурса.....	22

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Зыкин И. В.</i> Стахановское движение в лесной промышленности: практики региональных совещаний.....	33
<i>Пашков Н. О.</i> Визит Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Фанар в 1960 г.: позиция Константинопольского патриархата.....	42
<i>Гаспарян А. А.</i> Кувейт на перепутье: местная политическая самостоятельность и имперское соперничество в конце XIX – начале XX в.	51
<i>Фатхуррохман Ю. Э., Контор Э.</i> Историческая динамика сертификации халяльной продукции в Индонезии: изменение ролей государства и религиозных учреждений.....	58
<i>Абытов Б. К., Перзашкевич О. В.</i> Таласский курултай 1269 г. и распад империи Чингисхана	66

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Текаев Д.</i> Дискуссия вокруг адресата ахд-наме эпохи Ануштегинидов.....	74
--	----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шабасова М. А.</i> Меньковский В. И., Жеребцов И. Л., Косяк Н. А. Политика памяти новых независимых государств Центральной Азии (1991–2020-е годы).....	84
--	----

ЮБИЛЕИ

Олег Антонович Яновский.....	86
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	89

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

<i>Лукашэвіч А. М.</i> «Найвышэйшы пляц» ці «гарадскі бульвар»? Статыстыка, памяць і асабістыя рахункі ў канфлікце вакол публічнай прасторы Полацка (1830-я гг. – 1908 г.).....	5
<i>Лісоўская Т. В.</i> Евангельска-баптысцкі рух у Беларусі ў гістарычных даследаваннях: да пытання тэрміналагічнага дыскурсу.....	22

УСЕАГУЛЬНАЯ ГІСТОРЫЯ

<i>Зыкін І. В.</i> Стаханаўскі рух у лясной прамысловасці: практыкі рэгіянальных нарад.....	33
<i>Пашкоў Н. А.</i> Візіт Патрыярха Маскоўскага і ўсяе Русі Аляксія І у Фанар у 1960 г.: пазіцыя Канстанцінопальскага патрыярхату.....	42
<i>Гаспаран А. А.</i> Кувейт на раздарожжы: мясцовая палітычная самастойнасць і імперскае саперніцтва ў канцы XIX – пачатку XX ст.....	51
<i>Фатхуррахман Ю. Э., Контар Э.</i> Гістарычная дынаміка сертыфікацыі халяльнай прадукцыі ў Інданезіі: змена роляў дзяржавы і рэлігійных устаноў.....	58
<i>Абытай Б. К., Перзаішкевіч А. В.</i> Таласкі курултай 1269 г. і распад імперыі Чынгісхана.....	66

КРЫНІЦАЗНАЎСТВА

<i>Тэкаеў Д.</i> Дыскусія вакол адрасата ахд-наме эпохі Ануштэгінідаў.....	74
--	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Шабасава М. А.</i> Менькоўскі В. І., Жарабцоў І. Л., Касяк М. А. Палітыка памяці новых незалежных дзяржаў Цэнтральнай Азіі (1991–2020-я гады).....	84
---	----

ЮБІЛЕІ

Алег Антонавіч Яноўскі.....	86
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац.....	89

CONTENTS

BELARUSIAN HISTORY

<i>Lukashevich A. M.</i> «The highest parade ground» or «city boulevard»? Statistics, memory, and personal vendettas in the conflict over public space of Polotsk (1830 th – 1908)	5
<i>Lisouskaya T. V.</i> The Evangelical Baptist movement in Belarus in historical research: towards the question of terminological discourse	22

WORLD HISTORY

<i>Zykin I. V.</i> The Stakhanov movement in the forestry industry: practices of regional meetings	33
<i>Pashkov N. O.</i> The visit of Patriarch Alexei I of Moscow and All Rus' to the Phanar in 1960: the position of the Patriarchate of Constantinople	42
<i>Gasparyan A. A.</i> Kuwait at the crossroads: local agency and imperial rivalry in the late 19 th and early 20 th century	51
<i>Fathurrohman Yu. E., Kontor E.</i> Historical dynamics of Indonesian halal products certification: shifting roles between state and religious institutions	58
<i>Abytov B. K., Perzashkevich O. V.</i> The Talas Kurultai of 1269 and a collapse of the Genghis Khan's empire	66

SOURCE STUDIES

<i>Tekayev D.</i> Discussion around adrese of the ahd-nama from the era of the Anushteginid	74
---	----

REVIEWS

<i>Shabasova M. A. Menkovski V. I., Zhrebtsov I. L., Kosyak N. A.</i> Memory policy of the newly independent states of Central Asia (1991–2020s)	84
--	----

JUBILEES

Oleg Antonovich Yanouski	86
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	89

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам, а также в области музееведения, консервации, реставрации историко-культурных объектов, документалистики, документоведения и архивоведения.

Журнал включен в наукометрические базы данных научных публикаций Scopus и РИНЦ.

**Журнал Белорусского
государственного университета. История.
№ 2. 2026**

**Часопіс Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя.
№ 2. 2026**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.

E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Журнал Белорусского государственного
университета. История» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редакторы *С. Р. Пинчук, А. С. Люкевич*
Технические редакторы *И. С. Капустина,
М. А. Панкратова*
Корректоры *В. И. Авчинникова,
Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.04.2026.
Тираж 25 экз.

© БГУ, 2026

**Journal
of the Belarusian State University. History.
No. 2. 2026**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.

E-mail: jhistory@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/history>

«Journal of the Belarusian State University. History»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editors *S. R. Pinchuk, A. S. Lyukevich*
Technical editors *I. S. Kapustina,
M. A. Pankratova*
Proofreaders *V. I. Avchinnikova,
L. A. Merkul'*

Signed print 30.04.2026.
Edition 25 copies.

© BSU, 2026